«БЛАГОСЛОВЕННЫ ПЕРВЫЕ ШАГИ...»

Сборник работ молодых исследователей

Выпуск 18

Магнитогорск 2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова»

«БЛАГОСЛОВЕННЫ ПЕРВЫЕ ШАГИ...»

Сборник работ молодых исследователей

Выпуск 18

Магнитогорск
2024

УДК 80(045):371.3
ББК 80/83я43
Б 681

Издание осуществлено за счёт средств РНФ в рамках научного проекта № 23-18-20045 «Создание нагайбакской письменности как базы для сохранения уникальной культуры и языка одного из малочисленных коренных этносов Южного Урала».

Рецензент:
доктор филол. наук, профессор кафедры русской филологии
Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского (Болгария)
Стефка Иванова Георгиева

Б 681 **«Благословенны первые шаги…» :** сборник работ молодых исследователей / Науч.-исслед. словарная лаборатория; каф. рус. яз., общ. языкознания и массовой коммуникации / ред. колл. : д-р филол. наук, проф. С. Г. Шулежкова (гл. ред.), ст. науч. сотрудник, канд. филол. наук С. А. Анохина. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорского гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2024. – Вып. 18. – 237 с.

ISBN 978-5-9967-3109-1

В сборнике приняли участие студенты, магистранты, аспиранты из разных университетов Белоруссии, Казахстана, России. Статьи начинающих учёных, разбитые на 9 блоков, привлекут внимание читателя к актуальным проблемам современных гуманитарных наук. Они посвящены новейшим методическим приёмам преподавания русского языка и литературы; истокам формирования русской лексико-фразеологической системы, образным средствам современных текстов, тенденциям обновления национальных языков в условиях цифровизации, своеобразию национальных картин мира. Сборник адресован студентам, аспирантам, магистрантам-гуманитариям, учителям-словесникам и всем, кого интересует жизнь языка в эпоху кардинальных перемен.

Макет С. А. Анохиной

УДК 80(045):371.3
ББК 80/83я43

ISBN 978-5-9967-3109-1

© Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2024
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА НАРОДА…… **6**

Исянтаева И. И. (науч. рук.: **Деревскова Е. Н.**). Мир вещей как фрагмент картины мира врача…… 6

Кунакбаева О. И. (науч. рук.: **Чернова О. Е.**). Концептуализация теоретических подходов к изучению феномена «Popular science» в медиа…… 10

Машковцева Е. Н. (науч. рук.: **Максимова А. М.**). Особенности брендинга российских моногородов……..…….. 15

Руслякова Е. В. (науч. рук.: **Пономарева Л. Д.**). Образ тележурналиста: концептуальные характеристики…….……... 18

Степанова Е. Д. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Коммуникативный аспект научного дискурса……... 23

Царан А. Э. (науч. рук.: **Деревскова Е. Н.**). Понятие *учитель* в лексикографических источниках XIX и XX веков……... 27

РАЗДЕЛ II. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СМИ…….. 32

Жемчугова А. А. (науч. рук.: **Подгорская А. В.**). Концептуальные особенности расследовательской журналистики……. 32

Ильина В. Ю. (науч. рук.: **Никитина Т. Г.**). Недостатки автоматического тонального анализа статей русскоязычных СМИ…….... 36

Лысакова В. С. (науч. рук.: **Чернова О. Е.**). Теоретические основы журналистской пропаганды…… 41

Приходько Е. В. (науч. рук.: **Подгорская А. В.**). Особенности освещения волонтёрской (добровольческой) деятельности в СМИ…….. 44

Трофимова Е. Ю. (науч. рук.: **Дорфман О. В.**). Освещение военных конфликтов: требования к написанию материалов …….……. 48

Федина А. А. (науч. рук.: **Деревскова Е. Н.**). Лексические средства воздействия на читателя в детских СМИ……...….. 52

Фокина Д. В. (науч. рук.: **Подгорская А. В.**). Специфика содержательных и композиционных-графических характеристик современного православного детского журнала……..... 57

РАЗДЕЛ III. ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАКОНТЕНТА И ИХ КОНЦЕПЦИИ…….....……. 60

Безденежных А. В. (науч. рук.: **Чернова О. Е.**). Концепция Telegram-канала, посвящённого музыкальной критике…….……... 60

Бирюкова Д. В. (науч. рук.: **Максимова А. М.**). Типологические особенности современных женских журналов……..…… 64

Добриян В. Р., **Дорфман О. В.** Определение понятия детского блога и его характеристик…….…... 68

Долгушева А. П. (науч. рук.: **Подгорская А. В.**). «Гонзо-журналистика» как феномен персонального «нового журнализма»……. 72

Меркурьев К. Н. (науч. рук.: **Пономарева Л. Д.**). Концепция научно-популярной журналистики: типологическая ниша в СМИ…….…. 76

Кириллова А. Д. (науч. рук.: **Чернова О. Е.**). Механизм создания новостных программ на телевидении…… 82

Перегудина В. Д., **Максимова А. М.** Подкаст как новый вид медиаконтента: тематическое и жанровое разнообразие…….…….. 86

РАЗДЕЛ IV. НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ……. 90

Акшенцева А. А. (науч. рук.: **Подгорская А. В.**). Русский конструктивизм в творчестве А. Родченко. Опыты для будущего……. 90

Барсукова К. В., Чурилина Л. Н. Изобразительный потенциал слова: тема «балет» в художественном тексте……. 94

Бебешко М. В. (науч. рук.: **Деревскова Е. Н.**). Номинация одежды как отражение экстралингвистической ситуации……... 98

Конопацкая К. С. (науч. рук.: **Подгорская А. В.**). Специфика жанра документального комикса (на материале графических романов А. Шпигельмана «Маус», М. Сатрапи «Персеполис», А. Рахманько и М. Соммера «Твой дедушка Вася»)…… 102

Конькова Д. А. (науч. рук.: **Позднякова Н. В.**). «Танки грязи не боятся»: вопрос о фразеологизации рекламных слоганов……... 107

Лятьева Ю. А. (науч. рук.: **Щербовских И. Г.**). Своеобразие поэтических систем А. Блока и К. Бальмонта..... 112

РАЗДЕЛ V. ОТ СТАРОСЛАВЯНСКОГО К НОВОСЛАВЯНСКОМУ (К ИСТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ)…… 117

Андреев А. В. (науч. рук.: **Шулежкова С. Г.**). Глагол в новославянском языке….. 117

Райкова К. А., Франчук О. В. ***Ащє потрєпещєть заоүшіє дєсно...*** (представления о способах предсказания будущего в древних славянских текстах XIV–XV вв.) 124

Тажженова А. Р., Соколова Е. Н. Топонимическая лексика в русских летописных сводах XV века……... 129

Юновидова М. М. (науч. рук.: **Шулежкова С. Г.**). Вербализация концепта «Преступление» в Синайском евхологии……. 133

РАЗДЕЛ VI. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК РАЗНЫХ НАРОДОВ…….. 140

Войтова А. Е. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Переводные соответствия белорусских и немецких пословиц…… 140

Гусейнова Э. М. К. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Лексикографическое описание азербайджанских и белорусских пословиц (материалы к двуязычному словарю)…… 144

Желудович В. В. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Концептуально-образная общность семантики белорусских и немецких пословиц……. 148

Кодинцева К. В. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Лингвокультурологический комментарий в белорусско-английском словаре пословиц……. 152

Михайлов А. А. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Белорусские и французские пословицы (лексикографический аспект)……... 157

Никитин П. А. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Пословицы и антипословицы в белорусском, русском и английском языках (семантико-когнитивный аспект) 162

Рупец Е. А. (науч. рук.: **Иванов Е. Е.**). Немецкие параллели белорусских пословиц (типологически значимые сходства и различия)……. 166

РАЗДЕЛ VII. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗНОСИСТЕМНЫМИ ЯЗЫКАМИ (ПЕРЕВОД И ЗАИМСТВОВАНИЕ)…… 171

Берестовая А. В. (науч. рук.: **Рубанова Е. В.**). Способы создания австралийского сленга (на примере сленгизмов 1778–1868 гг. возникновения)……..…. 171

Исаенко И. А. (науч. рук.: **Доминикова С. Ф.**). Роль переводческих трансформаций в достижении адекватности перевода (на материале русского и английского языков)..... 175

Ковалева П. К. (науч. рук.: **Напреенко Г. В.**). Лексико-грамматические особенности перевода официально-деловых тестов с китайского языка на русский язык…. 179

РАЗДЕЛ VIII. СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКА НАГАЙБАКОВ, ПРАВОСЛАВНОГО ТЮРКСКОГО ЭТНОСА……..... 183

Баймурзина Д. А. (науч. рук.: **Шулежкова С. Г.**). Наименования светских и религиозных праздников в нагайбакском языке……... 183

Босова А. Ю., Позднякова Н. В. Феминитивы в языке нагайбаков……... 187

Новиков Д. А. (науч. рук.: **Шулежкова С. Г.**). Лексика, связанная с военным делом, в языке нагайбаков, потомственных казаков……..… 191

Орликова А. А. (науч. рук.: **Шулежкова С. Г.**). Наименования видов одежды нагайбаков: красота и практичность……... 197

Садельян С. А., **Шулежкова С. Г.** Верования нагайбаков, отразившиеся в их языке……... 201

РАЗДЕЛ IX. ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН…….... 206

Горностаева Е. А. (науч. рук.: **Дорфман О. В.**). Изучение публицистического стиля на интегративной основе (межпредметные связи уроков русского языка и музыки)…….…….. 206

Гришина Д. А. (науч. рук.: **Чернова О. Е.**). Сообщество «ВКонтакте» как средство достижения образовательных целей……..……... 210

Киселева Ю. П. (науч. рук.: **Пономарева Л. Д.**). Основные журналистские жанры и их изучение в студии «Юный журналист»……... 214

Кочетова Т. С. (науч. рук.: **Чурилина Л. Н.**). Проект «Школьное TV»: работа над развитием устной речи……. 218

Леонтьева В. А. (науч. рук.: **Чурилина Л. Н.**). Аналитико-синтетический метод в формировании читательской грамотности (на примере очерка)…… 222

Мажауров А. А., Франчук О. В. Использование технологии проектного обучения при изучении истории русского языка…….…. 227

Мирошина П. А. (науч. рук.: **Деревскова Е. Н.**). Несогласованное определение: к вопросу изучения в школе…… 231

Сюткина М. Ф. (науч. рук.: **Дорфман О. В.**). Организация работы детского СМИ как способ развития эмоционального интеллекта детей с ограниченными возможностями здоровья……... 235

РАЗДЕЛ I
ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ КАРТИНЫ МИРА НАРОДА

И. И. Исянтаева, студентка
Науч. рук.: Е. Н. Деревскова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

МИР ВЕЩЕЙ КАК ФРАГМЕНТ КАРТИНЫ МИРА ВРАЧА

Аннотация. В статье проведён анализ фрагмента лексический структуры текстов М. А. Булгакова из цикла «Записки юного врача». Выделены лексемы, презентирующие мир вещей врача. В ходе анализа использован метод выделения текстовых лексико-тематических групп и предложено их описание с учётом парадигматических и синтагматических связей и отношений, возникающих в тексте.

Ключевые слова: функциональная лексикология, лексика мир вещей, текстовые лексико-тематические группы, семантика, парадигматика, синтагматика.

Анализ лексической структуры текста при функциональном подходе имеет целью обнаружение специфики парадигматических и синтагматических связей слов, проявленных в тексте. Цель такого исследования – выявление доминантных единиц текста, обеспечивающих процесс перехода от смысла к тексту и обратно [Чурилина 2012: 6].

Лингвистический опыт классификации лексического материала привёл учёных к заключению о необходимости разработки классификации единиц лексического уровня текста по текстовым лексико-тематическим группам. Такая классификация создаётся на основе различных критериев. Она опирается, к примеру, на «тему героя» произведения, объединяя соотнесённые с ним слова [Кусаинова 1997: 11]. Доминантной текстовой лексико-тематической группы является ключевое слово как слово-стимул текстовых ассоциаций, эксплицирующее содержательную тему [Чурилина: http].

Важное место в исследовании лексической структуры текста и выделении текстовых тематических групп занимает *мир вещей.* Этот термин был введён А. Б. Есиным, талантливым литературоведом и культурологом. С его точки зрения, мир вещей – это «вторая природа», состоящая из предметов, созданных человеком. Деталь вещного мира приобретает всё новые и новые значения. К примеру, раньше мир вещей показывал только социальное положение персонажей. Со временем предметы вещного мира стали не только отражать характер персонажа, при этом рисуя его психологический портрет, но и нести в себе отношение автора к персонажу, а также отражать уклад жизни. Мир вещей может выступать и в качестве детали-аксессуара, и в роли бытовой вещи,

используемой персонажем повседневно, и даже выполнять эстетическую функцию [Есин 1981: 23].

Задача данного исследования состоит в анализе лексики, вербализующей мир врача. В основу анализа положено объединение лексем в текстовые лексико-тематические группы (далее – ТЛТГ). В качестве лингвистического материала выбран цикл рассказов М. А. Булгакова «Записки юного врача».

Анализ лексической семантики, а также текстовых смыслов слов позволил объединить лексемы, относящиеся к «миру вещей», в следующие ТЛТГ.

Первая ТЛТГ «Справочные пособия» включает в себя лексемы *учебник, книга, руководство, атлас, том, справочник.* Лексема *книга* (‘произведение печати (в старину также рукописное) в виде переплетённых листов с каким-н. текстом’ [анализ лексических значений имен прилагательных, выделение семантических компонентов в дальнейшем проводится с опорой на материалы «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова / под ред. проф. Л. И. Скворцова]) является гиперонимом для лексем *учебник* (‘книга для обучения какому-н. отдельному предмету’)*, справочник* (‘справочная книга’), *руководство* (‘учебное пособие’); с лексемой *том* (‘отдельная книга какого-н. сочинения, издания’). Все представленные слова связаны отношениями меронимии. Как мы видим, во всех гипонимах дифференциальная сема несёт информацию “для обучения”.

При синтагматическом анализе данных лексем нужно отметить, что они характеризуют мир врача. Лексема *справочник* вступает в синтагматические отношения со словом *рецепты*: актуализируется информация, что справочник нужен юному врачу для того, чтобы «выписывать полезные рецепты»: «*Справочник* будет раскрытым лежать прямо на *книге* для записей больных. Буду выписывать полезные, но нетрудные *рецепты*» [«Полотенце с петухом»]. Лексема *атлас* вступает в синтагматические отношения со словосочетанием *топографическая анатомия, накожный; руководство – по хирургии*: «В один из таких вечеров я сидел у себя в кабинете над *атласом* по топографической анатомии» [«Крещение поворотом»]; «Одних руководств по хирургии на русском и немецком языках я насчитал бегло около тридцати *томов*. А терапия! Накожные чудные *атласы*!» [«Полотенце с петухом»]. Лексема *том* вступает в синтагматические отношения со словосочетанием *по оперативной хирургии*: «А справа десять различных *томов* по оперативной *хирургии*, с рисунками» [«Стальное горло»].

Вторая ТЛТГ *«Лекарства».* Она объединяет лексемы: *средство, трава, порошок, камфара, кофеин, раствор, капля, йод, морфий, адреналин, хинин, мазь.* Парадигматический анализ данных лексем позволяет отметить, что лексемы *камфара, раствор, морфий, йод, порошок* включают в структуру лексического значения интегральную сему ‘вещество’, а лексемы *капля, мазь, средство, порошок, травы* – сему ‘лекарство’. У некоторых лексико-семантических вариантов лексем есть помета “*употр. в медицине*” и помета “употр. как лекарство” (*камфара, хинин, йод).*

В данной парадигме прослеживаются гиперо-гипонимические отношения: лексема *средство* (‘лекарство’) является гиперонимом для лексемы *кофеин* (‘возбуждающее средство’); лексема *раствор* (‘жидкость’) – гипероним для лексемы *йод* (‘раствор этого вещества в спирте’); лексема *порошок* (‘измельчённые частицы твёрдого вещества’) – гипероним для лексемы *хинин* (‘белый порошок’).

Синтагматический анализ данных лексем свидетельствует о том, что эта парадигма характеризует мир врача: «В темноватых двух комнатах крепко пахло *травами*, и на полках стояло всё что угодно. Были даже патентованные заграничные *средства*, и нужно ли добавлять, что я никогда не слыхал о них ничего» [«Полотенце с петухом»]. Лексема *порошок* вступает в синтагматические отношения со словами *по одному* и *три раза в день*, что означает рекомендации, которые обозначены врачом в рецепте: «Буду выписывать полезные, но нетрудные рецепты. Ну, например, natrii salicilici 0,5 по одному *порошку* три раза в день…» [«Полотенце с петухом»].

Анализ текстового фрагмента рассказа «Вьюга» актуализировал наименования тех предметов, которые содержатся в сумке юного врача: *кофеин, камфара, морфий, адреналин,* то есть те *лекарства*, которые необходимы врачу: «<…> сумка, в ней *кофеин*, *камфара*, *морфий*, *адреналин*, торзионные пинцеты, стерильный материал, шприц, зонд, браунинг, папиросы, спички, часы, стетоскоп» [«Вьюга»].

Синтагматика лексем, входящих в ТЛТГ «Лекарства» актуализирует несколько типов информации. Во-первых, лекарство для пациента. Так, лексема *раствор* вступает в синтагматические отношения со словосочетанием *марганцевокислого кали*. Из контекста можно понять, что врач даёт своему пациенту раствор «для полоскания»: «Я растерянно ткнул ему стакан с *раствором* марганцевокислого кали и велел: – Полощи» [«Пропавший глаз»].

Во-вторых, предназначение для врача. Лексема *йод* вступает в синтагматические отношения со словосочетанием *смазывать пальцы*: врач смазывает пальцы перед осмотром пациента: «Давайте, – приказал я фельдшеру и начал смазывать пальцы *йодом*» [«Крещение поворотом»].

В-третьих, оценка лекарства: при анализе лексемы *мазь* в синтагматике находится словосочетание *ртутная мазь*. Врач делает вывод, что данная мазь – это «великое средство»: «*Ртутная* мазь – великое средство» [«Полотенце с петухом»].

Третья ТЛТГ *«Одежда»* включает всего две лексемы: *колпак, халат*. Принадлежность этой ТЛТГ к вещному миру врача обнаруживается только при синтагматическом анализе, так как в парадигматике не выявляется значений и помет, актуализирующих эту принадлежность: «Капли пота неудержимо бежали у меня по лбу из-под белого *колпака*, и марлей Пелагея Ивановна вытирала соленый пот. В остатках крови в жилах у девушки теперь плавал и кофеин» – лексема *колпак* характеризуется как одежда врача, делающего операцию [«Полотенце с петухом»]. Лексема *халат* (’рабочая одежда’) раскрывается в контексте при синтагматическом анализе как рабочая одежда

врачей и персонала больницы: «Приёмная уже была освещена, и весь состав моих помощников ждал меня уже одетый и в *халата*» [«Стальное горло»].

Четвёртая ТЛТГ *«Инструменты»* объединяет лексемы *клеёнка, нож, марля, пинцет, пила, тампон, гипс, шприц, зонд, инструмент, стетоскоп, шпадель.* При парадигматическом анализе обнаруживается, что лексема *инструмент* (‘орудие’) является гиперонимом для лексем *пинцет* (‘медицинский инструмент’), *шприц* (‘медицинский инструмент’), *зонд* (‘название различных инструментов’). Гиперонимом для лексемы *тампон* (‘стерильная полоска марли’) является *марля.* Лексемы *клеёнка* (‘ткань водонепроницаемая’), *марля* (‘хлопчатобумажная ткань’) имеют в своём значении общую сему «ткань». Некоторые лексемы (*марля, пинцет, шприц*) имеют общую сему со значением ‘относящиеся к медицине’. Лексема *стетоскоп* (‘деревянная или пластмассовая трубка для выслушивания сердца, сосудов, лёгких’) имеет помету «спец.», что означает использование данной лексемы в медицине.

Описания значений некоторых лексем не имеют помет и сем, которые позволяют отнести их к миру врача: *нож* (‘предмет для резания’), *пила* (‘стальная зубчатая пластина для разрезания’). Чтобы актуализировать их принадлежность к вещному миру врача, обратимся к синтагматическому анализу: «Я кругообразно и ловко, как опытный мясник, острейшим *ножом* полоснул бедро, и кожа разошлась, не дав ни одной росинки крови» – контекст позволяет понять, что лексема *нож* приобретает текстовый смысл ‘инструмент для хирургической операции’. Аналогично и лексема *пила* вступает в синтагматическую связь: *пилить кость*, что характеризует данную лексему как наименование вещи, принадлежащей к миру врача: «Их марлей оттянули кверху вместе с мясом, и я стал мелкозубой ослепительной *пилой* пилить круглую кость “почему не умирает?.. Это удивительно… ох, как живуч человек!”» [«Полотенце с петухом»].

Таким образом, при рассмотрении вещного мира врача были выделены ТЛТГ *«Справочные пособия», «Лекарства», «Одежда»* и *«Инструменты».* ТЛТГ *«Лекарства»* является самой объёмной и непосредственно характеризует вещный мир врача, так как юный врач лечит пациентов и взаимодействует с лекарственными препаратами. ТЛТГ *«Инструменты»* характеризует вещный мир врача, который делает операции, осматривает пациентов. ТЛТГ *«Справочные пособия»* показывает, что юный врач постоянно обращается к учебникам, атласам, книгам, чтобы подробнее изучить болезнь, с которой ему приходится работать. При парадигматическом анализе выявлено, что не все лексемы в структуре значения имеют семы и пометы, которые относятся непосредственно к миру врача, но эта информация появляется в контексте и обнаруживается при синтагматическом анализе.

Литература

Булгаков, М.А. Записки юного врача. М..: ТЕРРА, 1997. 75 с

Есин, А.Б. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Советский писатель, 1981. 431 с.

Кусаинова, Т.С. Темы «пространство» и «время» в лексической структуре художественного текста (По роману В.Набокова «Другие берега»). Санкт-Петербург: Абэвега, 1997. С. 3-17.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд. перераб. М.: Мир и образование, 2014. 1376 с.

Чурилина, Л.Н. Антропоцентрический принцип в исследовании лексической структуры художественного текста. Магнитогорск: МаГУ. URL: https://lib.herzen.spb.ru/text/churilina_5_63_75.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

Чурилина, Л.Н. Лексическая структура текста в психолингвистическом аспекте (часть первая) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1. С.5-7.

О. И. Кунакбаева, студентка
Науч. рук.: О. Е.Чернова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА «POPULAR SCIENCE» В МЕДИА

Аннотация. В связи с Десятилетием науки и технологий (2022–2031 гг.) особую актуальность получило развитие научно-популярного контента в СМИ. Работа посвящена анализу концептуальных особенностей феномена «Popular science» в медиапространстве на примере образовательного проекта «ПостНаука».

Ключевые слова: СМИ, научно-популярный контент, научная журналистика, Popular Science, популяризация науки.

Сегодня наука, технологии и инновации являются приоритетными направлениями развития страны. В 2022 году Президент России Владимир Путин объявил 2022–2031 годы Десятилетием науки и технологий, цель которого – привлечение молодёжи в сферу науки и технологий, вовлечение исследователей в решение важных для страны и общества задач, а также рост знания людей о достижениях российской науки [Указ об объявлении…: http]. Так, одним из способов решения задач Десятилетия является развитие научно-популярных СМИ.

Представляя научную информацию доступным и интересным образом, СМИ направлены на то, чтобы преодолеть разрыв между экспертами и обывателями, способствуя повышению любопытства и научной грамотности среди населения в целом. С другой стороны, исследователи отмечают недостаток теоретической информации о научно-популярных СМИ и слабую изученность научно-популярных площадок.

Стоит отметить, что развитие концепции популярной науки в СМИ сыграло решающую роль в обеспечении научных знаний доступными для широкой общественности. От ранних научных журналов до современных цифровых медиа-платформ популярная наука развивалась для удовлетворения меняющихся потребностей и предпочтений аудитории. Ключевые этапы, такие

как создание BBC и Rise of Science Magazines, проложили путь для влиятельных деятелей, таких как Карл Саган и Билл Най, чтобы популяризировать науку через телевидение [Абрамов: http].

С появлением Интернета и цифровых медиа популяризация научных знаний получила новые возможности. Онлайн-платформы, такие как YouTube, предоставили новый путь для научной коммуникации. Так, отличным примером современных подходов к популяризации науки является образовательный проект «ПостНаука».

Созданный Е. К. Веревкиной и И. М. Максутовым проект «ПостНаука» начал свою работу в 2012 году на платформе Youtube. В 2013 году заработал сайт «ПостНаука», который активно развивается по сей день. Сейчас «ПостНаука» – крупнейший российский проект в сфере популяризации науки. Издание позиционирует себя как сайт о современной фундаментальной науке и учёных, которые её создают. «ПостНаука» ориентирована на читателей, которые интересуются наукой и хотят сделать её своей профессией. Авторы проекта описывают миссию издания, как «повествование от первого лица любому пересказу» и ставят перед собой задачу «создать платформу, на которой учёные становились бы известными не только для узкого академического круга, но и для широкой аудитории» [ПостНаука: http].

Редакция тесно взаимодействует с университетами, научными организациями, популяризаторами науки и, в первую очередь, с учёными, которые выступают в качестве экспертов. Помимо отдельных текстов, с их мнениями можно ознакомиться в разделах «Talks», «Вопрос учёному». Так, в контексте раздела «ПостНаука.TV» интересна подрубрика «Языкознание». Здесь эксперты-лингвисты рассказывают об истории и особенностях иностранных языков, а также языков народов России. Этот раздел дополняют текстовые статьи-исследования в области языкознания и тематические тесты. Кроме того, чтобы популяризировать науку не только через исследования, но и через образ учёного, эксперты также выступают в роли авторов. Проект активно поддерживается спонсорами, в числе которых – фонды, университеты и технологические компании. Площадка признаётся научными организациями и СМИ, имеет награды Правительства РФ и Министерства образования.

Одной из задач портала является создание платформы для повышения узнаваемости в широкой аудитории и авторитетности учёного. Кроме того, научное знание должно быть максимально приближено к читателю и общедоступно. Образовательный портал помогает сориентировать людей, увлекающиеся научной деятельностью, и показать направления для роста на примерах работы реальных учёных.

Семантический анализ ресурса показал, что первостепенными проблемами и вопросами редакция считает те, которые возникают у обычного человека каждый день. Это находит отражение в комплексе рубрик «Журнал», «ПостНаука.TV», где каждый пользователь, задающий вопросы, найдёт понятный ответ, углубит свои знания и получит возможность расширить свой кругозор. Раздел «Игры» и рубрику «События» можно отнести к развлекательному и информационному источникам соответственно. «События»

информируют пользователей об офлайн встречах с учёными, которые можно посетить с целью приобретения новых знаний или для живого общения с интересующим исследователем. «Игры» же, хоть и восполняют потребность в развлечении, но при этом дают основную информацию о теме в формате теста. Так, например, можно пройти тест на знание традиционной китайской медицины или проверить алгоритмы определения прогноза погоды.

Мультимедийная лекция «Откуда взялись химические элементы?» рассказывает о возникновении химических элементов в ходе звёздного нуклеосинтеза, а также экспериментальных исследованиях учёных, которые помогли выявить спектр излучения [Откуда взялись…: http]. Лектором, как и заведено в издании, выступил учёный, доктор физико-математических наук. Такой формат анимационной лекции на данном портале становится популярным эксплейнером и представляет собой краткий рассказ-историю с постановкой проблемы перед началом ролика, развитием и выводом в конце. Стилистически текст и изображение минималистичны: предложения кратки и декодируемы; автор использует разговорные приёмы и интонационные акценты; изображение также не перегружено элементами и визуализирует текст, дополняя его. Под каждым видео расположен текстовый блок из нескольких абзацев, в которых содержится краткий лид к видео и информация о проекте портала, в рамках которого было создано видео.

Отдельным форматом, размещённым в специальной вкладке в шапке проекта, является гид – интерактивный раздел, систематизирующий материалы на конкретную тему. Формат представляет собой лонгрид, состоящий из разных плиточек-материалов с краткой информацией, при переходе на которые можно ознакомиться с одним из аспектов поднятого вопроса. Содержательно гид выстроен от более простых вопросов к глобальным. В данном ответвлении сайта материалы могут быть представлены как в текстовом формате, так и в формате видео, что дает возможность читателю сделать выбор. Так, например, материал-подборка с возможными вариантами времяпрепровождения в выходные рассказывает о новинках в обозначенных сферах просвещения развлечений.

Каждый автор проекта ориентирован на то, чтобы дать пользователю представление об основных понятиях в той или иной научной области, последних открытиях и исследованиях, а также конкретных учёных, которые их проводят. Так, например, в разделе «Психология» можно увидеть подборку материалов в разных жанрах, которые раскрывают актуальные проблемы внутри этой тематики: «Что заставляет нас занимать ту или иную позицию?» [Гулевич: http], «Как снизить тревожность и действовать в сложные периоды» [Ялтонская: http] и т. д. Стоит отметить, что функциональной особенностью текстов является преобладание фактической информации и просветительской функции, а также организаторской функции, из которой следует идеологическая.

Обратим внимание на стилистические аспекты портала «ПостНаука». В материалах переплетаются научно-популярный стиль с его специфическими особенностями и публицистический стиль: «Рассмотрим практическую

значимость квантовой суперпозиции. Это довольно сложно сделать, если справочник большой, поскольку в классическом случае это решается только методом перебора и требует в среднем N/2 обращений к справочнику, где N – число номеров. Однако в квантовом алгоритме Гровера она решается быстрее. Принцип квантовой суперпозиции означает, что в этом пространстве может существовать и когерентное квантовое состояние вида (a + b + c + …)/√N, где N – число номеров в справочнике». С точки зрения стиля в текстах используются специфическая терминология и точные определения: «Квантовая когерентность – это одно из свойств, которыми обладают квантовые частицы. Формально его можно ввести и для классических макроскопических объектов, но тогда возникнут парадоксы, такие как кот Шрёдингера» [Филлипов: http]. Автор использует качественные прилагательные и точные наименования научных явлений, что обеспечивает лаконичность и точность, а как следствие – объективность. Элементы публицистического стиля можно проследить в следующем фрагменте: «Всем известный кот Шрёдингера находится в суперпозиции двух состояний: он и живой, и мёртвый. Быть живым или мёртвым – это два взаимоисключающих состояния, однако в квантовой механике частицы могут находиться не только в одном из них, но и в нескольких сразу» [Там же]. Здесь автор активно применяет разговорные конструкции, просторечные слова, а также элементы диалога: «Представьте себе наше удивление, когда первая открытая нами экзопланета, вращающаяся вокруг другой звезды, по размерам оказалась похожей на Юпитер, но находилась гораздо ближе к своей звезде», «Что же мы упускаем из виду? На самом деле много факторов» [Филлипов: http].

Язык текстов материалов и тестов, выполняющих рекреативную функцию, близок к публицистическому. Часто встречаются отсылки к массовой литературе: «сенсорные системы» – отсылка к роману «Чувство и чувствительность» Джейн Остен, «Земля в иллюминаторе» – отсылка к песне «Трава у дома» группы «Земляне». Также встречаются отсылки к массовой культуре: «Просто космос: тест по истории вселенной» – отсылка к популярному мему «Просто космос».

Таким образом, образовательный проект «ПостНаука» реализует характерные для научно-популярного издания функции: просветительскую, организационную, идеологическую, рекреативную. Кроме того, ключевой особенностью проекта является использование авторами материалов разговорных конструкций и элементов диалога (вопросы, вводные конструкции).

Язык текстов прост и ориентирован одновременно и на читателя, который не знаком с научными событиями, теориями и терминами, и на продвинутого в области научного знания пользователя или исследователя. Авторы-учёные сами популяризируют свои открытия и разработки, используя для этого отсылки к массовой культуре и литературе. Интересным становится использование проектом «ПостНаука» видеоматериалов, которые существуют как в формате отдельных лекций-интервью, так и в виде анимационных роликов и спецпроектов, которые обладают чертами лонгрида и мультимедийного текста.

Используя различные мультимедийные приёмы, авторы получают новые форматные и жанровые гибриды, а также продвигают визуальные способы восприятия информации.

Уникальность «ПостНауки» проявляется в авторском составе, тематике, спецпроектах и использовании видеоконтента. В отличие от аналогичных научно-популярных площадок редакторы «ПостНауки» сформировали собственную идейно-тематическую структуру, заключающуюся в строгом делении публикаций на определенные категории, часть из которых обособляется не тематически, а жанрово. Редакторы портала привлекли в проект учёных-специалистов в качестве пишущих авторов, компетентных в своей сфере, что способствует сближению научного сообщества и массовой аудитории. Тематически «ПостНаука» претендует на всестороннее освещение научной сферы и на формирование научного знания у массовой аудитории. Вдохновленные проектом «TED», авторы видеолекций для «ПостНауки» сумели выработать собственный формат лекций: они отказались от стендапов и выбрали жанр интервью.

Литература

Абрамов, Р.Н. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа [Электронный ресурс] // Социология науки и технологий. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-fenomena-popular-science-modeli-vzaimodeystviya-nauki-obschestva-i-media (дата обращения: 06.12.2023).

Гулевич, О. «Что заставляет нас занимать ту или иную позицию?» [Электронный ресурс] // postnauka.org. 03.10.2022. URL: https://postnauka.org/questions/157170 (дата обращения: 31.12.2023).

Макарова, Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 2. С. 98-104.

Откуда взялись химические элементы?» [Электронный ресурс] // postnauka.org. 09.06.2018. URL: https://postnauka.org/animate/88761 (дата обращения: 31.12.2023).

ПостНаука [Электронный ресурс]. URL: https://postnauka.org/about (дата обращения: 12.03.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 (ред. От 25.07.2022) «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» // Собрание законодательства РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771 (дата обращения: 06.12.2023).

Филлипов, С. «Что такое квантовая когерентность?» [Электронный ресурс] // postnauka.org. 23.09.2022. URL: https://postnauka.org/faq/92455 (дата обращения: 31.12.2023).

Ялтонская, А. «Как снизить тревожность и действовать в сложные периоды?» [Электронный ресурс] // postnauka.org. 23.09.2022. URL: https://postnauka.org/faq/157151 (дата обращения: 31.12.2023).

Е. Н. Машковцева, студентка
Науч. рук.: А. М. Максимова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ БРЕНДИНГА РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей брендирования молодых территорий, в частности, моногородов. Выявлены основные характеристики моногородов, а также специфика брендинга территории в общем, охарактеризованы разные приёмы, посредством которых брендинг позволяет раскрыть имеющиеся у территории преимущества по отношению к территориям-конкурентам.

Ключевые слова: статус территории, брендинг, моногород, конкуренция, имидж, трансформация.

Брендинг территории напрямую зависит от её статуса, уникальности, неповторимости, своеобразия, а также наличия инструментов для повышения внимания к территории и её характеристикам. Специфика брендинга заключается в возможности формирования облика для создания единого представления о территории, планирования коммуникаций с потребителями и туристами, а также с другими городами и регионами. Брендинга опирается на положительный опыт, приобретаемый территорией в процессе постепенного развития клиентоориентированности, специальных сфер услуг, базирующихся на культурно-исторических достопримечательностях, рекреационном отдыхе, а также на иных достоинствах конкретной территории. Наиболее интересным для развития брендинга территорий являются моногорода.

Моногорода представляют собой населённые пункты, возводимые специально для поддержания функционирования градообразующих предприятий, но имеют ограниченный круг ресурсов для привлечения туристов. Главная цель моногородов – обеспечение производства трудовыми ресурсами.

К моногородам относятся населённые пункты, в которых более 25 % проживающего населения занято на одном предприятии, а выпускаемая продукция более чем на 50 % относится к одной отрасли. Жители моногородов обычно обладают моноспециализацией, позволяющей организовать производство для развития и распространения по территории страны какой-либо продукции. Моногорода не обладают сферой услуг, необходимой для развития туристической популярности.

Если говорить о местности, то территории моногородов не имеют значимых архитектурных, культурных, ценностно-исторических достопримечательностей, популярность которых формировалась на протяжении нескольких сотен лет. Именно поэтому данные типы городов не обладают утверждённой культурно-исторической базой, развитой клиентоориентированностью, вследствие чего развитие брендинга территории

моногородов зачастую не происходит на должном уровне или отсутствует совсем.

Ещё одной спецификой моногорода является его прямая финансовая и экономическая зависимость от крупных предприятий. Эта взаимозависимость при сокращении мощностей производства влечёт за собой безработицу и социальную неопределённость. Всё это позволяет говорить об острой необходимости трансформации как экономической специфики, так и культурной самопрезентации моногорода. Для предотвращения социальных, экономических кризисов моногородов необходимо сформировать комплексный подход к внешней и внутренней политике развития города, его возможностям, повышению имиджа и формированию территориального брендинга. Для этого необходимо не только диверсифицировать экономику, но и увеличить возможности коммуникации моногорода с другими городами региона и страны, которые позволят уйти от изоляции.

Для брендинга моногорода важнейшим условием является поиск местного колорита территории, позволяющего раскрыть образы культуры, науки, производства, характерные именно для данной местности, поскольку искусственно созданный имидж не будет иметь необходимых ресурсов для привлечения туристического, инвестиционного потоков, направленных на развитие городской среды [Корчагина, Шигнанова 2019].

Процесс продвижения бренда территории невозможен без продуманной медиаполитики. Структуры, ответственные за разработку имиджа и его ключевых элементов (герб, символ, логотип, лозунг, миссия), должны соответствующим образом популяризировать свою программу. Важная роль в этом процессе принадлежит средствам массовой информации, как традиционным и официальным (городское телевидение, газеты, интернет-сайты), так и разнообразным интернет-площадкам, не имеющим официального статуса СМИ. Использование различных коммуникативных каналов позволяет демонстрировать преимущества конкретных территорий, а также оказывать эмоционально-психологическое воздействие на целевую аудиторию в деле популяризации образа территории.

В качестве примера можно привести процесс поиска культурной идентичности Магнитогорска. Город, основанный в 1929 г., не может похвастаться древней архитектурой, природными достопримечательностями, однако городские власти давно взяли курс на развитие туризма как один из векторов диверсификации экономики.

В связи с этим не прекращаются попытки поиска неофициального символа Магнитогорска. Официальный герб города – черный треугольник на белом фоне, к сожалению, оставляет очень небольшое пространство для творческой интерпретации. Поэтому первоначально популяризировалась идея «Магнитогорск – место встречи Европы и Азии». В соответствии с нею был разработан логотип – радужная лента, повторяющая очертания города, и название Магнитогорска, также выполненное в цветах радуги.

Впоследствии от такого визуального представления отказались. Новые креаторы реанимировали историческое название Магнитогорска – «Стальное

сердце России» и в соответствии с концепцией предложили новый логотип: три синих треугольника на белом фоне. Здесь мы видим, во-первых, отсылку к официальному гербу города. Во-вторых, треугольники символизируют три основные «точки притяжения»: история, промышленность, природа. Авторы обращаются к необычной истории создания Магнитогорска: первый город, построенный по плану; город-сад; город, возведённый в рекордные сроки. Промышленность – это история и современность ПАО «ММК», а также ставка на промышленный туризм. Природа – это расположенные по соседству, в башкирских горах, знаменитые горнолыжные курорты [Под новым брендом: http].

Таким образом, с точки зрения смыслового наполнения новый бренд Магнитогорска явно выигрывает у своего предшественника. Однако теперь новую философию презентации города необходимо максимально широко распространить. Для этого недостаточно использовать новую символику на официальных документах, афишах, в оформлении зданий. Думается, новый взгляд на Магнитогорск должны транслировать и все медиаресурсы, имеющие более или менее значительную аудиторию. Также необходимо в ключе нового бренда разрабатывать продукцию для туристов: сувениры, путеводители, аудиогиды. Вся эта работа в конечном итоге будет способствовать продвижению и укреплению бренда, а в стратегическом плане приведёт к реальной диверсификации экономики моногорода.

Литература

Важенина, И.С. Имидж и бренд региона: сущность и особенности формирования [Электронный ресурс] // Экономика региона. 2008. № 1. С. 49-57. URL: https://www.economyofregion.com/archive/2008/8/337/pdf/ (дата обращения: 10.11.2023).

Гонца, А.В. Специфика территории как объекта брендинга. Брендинг как коммуникативная технология XXI века [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург: СПГЭУ, 2017. С. 81-85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-sozdaniya-territorialnogo-brenda-monogoroda/viewer (дата обращения: 10.11.2023).

Корчагина, Е.В., Шигнанова, Р.А. Брендинг туристической дестинации как инструмент развития территории. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. 100 с.

Под новым брендом [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации г. Магнитогорска. 09.12.2023. URL: https://www.magnitogorsk.ru/news/pod-novym-brendom (дата обращения: 10.11.2023).

Е. В. Руслякова, студентка
Науч. рук.: Л. Д. Пономарева, доктор пед. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ОБРАЗ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация: В статье рассматриваются роль и функции тележурналиста в современном медиапространстве; анализируются его стиль работы, коммуникационные навыки и особенности профессиональной деятельности; обсуждаются этическая сторона работы тележурналиста и необходимые навыки для успешной профессиональной деятельности в данной сфере; предлагаются прогнозы относительно будущего образа тележурналиста.

Ключевые слова: образ тележурналиста, воздействие на аудиторию, риторика, коммуникация.

Тележурналист – ключевая фигура современного информационного общества. Его образ имеет колоссальное воздействие на восприятие аудиторией сообщаемой информации [Зверева 2019: 7].

Если анализировать истоки, то первые тележурналисты появились в середине XX века, когда телевидение стало основным средством массовой информации. Образ тележурналиста был связан с авторитарностью, солидностью, безопасностью. Тележурналист изображался как источник правдивой информации, способный доносить новости до масс непосредственно с места события.

В современном информационном обществе прямой эфир становится все более значимым инструментом журналистского творчества, предоставляя возможность мгновенно освещать события, анализировать и комментировать происходящие явления прямо перед аудиторией. Стиль поведения тележурналиста значительно меняется. Теперь в моде индивидуальность, активность и мобильность. Тележурналисты интенсивно используют прием взаимодействия с аудиторией через социальные сети, пользуются мобильными устройствами для прямой трансляции и зачастую выступают в качестве источника мнения или экспертного мнения.

Образ журналиста и его восприятие напрямую связаны с аудиторией. Стиль одежды, манера общения и поведение тележурналиста могут влиять на оценку аудиторией достоверности его сообщений.

Образ тележурналиста – это целенаправленно составленный внешний облик, отражающий его принципы. Он может постоянно меняться из-за таких обстоятельств, как передача и её целевая аудитория, место проведения освещаемого события, функции и обязанности журналиста. Свой имидж создает сам журналист. Окружающие видят его таким, каким он сам решил себя представить. Однако в образ журналиста входят и реальные черты характера, которыми он наделён независимо от профессии, то есть, это все проявления

личности, отражающие её персональное внешнее «Я». Компоненты образа журналиста – это его поведение, реакции, внешность, вынесенные на публику предпочтения и мнения.

Однако образ журналиста имеет не только внешнее «Я», но и внутреннее, выраженное с помощью собственного творчества. Высказывания, позиции, манера, языковые навыки формируют целостный облик, который должен вызывать реакцию у определённой аудитории.

Образ журналиста зачастую строится на противоречивых, запоминающихся и отличительных чертах личности. Он формируется благодаря мировосприятию журналиста, приёмам убеждения, эмоциональной ориентации и защищаемым ценностям. Таким образом, личность журналиста строится не только на основе профессиональных качеств и навыков, но и на личностных чертах характера, включая выполняемые им социальные роли. То, каков тележурналист в реальной жизни, чем он занимается, помимо своей профессиональной деятельности, формирует его индивидуальный имидж и образ в целом.

В самопрезентации мало оперировать своими чертами характера и знаниями. Важна особая подготовка, и главное – владение основными компонентами данного процесса. Стандартная схема образа журналиста складывается из следующих положений:

– «Я – концепция» – моральные и психологические принципы человека;

– фейсбилдинг – мимическое построение лица;

– кинесика – язык жестов;

– одежда – уместность одежды, стиль и подбор аксессуаров;

– искусство слова – риторика;

– флюидное излучение – создание собственной энергетики за счёт улыбки и других сопоставляющих факторов;

– коммуникация – умение общаться с людьми [Ким 2019: 33].

Другими словами, образ журналиста включает в себя внешние и внутренние данные. К внешности можно отнести наряд, обувь, причёску, косметику и аксессуары; речевое поведение, которое формируют тембр, темп, тон, интонация, стилистика, наличие или отсутствие признаков определённого говора; язык тела (пластику, жесты, мимику). К внутренним составляющим относятся навыки и ум, характер, моральные установки, концепция «Я».

«Я – концепция» – это общее представление человека о себе, включая самооценку, самоидентификацию и самопредставление. В работе телеведущего концепция «Я» играет важную роль, так как она существенно влияет на стиль поведения, коммуникацию и восприятие программы. Успех в профессии и реакция зрителей могут оказывать влияние на внутреннее представление журналиста о себе. Телеведущий, согласующий свою «Я – концепцию» с профессиональным имиджем, способен успешнее взаимодействовать с аудиторией и эффективнее управлять своим эмоциональным состоянием во время работы.

На наш взгляд, внешние показатели не играют ведущей роли в образе тележурналиста, но это не исключает их влияния на восприятие журналиста

аудиторией. «Благоприятные внешние данные являются тем природным достоянием, которым следует умело распорядиться. Как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности… Вне всякого сомнения, красивым людям легче создать эффект личного обаяния. На кино- или телеэкране наш взор выхватывает и запечатлевает в памяти образы внешне привлекательных людей. Не однажды проводя эксперименты, психологи убеждались, что из десяти случаев, по меньшей мере, в восьми наше первоначальное впечатление о других складывается по их внешности» [Цвик 2019: 57].

В трёх случаях из пяти личность воспринимает другую личность по внешности. Главная составляющая в визуальном образе человека – его лицо. По статистике, большая часть людей в процессе взаимодействия друг с другом заостряет своё внимание на лице и глазах собеседника. Лицо – неотъемлемая часть образа журналиста. Сделать очаровательную мимику – одна из первостепенных профессиональных проблем телеведущего.

Черты лица играют важную роль в восприятии всех журналистов, особенно тех, кто работает в информационных программах и телеобзорах, где поза сохраняется неподвижной, а внимание зрителей сосредоточено на лицах телеведущих. В таких случаях, когда эти ведущие часто показываются крупным планом, критерии подбора дикторов по внешним признакам должны быть намного строже. При этом ведущие авторских шоу и других программ не должны иметь явных физических недостатков. Однако вне зависимости от жанра работы на телеэкране, полезно знать свои физиогномические особенности и использовать преимущества визажа, подходящих причесок и аксессуаров, чтобы произвести необходимые корректировки во внешности. Значительную роль в этой корректировке играет макияж.

Мастерство макияжа проявляется в том, чтобы оживить черты лица естественно, устранить незначительные недостатки и подчеркнуть достоинства журналиста. Здесь важно не потерять свою индивидуальность, стремясь подражать знаменитостям. Женщины, использующие декоративную косметику, наделены большим авторитетом и продвигаются по карьерной лестнице быстрее тех, кто не пользуется макияжем. Макияж – это не только украшение лица, но и ключ к успеху, славе, гармонии между внутренним «Я» и окружающим миром. Задача визажистов заключается в том, чтобы подчеркнуть индивидуальность и красоту. Однако использование декоративной косметики требует знания меры, учёта времени суток, возраста, стиля, формы лица и модных тенденций.

Выразительность жестов является неотъемлемой составляющей формирования образа, наравне с выражением лица. Они способны передавать огромное количество информации. Использование жестов является необходимым коммуникативным инструментом для телеведущих, и поэтому владение техникой жеста является обязательным требованием к профессионалам данной сферы.

Важную роль в коммуникации журналиста с аудиторией играет одежда. Она является инструментом воздействия на поведение и отношение других людей. При выборе одежды многие ориентируются на модные журналы, не

учитывая при этом индивидуальные особенности фигуры, тогда как разумно было бы начать с рефлексии перед зеркалом. Она поможет определить, какие разделы модных журналов (например, модели для полных, гардероб для невысоких женщин) следует рассмотреть. Ведь формы большинства женщин отличаются от форм манекенщиц или фотомоделей. Правильный выбор цвета имеет огромное значение в процессе создания имиджа. В одежде цвет важен не только для самой одежды, но и для головных уборов, обуви и аксессуаров. При создании имиджа необходимо учитывать цвет не отдельно, а в сочетании с образом человека, функциями костюма, его пропорциями, масштабом, линиями, формой, фактурой, материалом и даже цветом окружающей среды. В нашем внешнем облике лучшей визитной карточкой являемся мы сами. В этом деле детали играют огромную роль, особенно когда речь идёт о нашей одежде. Каждая деталь наряда может вызвать со стороны других людей разнообразные ассоциации – и положительные, и отрицательные. Как в разговоре мы избегаем непристойных выражений, так и в своей одежде необходимо избегать каких-либо «остатков». Наш облик должен передавать только то, что мы желаем сказать о себе.

Журналист не должен забывать об искусстве риторики. Ни одно прекрасное звучание не сможет скрыть небрежности и нечёткости речи. Человек, которого трудно понять, кого непрерывно приходится переспрашивать, вызывает раздражение. «Около 40 % успешности зависит от акустической стороны произносимых слов» [Добреньков 2018: 145]. Поэтому необходимо овладеть техникой речи, обеспечивающей правильное дыхание при произношении. Развитие голоса и произношения – это первый и необходимый шаг в создании магии слова. Чёткое и ясное звучание слов является важным для актёров, ораторов, просто людей, соблюдающих культуру общения. Плохая дикция затрудняет понимание аудиторией произносимого текста и мешает эффективной коммуникации. Невозможно произвести хорошее впечатление на аудиторию, если твоя речь непонятна. Современная риторика, аналогично классической, выделяет две фазы в речевом поведении оратора. Первая фаза – подготовка речи. Вторая фаза – эффективное и очаровательное произнесение речи. Особую значимость в риторической подготовке имеет умение убедительно выражать мысли. Такое выражение должно звучать по-разному (в зависимости от аудитории), поэтому оратору необходимо овладеть тактикой гибкого речевого поведения.

«Флюидное излучение» – это метод, который может изменить всё. Улыбка, рождённая искренним чувством, способна произвести впечатление и на нас самих, и на других. Подлинная улыбка, лучащаяся изнутри, воздействует не только на нас, но и на остальных. Так что улыбайтесь, даже если вам не до этого. Улыбайтесь как можно чаще!

«Флюидное излучение» также включает в себя воспламенение взглядом. Внешность каждого человека выражается главным образом глазами. Это означает, что следует максимально раскрыть глаза. Ведь именно они способны очаровывать и удерживать аудиторию в напряжении, излучая свою волшебную силу и энергию.

Игра губами – важная составляющая «флюидного излучения».

Эффектное интонирование – еще одно положение «флюидного излучения». Звук и модуляция голоса – важные инструменты. Необходимо подружиться со своим голосом. Он должен быть уверенным, бодрым, ясным, твёрдым, сочным, с богатыми и гибкими интонациями.

Грация и элегантность в манерах – приём «флюидного излучения». Правильные манеры – это настоящий дар, который помогает людям чувствовать себя свободно и легко в обществе.

Успешное общение тележурналиста с аудиторией требует умения выбирать соответствующий стиль коммуникации, язык и тональность в зависимости от контекста новостной ситуации и целевой аудитории [Лукина 2018: 36]. Важно, чтобы тележурналист был доступным, понятным и увлекательным для зрителей, при этом сохраняющим объективность и профессионализм. Эффективная коммуникация также требует использования различных речевых средств выражения, чтобы передать информацию. Такие факторы, как правильная дикция и интонация, а также умение использовать ясные и лаконичные фразы, избегая сложных терминов, играют здесь важную роль.

Современные технологии обеспечили тележурналистам возможность взаимодействовать с аудиторией напрямую через социальные сети, онлайн-трансляции и комментарии. Это открывает новые горизонты для участия зрителя в коммуникации с ведущим.

Кроме того, язык, которым журналист излагает свои мысли и аргументы, также играет не последнюю роль. Важно быть убедительным и вызывать доверие у аудитории и потенциальных зрителей. Кроме того, личные качества журналиста, его профессионализм и компетентность могут сыграть решающую роль в формировании доверия аудитории и их отношения к СМИ.

Таким образом, важным фактором успеха в профессии телеведущего является умение нравиться публике. Несмотря на то, что не все ведущие имеют личных консультантов по имиджу, им следует обратить особое внимание на технику самопрезентации, то есть на способность привлечь внимание зрителей к своим лучшим личностным и профессиональным качествам. Это поможет журналистам овладеть эффективным механизмом воздействия на аудиторию:

«Чем значительнее замыслы и претензии личности, тем более она озабочена своим имиджем. У такой личности стремление к созданию яркого имиджа – мощный внутренний мотиватор, побуждающий её на огромную работу над собой, на преодоление в себе всего того, что мешает быть лидером или звездой… Отсутствие внешних данных не перекрывает дорогу к личному имиджу. Только надо хотеть или уметь наилучшим образом самовыразить свои сильные личные качества. Более того, в каждом имеется дарование нравиться людям… чем больше прилагается усилий нравиться людям, тем ярче высвечиваются интеллектуальные, художественные, телесные и информационные характеристики личности» [Попов 2013: 18].

Литература

Добреньков, В.И. Методы социологического исследования: учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: ИНФРА-М, 2018. 767 с.

Зверева, Н.В. Школа тележурналиста. Нижний Новгород: Изд. Дом Минакова, 2019. 267 с.

Ким, М.Н. Жанры современной журналистики. Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В.А., 2019. 335 с.

Лукина, М.М. Технология интервью: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». 2-е изд., доп.. Москва: Аспект Пресс, 2008. 188 с.

Попов, А.А. Блогинг как форма профессиональной журналистской коммуникации: специальность 10.01.10 «Журналистика»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Белгород, 2013. 176 с.

Цвик, В.Л. Телевизионная журналистика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. / В. Л. Цвик ; В. Л. Цвик. 2-е изд., перераб. и доп.. Москва : ЮНИТИ, 2019. 495 с.

Е. Д. Степанова, магистрантка
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается коммуникативный аспект научного дискурса, характеризуется специфика языковых средств и стратегий, используемых в текстах научной ориентации для передачи информации и установления связей между участниками научного общения. Анализируются аспекты коммуникативного взаимодействия в научном дискурсе, а в его рамках – кооперативные и некооперативные стратегии, которые основаны на категориях вежливости и невежливости.

Ключевые слова: научный дискурс, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, коммуникация, вежливость, невежливость.

Научный дискурс предназначен для обмена результатами исследований, теориями и методологиями внутри научного сообщества и за его пределами. Эффективная научная коммуникация играет важную роль в формировании и развитии научного знания. Роль научного дискурса заключается не только в передаче информации, но и в развитии сотрудничества между учёными, в достижении консенсуса между ними по решению различных научных проблем.

Вопросы научной коммуникации интересуют многих отечественных и зарубежных исследователей [Halliday, Martin 1993; Маслова 2007; Katz, Penrose 2010; Pérez-Llantada 2012; Buehl 2016; Задворная 2021; Задворная 2022] и др.

Знание специфики научного языка рассматривается как значимый компонент языковой и лингвистической компетенции специалистов по иностранным языкам, поэтому актуальные проблемы научного дискурса находят отражение в современных пособиях по английскому языку для высшей

школы [Иванов, Петрушевская 2017]; [Василенко, Дубин, Книга 2023]; [Василенко, Иванов, Шестернева 2023].

Стратегии научного дискурса определяются его частными целями, которые можно сгруппировать в следующие классы: выполнение, экспертиза и внедрение исследования в практику [Карасик 2002: 231–232].

Участниками научного дискурса являются: а) агент, т. е. исследователи как представители научной общественности в разных статусно-ролевых характеристиках, которые зависят от выполняемой учёным задачи (добыть, оценить, сообщить о знаниях общественности, подготовить новых учёных) [Карасик 2002: 230]; б) клиент, т. е. широкая публика, интересующаяся или занимающаяся научной деятельностью.

Исходя из текстуальных особенностей научного стиля, обслуживающего научный дискурс, можно выделить его подстили: собственно научный (академический), научно-учебный, научно-технический, научно-публицистический, научно-информационный и научно-разговорный [Карасик 2002: 230]. Выбор тех или иных языковых средств и коммуникативных стратегий зависит от подстиля, в котором происходит коммуникация. Понимание потребностей и ожиданий различной аудитории имеет важное значение для эффективной научной коммуникации. Учёные адаптируют свои коммуникативные стратегии в соответствии с уровнем знаний, опытом и интересами аудитории. Обращаясь к коллегам-исследователям, политикам, студентам или широкой публике, учёные должны адаптировать свой язык, тон и содержание, чтобы их послание нашло отклик у целевой аудитории.

Стратегии научного дискурса реализуются в его жанрах (научная статья, монография, диссертация, научный доклад, выступление на конференции, стендовый доклад, научно-технический отчёт, рецензия, реферат, аннотация, тезисы), противопоставленных по признаку первичности/вторичности [Карасик 2002: 232].

Успешность научной коммуникации зависит среди прочего от используемых участниками научной коммуникации коммуникативных стратегий и тактик. Коммуникативные стратегии влияют на то, как информация передаётся, понимается и усваивается целевой аудиторией, в конечном итоге определяя эффективность и вклад в развитие и поддержание научной коммуникации.

Диапазон тактик научной дискуссии можно систематизировать в рамках нескольких видов и подвидов: кооперативные тактики (диалогические, семантические и прагматические) и некооперативные (уклончивая и дискредитирующая тактики) [Чалова 2017: 170].

Формирующие научную дискуссию стратегии можно разделить на кооперативные и некооперативные [Иссерс 2008: 70]. К кооперативным стратегиям относятся тактики диалогические, семантические и прагматические, к некооперативным – тактики уклонения от ответа и дискредитация позиции оппонента [Чалова 2017: 160]. Установка на конфликтное речевое поведение, как и установка на кооперацию, обнаруживается через категорию вежливости. Важно изучать невежливость без отрыва от контекста, уделяя особое внимание

конкретной интеракции, так как невежливость является обсуждением или проверкой того, что воспринимается как нормы деятельного сообщества [Василенко 2021а: 26].

Отмечается, что категория вежливости является формообразующей как при ориентации на конфликтное речевое поведение, так и при ориентации на кооперацию [Иссерс 2008: 70].

Категории вежливости и невежливости являются градуальными и контекстно обусловленными, могут описываться с опорой на схожий терминологический аппарат, проявляются в процессе интеракции, оцениваются адресатом, а также являются культурно обусловленными [Василенко 2022: 34].

Ввиду преобладания в научной коммуникации научной этики, некооперативное поведение и конфликтогенность будут определяться по иному, чем в других, менее ограниченных в языковом выражении жанрах речи (как, например, рассматривается «язык вражды» в гендерной коммуникации [Vasilenko 2020], в межкультурной коммуникации [Василенко 2021в], в интернет-коммуникации [Василенко 2022], в общей парадигме дискурса [Василенко 2021б] и др. Невежливость в рамках научной коммуникации может быть описана как некооперативное речевое поведение участников научной коммуникации, не соответствующее нормам научной этики.

Некооперативность в научном дискурсе может являться следствием несоблюдения а) максим Лича (максима такта; максима щедрости; максима одобрения; максима скромности; максима согласия; максима симпатии) [Leech 2014: 90]; б) кооперативных принципов Грайса (максима количества, максима качества, максима релевантности, максима способа выражения) [Grice 1991: 26]; в) стратегий позитивной вежливости Брауна-Левинсона [Brown, Levinson 1987].

О некооперативном характере высказывания может свидетельствовать использование стилистически неподходящих научному стилю изложения выражений, демонстрации пренебрежительного или снисходительного отношения к субъекту или исследуемым темам, неконструктивная критика и пр. Отмечается, что личная и резкая критика в целом неуместны для коммуникации в научном сообществе, однако всё же она несколько приемлема в гуманитарных дисциплинах [Katz, Penrose 2010: 110].

Коммуникативный аспект научного дискурса играет решающую роль в формировании обмена знаниями, идеями и открытиями внутри научного сообщества и общества в целом. Применяя эффективные коммуникационные стратегии, используя ясный и точный язык и привлекая разнообразную аудиторию, учёные могут повысить эффективность и доступность своих исследований. В дальнейшем акцент на совершенствовании коммуникативных навыков, развитии междисциплинарного сотрудничества и повышении научной грамотности будет иметь важное значение для развития научного дискурса и решения глобальных проблем.

Литература

Василенко, Е.Н., Дубин, М., Книга, Ю.А. English. Perspective 1. Минск: РИВШ, 2023. 280 с.

Василенко, Е.Н. Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. Пособие: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2023. Ч. 1. 292 с.; Ч. 2. 216 с.

Василенко, Е.Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагмалингвистический аспекты. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2022. 236 с.

Василенко, Е.Н. Невежливость как объект исследования прагмалингвистики // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст.: в 6 т. Минск: БГУ, 2021а. Т. 1. С. 24-28.

Василенко, Е.Н. Интолерантный дискурс в общей парадигме дискурса // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2021б. № 4. С. 6-14.

Василенко, Е.Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды БГТУ. Серия 4. 2021в. № 2. С. 90-97.

Задворная, Е.Г. Специфика тактической реализации коммуникативных стратегий в различных типах дискурса // Обучение межкультурной коммуникации для профессиональных целей: теория и практика: сб. науч. Ст. Минск: МГЛУ, 2021. С. 186-190.

Задворная, Е.Г. Эмоциональная оценка в научном диалоге // Профессионально ориентированное обучение межкультурной коммуникации: теория и практика: сб. науч. Ст. Минск: МГЛУ, 2022. С. 88-93.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Курсовые работы по языкознанию. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. 204 с.

Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Маслова, Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: автореф. Дис. … канд. Филол. Наук: 10.02.19. Москва, 2007. 25 с.

Чалова, О.Н. Стратегии и тактики научного дискурса // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова. 2017. Т. 24. С. 165-170.

Brown, P., Levinson, S.C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Buehl, J. Assembling Arguments: Multimodal Rhetoric & Scientific Discourse. South Carolina: University of South Carolina Press, 2016. 304 p.

Grice, P. Study in the way of words. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 394 p.

Halliday, M.A.K., Martin, J.R. Writing Science: Literacy and Discursive Power. London: The Falmer Press, 1993. 297 p.

Katz, S.B., Penrose, A.M. Writing in the Sciences: Exploring Conventions of Scientific Discourse. South Carolina: Parlor Press, 2010. 326 p.

Leech, G. The pragmatics of politeness. New York: Oxford University Press, 2014. 368 p.

Pérez-Llantada, C. Scientific Discourse and the Rhetoric of Globalization. London: Continuum, 2012. 256 p.

Vasilenko, E.N. Sexist hate speech: topical organization of intolerant discourse // Językoznawstwo. 2020. № 1(14). S. 47-60.

А. Э. Царан, студентка
Науч. рук.: Е. Н. Деревскова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ПОНЯТИЕ *УЧИТЕЛЬ* В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ XIX И XX веков

Аннотация. В статье проведён анализ словарных статей различных лексикографических источников (толковые словари, словари синонимов, ассоциативный словарь) со словом-вокабулой *учитель*. Для исследовательской работы выбраны словари разных эпох: XIX и XX вв., что позволило рассмотреть, как меняется представление о понятии с течением времени, а также в разные исторические периоды.

Ключевые слова: лексикографирование, лексическое значение, зона толкования, иллюстративная зона, синонимы, ассоциативное поле.

Интерес к понятию *учитель* не ослабевал никогда. Каждому образованному человеку очевидно, что учитель в обучающем процессе является ключевой фигурой, влияющей на развитие учеников и их будущее. Но только ли обучение является основной задачей учителя? Чтобы объективно ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать лексикографические источники, которые помогут реконструировать понятие *учитель*.

Предметом исследования стал анализ лексикографических источников, в которых дано представление о понятии *учитель* в русской языковой картине мира, материалом послужили словарные статьи лексикографических изданий разных эпох: XIX в. (Словарь Академии Российской (далее САР), Словарь русского и церковно-славянского языка (далее СРЦЯ), Словарь живого великорусского языка В. И. Даля (далее СД), Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова**)** и XX в. (Словарь русского языка С.И. Ожегова (далее СО), Толковый словарь русского языка под ред Д. Н. Ушакова (далее СУ), Словарь русского языка: в 4 т. (далее МАС), Большой толковый словарь (далее БТС), Русский ассоциативный словарь (далее РАС), Словарь синонимов русского языка, Русский ассоциативный словарь (далее РАС)).

Компонентный анализ лексического значения, представленного в зоне толкования словарных статей, позволил выделить родовую сему, которая содержит информацию об отнесённости к деятельностному аспекту сферы учения. Так, в словарях XIX в. Можно выделить семантический компонент: ‘тот, кто преподает в чём-нибудь учении’ [САР], ‘преподающий учение’ [СРЦЯ], ‘преподаватель, обучатель’ [СД]; в толковых словарях XX в.: ‘человек, который учит (научил)’ [СО], ‘тот, кто обучает’ [МАС], ‘тот, кто преподаёт какой-л. Учебный предмет в школе; преподаватель’ [БТС]. Но есть и отличие в подаче понятия учитель в словарях разных эпох: только в словарях XIX в. В толковании вербализована информация ‘учитель – наставник’.

В. Г. Гак в статье «Лингвистические словари и экстралингвистическая информация» отмечает, что в словарях определения, словосочетания и цитаты способны давать большую внеязыковую энциклопедическую информацию об объекте [Гак 1987: 13]. Поэтому дальнейший лексикографический анализ связан с выделением информации, представленной в иллюстративной зоне словарей. Речения и цитаты, содержащиеся в этой зоне, включают разные типы информации. В лексикографических источниках XIX в. Одной из доминирующих является идентификация *учителя* как наставника духовно-нравственного образования*:* САР приводит цитаты из Евангелия от Луки: *«Несть ученик над учителя своего»*, из Нового Завета **(**Послание к Римлянам 2 стих 20): *«наказателя безумным, учителя младенцем»*, в СРЦЯ приведена цитата из 1-го послания Тимофею (6 глава): *‘учение еже ультуролог’*; в СД представлены поговорки, заключающие народную мудрость: *‘почитай учителя как родителя’, ‘учи жену без детей, а детей без людей’, ‘поучись-ка вежливости’, ‘приучайся к порядку’.*

В отличие от лексикографических изданий XIX в. Словари XX в. Чаще всего идентифицируют *учителя* как человека работающего, преподающего какой-либо предмет в школе: *‘учитель математики’* [СО]; *‘учитель какого-н. предмета в средней или низшей школе’* [СУ]; *‘учитель средней школы’* [МАС]; *‘тот, кто преподаёт предмет в школе’* [БТС]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова впервые добавляется характеристика учителя как авторитета в какой-либо области, главы учения: *глава учения, заслуженный учитель (почётное звание)’* [СО]. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова к толкованию лексемы *учитель* добавляется идеологический компонент: *‘Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – великие учители социализма’, ‘Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель’* [СУ].

Образность лексем, информационно-понятийная составляющая сконцентрирована в их синонимических рядах. Э. Сепир утверждал, что «многообразность выражения отдельного значения всегда ощущается как источник языковой силы и богатства, а не как бесполезная расточительность» [Сепир 1993: 53]. Благодаря синонимическому ряду можно изучать семантические параметры входящих в этот ряд слов. По мнению Н. Г. Комлева, в основе коннотации лексемы, выражающей предмет или явление, лежит семантическая модификация значения, включающая в себя совокупность семантических наслоений, чувств, представлений [Комлев 2006: 108]. Поэтому следующим источником анализа понятия *учитель* стали синонимические словари.

Первый словарь синонимов вышел в 1900 году. Его написал Н. А. Переферкович, литератор, переводчик и лексикограф, и опубликовал под псевдонимом Н. Абрамов. В этом словаре к слову *учитель* выстраивается целый ряд синонимов, среди которых можно выделить семантические, в которых актуализирован семантический компонент ‘воспитатель’ *(наставник, наставница, преподаватель, воспитатель),* а также ‘человек, который руководит, поучает’ *(руководитель, ментор).* Здесь же представлены синонимы, которые номинируют научное звание педагога: *доцент, профессор.*

В словаре отражены реалии XIX в.: *гувернёр, бонна, гувернантка, классная дама, мадам, мамзель.* В академическом синонимическом словаре XX в. Приводится небольшой синонимический ряд: *учитель, преподаватель, педагог*. Синонимы семантические: если сопоставить лексические значения слов *учитель, преподаватель* и *педагог*, то выявляется разница: *учитель* «преимущ. Употр. Применительно к лицу, занятому обучением детей в школе», *преподаватель* – «как в школе, так и в высшем или профессиональном учебном заведении», *педагог* – «не только преподавательской, но и воспитательной работой». Прагматику словарь вербализует в иллюстративной зоне, где лексема *преподаватель* синтагматически связана с признаковыми словами *уважаемый* и *замечательный*, лексема *педагог* – с идиоматическим сочетанием *до мозга костей*: «Самым уважаемым и действительно замечательным преподавателем в нашем реальном училище был наш учитель математики»; «Вы педагог до мозга костей, вы, должно быть, родились учителем» [ССРЯ в 2 т., Т. 2, 2003: 641].

Интерес для исследования представляет и ассоциативный словарь, так как именно этот тип лексикографического издания «приоткрывает завесу над тем, как устроена языковая способность человека – думающего, говорящего и понимающего, <…> даёт картину сочетаемости слов в живой речи носителей русского языка, в нём можно найти <…> элементы наивной языковой картины мира русских и черты их национального характера, <…> он позволяет проникнуть в социальную память и сознание носителей языка [РАС 1994: 2].

Анализ лексемы *учитель*, представленной в «Русском ассоциативном словаре», позволяет выделить несколько групп ассоциаций, вызванных у реципиентов. В словаре на стимул *учитель* было зафиксировано 102 реакции. Первые реакции были связаны с делением учителей по тем предметам, которые они преподают в школе, например: *истории, математики, пения, английского, рисования, музыки*. Наиболее яркой оказалась группа слов, эксплицирующая какую-либо эмоциональную окраску понятию *учитель* – положительную или отрицательную. Слова с положительной коннотацией (таких реакций больше: около 28 % от общего количества реакций) – это *хороший, умный, мудрый, честный, добрый, друг*. Отрицательная коннотация (около 12 %) представлена в реакциях *дурак, ботаник, злой, монстр.* Различная частотность употребления отрицательно и положительно окрашенных слов свидетельствует о преобладании уважительного отношения общества к учителю.

Ход анализа ассоциативного поля позволил нам выделить когнитивные признаки, которые особенно ярко выражают отношение к профессиональным характеристикам. Самым актуальным признаком стал «статус» (41,2 %), что свидетельствует о том, что информантами-учителями большое значение придаётся своему положению в обществе, причём оно характеризуется как положительно (например, *авторитет; единомышленник; зарплата; идеал* и др. –74 %), так и отрицательно (например, *бедолага; великомученик; неудачник в жизни; нищий; труженик (вечный); унижен государством* – 26 %). В условиях современного экономического положения учитель попадает в категорию населения, нуждающуюся в социальной защите государства, так как

труд педагога низкооплачиваем, «не в моде», в связи с чем особенно показательны ассоциаты *бесправие* и *раб*.

Таким образом, лексикографические источники разных исторических эпох позволяют сделать следующие выводы:

1. В толковых словарях XIX в., помимо информации об обучающей деятельности учителя, важной является его наставничество, воспитание духовно-нравственного человека. Эта информация представлена как в зоне толкования, так и в иллюстративной зоне проанализированных словарей, где основным источником цитирования становятся тексты Священного Писания. В толковых словарях XX в. Актуальна только информация об обучающей деятельности учителя. Иллюстративная зона отражает по преимуществу реалии советской эпохи и важных для того времени деятелей (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин).

2. В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» отражены экстралингвистические реалии, когда учителем является не только человек, преподающий в учебном заведении, но и тот, кто занимается домашним воспитанием ребёнка (*гувернёр, бонна, мамзель*). В академическом словаре синонимов XX века синонимический ряд вербализует информацию о возможности заниматься обучающей деятельностью как в школе, так и в высших учебных заведения. Прагматическую информацию, которая имеет исключительно положительную коннотацию, можно обнаружить в иллюстративных зонах словарных статей.

3. Ассоциативный словарь – лексикографическое достижение XX века, поэтому сопоставительный анализ с XIX в. Невозможен. Реакции на слово-стимул *учитель* вербализуют те виды информации, которые были обнаружены в словарных статьях толковых словарей и словаре синонимов. Ассоциаты также актуализировали отношения к учителю, которые закреплены в сознании русской языковой личности. Эти отношения полярные: как положительные, так и отрицательные, но отметим, что реакций с положительной оценкой гораздо больше, чем отрицательных.

Литература

Абрамов, Н.Ф. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: ок. 5000 синоним. Рядов [Электронный ресурс]. 5-е изд., испр. URL: https://lexicography.online/synonymy/abramov/?ysclid=lu589kdomd681383189 (дата обращения 12.03.2024).

Большой толковый словарь русского языка / Сост. И гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Bolsho-26464.html (дата обращения 12.03.2024).

Гак, В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация (в связи с выходом в свет второго издания словаря «Большой Робер») // Вопросы языкознания, 1987. № 2. С. 13-17.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. М.: Рус. Яз., 1998. Т. 4. 1998. 688 с.

Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. 3-е изд., стереот. М.: КомКнига, 2006. 192 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. Проф. Л.И. Скворцова. 26-изд., испр. И доп. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ozhegov.org/ (дата обращения 12.03.2024).

Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин и др. М., 1994. 496 с.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и ультурологи: Пер. с англ. / Общ. Ред. И вступ. Ст. А.Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. 656 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm (дата обращения 12.03.2024).

Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / [Авт. Введ. И глав. Ред. А.П. Евгеньева]; РАН, Институт лингвистических учений. М.: Астрель-АСТ, 2003.

Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д.Н. Ушаков; [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/ushakov?ysclid=lu57f351lx912910445 (дата обращения 12.03.2024).

РАЗДЕЛ II
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СМИ

А. А. Жемчугова, студентка
Науч. рук.: А. В. Подгорская, канд. филол. наук
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Аннотация. В статье охарактеризованы существующие подходы к проведению журналистских расследований. Автор обозначает специфику методов проведения расследования в СМИ и определяет тенденции их развития в условиях современных технологий. На примере журналистского расследования, связанного с угрозой загрязнения заповедных зон Вишерского заповедника, продемонстрировано, насколько необходимы такие материалы для улучшения качества жизни нашего общества.

Ключевые слова: расследовательская журналистика, концептуальные особенности, типологические разновидности текстов, методы сбора информации.

Расследовательская журналистика – одно из самых молодых журналистских направлений в нашей стране. Оно тесно связанно с политической историей России. В работе «Расследование на основе истории: Пособие по расследовательской журналистике», которая была опубликована ЮНЕСКО, это направление характеризуется следующим образом: «Расследовательская журналистика включает в себя вынесение на суд общественности тех фактов и историй, которые были преднамеренно скрыты кем-то из власть имущих или же случайно затерялись в хаотичной массе информации и происшествий, затрудняющих их корректное восприятие. Подобная деятельность требует использования огромного количества источников и документов, как секретных, так и публичных» [Ушанов 2017: 53].

Расследовательскую журналистику характеризует планомерное и, как правило, долговременное исследование предмета публикации, обычно посвящённой преступлениям, политическим скандалам, деятельности тех или иных организаций и лиц и т. п. [Филиппова 2017: 278]. Журналистское расследование отличает тщательно продуманная методология, включающая работу с первоисточниками, формирование и проверку гипотез, а также фактчекинг. В наши дни расследовательская журналистика в силу специфики её целей и предмета отображения, средств, методов, условий осуществления, всё больше старается заявить о себе как о самостоятельном явлении. Появляются профессионалы, специализирующиеся на данном виде журналистики. Всё это позволяет рассматривать расследовательское направление как самостоятельный вид журналисткой деятельности.

Продукты деятельности расследовательской журналистики принято относить к аналитической группе жанров журналистики. Каждое журналистское расследование включает в себя целый комплекс типов отображения фактов [Тертычный 2017: 126].

По содержанию журналистские расследования делятся на несколько типов.

Политические расследования представляют собой деятельность, направленную на создание журналистского материала, который призван повлиять на политическую ситуацию, мнение общества. Подобные материалы призваны выявить нарушения в деятельности органов власти.

Экономические расследования – одна из самых тяжёлых и специфических групп расследований потому, что это «так называемые беловоротничковые преступления, иначе говоря, действия, в основе которых лежат порой исключительно сложные “схемы” присвоения определёнными лицами государственных средств или средств своих конкурентов» [Хантер 2015: 78]. Такие преступления всегда практически идеально спланированы, подготовлены, используют сложные схемы и идеальны с юридической точки зрения до последнего документа. Поэтому журналисту нужно приложить большое количество сил, чтобы обнаружить корень такого преступления. Автор, который хочет начать расследование данного типа преступлений, должен обладать отличной экономической подготовкой, а также уметь прибегать в расследовании к помощи юристов и экономистов – экспертов-профессионалов. Тогда можно надеяться на удачный исход расследования, а также избежать возможного судебного преследования журналиста и СМИ со стороны участников расследования.

Коррупционные расследования. Для Российской Федерации популярным видом журналистских расследований является работа по выявлению коррупции. Авторы расследований прибегают к разным методам и жанрам для раскрытия коррупционных махинаций: издание материалов о задержаниях, проведённых официальными органами среди высокопоставленных чиновников, подозреваемых в коррупции; показ аудитории отчётов и репортажей с заседаний суда, их комментирование, объяснение проблем коррупции в государстве и обществе в целом. В современной России существует много примеров журналистских расследований коррупции, однако они не получили дальнейшего продолжения и реакции властей не последовало.

Экологические расследования в западных странах занимают важное место в деятельности тележурналистов, так как состояние окружающей среды в развитых странах является приоритетной ценностью государства и общества. В нашей стране это направление не получило существенного развития, хотя журналистика традиционно является одним из инструментов борьбы человечества за сохранение окружающей среды и предотвращение экологических преступлений [Неренц 2017: 103]. Сложности в расследовании экологических преступлений связаны с тем, что они мимикрируют, часто преступники прикрываются общественно важными проектами, прогрессивными программами развития и пр. Чтобы успешно завершить

расследование такого преступления, журналист должен обладать отличными аналитическими способностями, так как ему необходимо будет выявить последствия воплощения в жизнь проекта, рассказать о возможных негативных последствиях.

Охарактеризуем способы получения и проверки информации в процессе расследования.

1. *Собственное наблюдение* делится на открытое и скрытое; отстранённое и включённое; эксперимент. Наблюдение с точки зрения надежности собранных сведений стоит на первом месте. В этом случае журналист является очевидцем и источником информации, если, конечно, его не используют «втёмную», и он сам не стал жертвой разыгранного для него спектакля.

2. *Доступ к документам и их анализ*: поиск в открытых источниках (интернет-сеть, библиотеки, архивы); информационные запросы в органы государственной власти и местного самоуправления; получение сведений от участников или пострадавших. Анализ документов требует как навыков работы с массивами данных, так и знаний в области права, способности ориентироваться в категориях документальной информации. Ссылки на официальные документальные источники служат надёжным подтверждением фактов, приведённых в расследовании. Чаще всего журналист, проводя расследование, начинает работу с поиска и анализа открытых публичных документов.

3. *Интервью* с официальными лицами; неофициальными источниками; экспертами, как официальными, так и неофициальными. Искусство интервью – непростая наука, и журналисты расследователи должны иметь способности общаться с разными людьми [Филиппова 2017: 279].

4. *Исследование, экспертиза, анализ*. Часто важным элементом расследования становится проведение всевозможных экспертиз или лабораторных исследований, результаты которых являются доказательствами гипотезы, сформулированной в начале расследования.

Рассмотрим методы сбора информации для журналистского расследования на примере публикации журналиста Андрея Дербенёва «Золото Вёлса. Охранная зона Вишерского заповедника может быть изменена для разработки месторождения», опубликованного на сайте 59.ru. Во время промышленной добычи золота на заповедных и близко заповедных зонах Вишерского заповедника появилась угроза изменения ландшафта и загрязнение окружающей среды. Эта деятельность осуществлялась без достаточного информирования местных жителей о её последствиях.

Журналист выделил следующие гипотезы: лицензедержатель пролоббировал изменение охранной зоны, чтобы вырезать из неё месторождение. В доказательстве этой гипотезе были только косвенные факты; ещё одна гипотеза материала заключается в том, что добыча рассыпного золота несет ущерб рекам и краснокнижным растениям. Эту гипотезу в ходе работы подтвердили эксперты горнодобывающей промышленности и экологические организации. В самом начале сбора материала автор ориентировался на информацию, которую он получил от достоверных источников. С помощью

открытых источников автору удалось найти документы заповедника, где содержалась информация о краснокнижных животных и растениях. В открытом доступе нашлись и итоги исследования сотрудниками Естественнонаучного института подобного прииска – Сибиревского. Учёные зафиксировали в пробах воды значительные превышения ПДК взвешенных веществ, железа, аммония. В открытом доступе также были решения судов. Часть информации была открыта на официальном сайте золотодобывающей компании.

Ещё одним методом сбора информации стали запросы в Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Министерство природных ресурсов Пермского края, в Роснедра, UDS golden group, в Центр занятости населения Красновишерского городского округа, в дирекцию заповедника «Вишерский». Это нужно было для того, чтобы получить официальные комментарии и документы.

Третьим способом сбора информации стало интервью с экспертами. Экспертное мнение собиралось преимущественно у промышленников, общественных активистов. Автор также поговорил с профессором Георгием Вороновым, под чьим руководством создавался заповедник. Роль экспертов в этом расследовании была значительной: они подтвердили гипотезу об ущербе, который золотодобыча нанесёт заповеднику.

Можно сделать вывод, что расследовательская журналистика является важным элементом современной системы СМИ, так как она имеет функции социального контроля, интеграции, познания. Расследовательские журналистские материалы могут выступать как эффективная форма контроля гражданского общества за институтами власти и способствовать решению имеющихся в обществе проблем.

Литература

Неренц, Д.В. Социальные функции современной расследовательской журналистики // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение, 2017. № 7(28) С. 103-108.

Тертычный, А.А. Современная расследовательская журналистика: жанровая структура [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2017 № 2. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29344416 (дата обращения: 20.11.2023).

Ушанов, П.В. Журналистское расследование (политико-идеологический аспект): учебное пособие, Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2017. 78 с.

Филиппова, А.В. Журналистское расследование в современной газетной прессе: трансформации, проблематика, воздействие на аудиторию, 2017. С. 278-282.

Хантер, М. Исследование, основанное на истории: учебное пособие по проведению журналистских расследований. / Нильс Хансон, Рана Саббах, Пиа Тордсен, Люк Сенгерс, Флемминг Тейт Свит. Б.: «V.R.S. Company», 2015. 140 с.

В. Ю. Ильина, магистрантка
Науч. рук.: Т. Г. Никитина, доктор филол. наук, проф.
Псковский государственный университет
(г. Псков, Россия)

НЕДОСТАТКИ АВТОМАТИЧЕСКОГО ТОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТАТЕЙ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Аннотация. В данной работе рассматриваются теоретические и практические аспекты автоматического выявления тональности информационного текста. Объектом исследования являются статьи русскоязычных новостных СМИ. Предметом изучения выступает эмоциональная окраска текстов. Результатом работы стали выявленные в ходе проведённого анализа существенные недостатки машинной оценки тональности.

Ключевые слова: тональность, оценка, машинный анализ, оценочная лексика, СМИ.

В современном информационном обществе роль СМИ становится все более значимой. Предоставляя нам доступ к новостям, СМИ являются основным инструментом не только передачи информации, но и управления общественным мнением. СМИ оказывают влияние на общественное мнение, формируют нашу позицию по важным вопросам и способствуют информированности граждан. Согласно определению М. И. Володиной, в СМИ представлен «особый язык информационного воздействия для создания соответствующей картины мира в общественном сознании» [Володина 2008: 14]. Таким образом, возникает необходимость оценки и анализа тональности статей, чтобы получить объективное представление о содержании и эмоциональной окраске текстов, публикуемых в русскоязычных СМИ.

Оценка тональности статей практически применяется во многих областях. В маркетинге анализ тональности помогает компаниям оценивать реакцию потребителей на их продукты и услуги, а также понимать эффективность своих рекламных кампаний. В политике анализ тональности публикаций в СМИ позволяет выявить имплицитно выраженные мнения по той или иной теме. В сфере общественных наук анализ тональности может служить инструментом для исследования общественных настроений и мнений. Однако автоматический тональный анализ статей русскоязычных СМИ отличается сложностью, связанное с особенностями русского языка, спецификой контекста и культурных особенностей российского общества.

С развитием компьютерной лингвистики и, соответственно, методов обработки естественного языка и машинного обучения, понятие «тональность текста» в последние десятилетия стало широко распространённым. Однако изучение и анализ эмоциональной окраски текстов имеет более длительную историю. В середине XX в., американский психолог Charles Osgood разработал методику семантического дифференциала. Используя различные наборы парных слов, он определял эмотивное пространство [Осгуд, Суси, Танненбаум 2007]. Одной из первых работ, посвящённых тональному анализу, является исследование J. Wiebe, в котором осуществлялась автоматическая классификация текстовых фрагментов по признаку

объективности / субъективности, где в «субъективных» фрагментах персонажи художественных произведений выражали свои мнения и эмоции [Wiebe 1994]. Термин «тональный анализ» впервые был использован в статье, опубликованной в 2003 году исследователями T. Nasukawa и J. Yi [Nasukawa, Yi 2003]. Впоследствии американские исследователи в области информационных технологий, такие как K. Dave, S. Lawrence и D.M. Pennock, представили работу, посвящённую оценке мнений из отзывов о товарах [Dave, Lawrence 2003]. Одним из ранних коммерческих продуктов в этой области был Sentiment Analysis by Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC), созданный James Pennebaker, Roger Booth, и Martha Francis в конце 1990-х годов. Данная программа использует лингвистические и психологические аспекты для оценки тональности текстов. В последующие годы, с появлением более сложных алгоритмов и моделей машинного обучения, таких как рекуррентные нейронные сети и трансформеры, анализ тональности текстов стал более точным и эффективным. Среди отечественных разработок можно выделить такую систему, как ВААЛ. Своё начало она берёт с 1992 года. В задачу этой системы входят прогнозирование оказания скрытого воздействия тех или иных текстов на массовую аудиторию, анализ текстов с точки зрения подобного влияния, установление особых личностных и психологических качеств авторов текста, осуществление эмоционально-лексического анализа текстов, создание автоматической категоризации текста.

Таким образом, понятие «тональность текста» в современном понимании возникло с появлением компьютерных методов анализа и обработки естественного языка. Такой подход предполагает использование программ анализа настроений, которые используют методы обработки языка для автоматического определения эмоционального тона данного текста. Эти программы предназначены для идентификации и категоризации слов и фраз на основе их полярности и присваивают положительные, отрицательные или нейтральные оценки различным частям текста. Используя подобные программы, исследователи могут получить представление об общей тональности текстов, изучая распространённость положительных, отрицательных или нейтральных выражений.

Вслед за Т. В. Матвеевой мы понимаем тональность как категорию, в которой «воплощается эмоционально-волевая установка автора, его психологическое отношение к излагаемому, адресату или ситуации общения» [Матвеева 2014: 492]. Тональность текста складывается из составляющих его лексических единиц и правил их сочетания [Пазельская 2014], включая в себя следующие компоненты: *субъект тональности* – автор текста (цитаты, высказывания), выражающий оценочное мнение; *тональную оценку* – эмоциональное отношение автора к данному объекту (базовая классификация предполагает позитивную, нейтральную и негативную оценки); *объект тональности* – событие / предмет / явление / лицо, о котором автор пишет. В настоящее время существует несколько методов определения (классификации) тональности текста [Двойникова, Карпов 2020]. Сентимент-анализ может делиться на две категории: ручной анализ и автоматизированный анализ.

Ручной способ предполагает, что эксперт осознает как контекстуальные особенности фрагментов, так и какие-либо экстралингвистические данные о тексте, что позволяет лучше понять и определить тональность. Таким образом, ручной анализ может быть легко адаптирован под конкретные требования выполнения задачи. Однако ручной анализ имеет свои недостатки: человек подвержен субъективным оценкам и восприятию текста, что может привести к неоднозначным результатам. К тому же, ручной анализ требует значительных временных и человеческих ресурсов. Обработка больших объёмов текста может быть длительной и затратной задачей, что значительно снижает продуктивность работы.

Автоматизированный анализ позволяет обрабатывать большие объёмы текста в краткие сроки, но нельзя сказать, что такой тип анализа тональности является совершенно объективным. Несмотря на заранее заданные правила и модели машинного обучения, программа не всегда способна точно уловить нюансы языка, особенно если текст является многоязычным. Неточности также могут быть связаны с наличием в тексте сленга, идиом или иронии и сарказма. В зависимости от задачи и требований, комбинированный подход, сочетающий ручной и автоматизированный анализ, может быть наиболее эффективным.

Существуют различные методы автоматизированного тонального анализа. В данной области учёные выделяют лингвистические методы, методы на основе машинного обучения, гибридные. Рассмотрим их более детально. Лингвистические методы проводятся с опорой на тональные словари, в которые входят отдельные слова или биграммы (пары последовательных элементов: звуков, слов и т. п.) с установленным определённым «тональным» весом. В процессе осуществления анализа текста происходит поиск каждого релевантного слова в словаре и записывается его вес. В случае, если слово не находится, оно считается «нейтральным» по своей эмоциональной составляющей. После установления тональности каждой лексемы вычисляется общая тональность текста. Измерять общую тональность можно разными способами. Наиболее лёгким из них считается подсчёт среднего арифметического всех значений. Учёные выделяют также метод, базирующийся на других правилах [Клековкина, Котельников 2012]. Данный метод подразумевает создание множества продукционных правил, имеющих следующую форму: Если «условие» → то «событие». Данный метод точно так же предполагает применение словарей. Например, для предложения *Он ненавидит читать*, можно составить следующее правило: если сказуемое *ненавидит* есть в перечне «отрицательных» глаголов (*ненавидеть, презирать, недолюбливать*) и в предложении отсутствуют выраженные индикаторы «положительной» тональности, то текст может быть определён как «негативный».

Известны также методы, которые опираются на машинное обучение. Данные методы делятся на два типа: обучение с учителем (supervised learning) и без учителя (unsupervised learning). Первый тип предполагает обучение компьютера распознаванию эмоций и мнений авторов текстов на основе определённой выборки текстов, закодированной вручную, с помощью

кодировщиков. Автором статьи была использована программа “Orange”. Orange – это инструмент визуализации и анализа данных, широко используемый для интеллектуального анализа информации. Программа построена на языке программирования Python, который позволяет пользователям расширять его возможности за счёт доступа к библиотекам Python. Исследуя тональность статей СМИ, было удобно использовать эту программу по нескольким причинам. Возможность визуализации данных позволили получить наглядное представление о тональности текстов. К тому же, инструменты первичной обработки облегчили преобразование необработанных текстов в исходные данные для тонального анализа. В этом случае мы использовали метод “Multilingual sentiment”, поскольку это единственный из известных нам способов для определения тональности русскоязычных текстов. Таким образом, автоматический анализ тональности показал, что только две из 10 проанализированных статей имеют отрицательный показатель (рис. 1).

title	name True	path	content	sentiment
1	В Кремле не стали раскрыв...	C:/Users/...	В Кремле не стали раскрывать по...	0
2	В Кремле прокомментиров...	C:/Users/...	В Кремле прокомментировали пр...	0.892857
3	В Кремле согласились со сл...	C:/Users/...	В Кремле согласились со словам...	0
4	Известия В ФСБ сообщили ...	C:/Users/...	В ФСБ сообщили о предотвраще...	-1.9802
5	Известия Путин на ПМЭФ п...	C:/Users/...	Путин на ПМЭФ почтил память Б...	4.12371
6	Консульское агентство Пол...	C:/Users/...	Консульское агентство Польши в ...	3.2967
7	МИД РФ осудил террористи...	C:/Users/...	МИД РФ осудил террористически...	-5.11364
8	Песков отреагировал на сл...	C:/Users/...	Песков отреагировал на слова Эр...	1.53846
9	Путин заявил	C:/Users/...	Путин заявил, что Россия не буде...	7.63889
10	Путин поговорил по телефо...	C:/Users/...	Путин поговорил по телефону с п...	4.65116

Рисунок 1. Табличные показатели тональности

Однако результаты ручного анализа публикаций несколько отличаются. Например, в статье под названием «В Кремле согласились со словами Орбана об окончании конфликта на Украине при желании США» [Газета Известия 2023: http], тональность которой составила 0, было выявлено достаточное количество фраз с отрицательной коннотацией: «*кризис приобрел глобальное измерение*», «*на фоне обострения ситуации*», «*Москва неоднократно акцентировала внимание на американском почерке в операциях*». В целом, в тексе выражается положительное отношение к высказыванию Виктора Орбана, но в большей степени указывается на негативное отношение к роли и действиям США на Украине. Таким образом, тональность публикации не может быть признана совершенно нейтральной.

Итак, в результате исследования становится очевидным, что автоматический анализ тональности текстов не является идеальным инструментом, но при сочетании с ручным анализом он может дать более достоверные результаты. Комбинация экспертного знания и автоматического

анализа помогает учесть широкий контекст и особенности каждого текста, что важно для более точного определения тональности. Автоматический анализ тональности текстов удобен для обработки больших объёмов данных и получения быстрых результатов, в то время как ручной анализ требует больше времени и усилий, особенно при обработке больших объёмов информации. Поэтому, в зависимости от конкретных целей и ограничений исследования, необходимо балансировать между автоматическим и ручным анализом. В дальнейшем исследовании автоматического анализа тональности текстов следует уделить внимание улучшению алгоритмов и моделей, чтобы снизить возможные неточности и улучшить качество результатов. Более того, стоит уделить внимание разработке методов, позволяющих анализировать русский язык. Это позволит добиться более эффективного использования автоматического анализа в различных областях, включая маркетинг, социальные исследования и многие другие.

Литература

Володина, М.И. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации. Учебное пособие. М.: Академический проект; Алмаматер, 2008. 760 с.

Газета Известия. В Кремле согласились со словами Орбана об окончании конфликта на Украине при желании США [Электронный ресурс] // Газета Известия от 14 июля 2023 г. URL: https://iz.ru/1544156/2023-07-14/v-kremle-soglasilis-so-slovami-orbana-ob-okonchanii-konflikta-na-ukraine-pri-zhelanii-ssha (дата обращения: 09.07.2023).

Двойникова, А.А., Карпов, А.А. Аналитический обзор подходов к распознаванию тональности русскоязычных текстовых данных // Информационно-управляющие системы. 2020. №. 4 (107). С. 20-30.

Клековкина, М.В., Котельников, Е.В. Метод автоматической классификации текстов по тональности, основанный на словаре эмоциональной лексики. // Труды XIV Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции» (RCDL-2012). Переславль-Залесский: изд-во «Университет города Переславль», 2012. С. 118-123

Матвеева, Т.В. Тональность текста // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2014. С. 692-694.

Осгуд, Ч., Суси, Дж., Танненбаум, П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Искусствометрия. Методы точных наук и семиотики / Под ред.: Лотман Ю.М., Петров В.М. М.: ЛКИ. 2007. С. 278-297.

Пазельская, А.Г., Соловьев, А.Н. Метод определения эмоций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» М.: Изд-во РГГУ. 2014. С. 574-586.

Dave, K., Lawrence, S., Pennock, D.M. Mining the Peanut Gallery: Opinion Extraction and Semantic Classification of Product Reviews // Proceedings of WWW. 2003. P. 519-528.

Nasukawa, T., Yi, J. Sentiment analysis: Capturing favorability using natural language processing // Proceedings of the 2nd international conference on Knowledge capture. ACM. 2003. P. 70-77.

Wiebe, J.M. Tracking point of view in narrative // Computational Linguistic. Vol. 2 s. 1994. Т. 20, № 2. P. 233-287.

В. С. Лысакова, студентка
Науч. рук.: О. Е. Чернова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Аннотация. В работе описываются концептуальные особенности пропаганды в средствах массовой информации, которые формируют у аудитории специфические взгляды на факты, явления и процессы, происходящие в стране и за её пределами.

Ключевые слова: пропаганда, журналистская пропаганда, «мягкая власть», агитация, журналистика, воздействие на аудиторию.

Сегодня существует целый ряд определений пропаганды. Сам термин *пропаганда* – заимствование из латыни (*propaganda* дословно можно перевести на русский язык как ‘подлежащая распространению’. Поэтому современные определения базируются на понимании пропаганды как распространения каких-либо идей, информации без указания на их характер и влияние на социум. К примеру, А. С. Попов считает пропаганду сознательным и целенаправленным распространением различных идей в обществе [Попов 2017: 772], а А. Р. Общанская – распространением определённой информации среди широких масс населения [Общанская 2023].

Пропаганда выступает также как средство коммуникации. Э. В. Арутюнова-Ястребкова в своём труде определяет пропаганду как «средство коммуникации, дающее возможность оказывать влияние на мнения и действия других людей ради достижения определённой цели» [Арутюнова-Ястребкова 2022: 547]. В основе понимания пропаганды В. В. Капраловым и М. Н. Черняйковым лежит феномен внушения. Но эти исследователи представляют развёрнутое определение: «внушение, информационное влияние на массовое сознание с конкретными целями» [Капралов 2018: 68]. Данные определения показывают смещение акцента с манипулятивных, внушающих методов в сторону убеждающих и обращают внимание на эффективность пропаганды на основе вдумчивого убеждения, диалога.

Виды пропаганды определяются в зависимости от намерений пропагандистов. Если в качестве основы классификации брать сферы деятельности, то можно выделить пропаганду политическую, военную, научную, журналистскую, культурную, экологическую и т. д. [Солодухин 2022: http]. Рассмотрим журналистскую пропаганду.

С конца 1980-х гг. существует традиция выделять две большие сферы содержательной направленности журналистской пропаганды: одна из них соотносится с функцией идейного воспитания, вторая – с функцией политического просвещения [Скуленко 1987: http]. В области политического просвещения существуют производственно-экономическая, научно-техническая, культурно-просветительская пропаганды, а также пропаганда по проблемам социального развития общества, по вопросам внешней политики и

международных отношений. Каждое из этих направлений по-своему важно. Рассмотрим их.

1. *Производственно-экономическая пропаганда*. Решения XXVII съезда КПСС (февраль–март 1986 г.) определили необходимость пропаганды социально-экономического развития страны, в особенности таких аспектов, как техническая реконструкция народного хозяйства, осуществление Продовольственной программы СССР, перестройка хозяйственного механизма, приведение в действие резервов экономического роста, решение проблем эффективности производства и так далее.

Аудитории предлагались многочисленные очерки о передовиках и победителях социалистических соревнований (они представлялись в качестве примеров для подражания), корреспонденции и репортажи с объектов промышленного и гражданского строительства, проблемные статьи по вопросам экономики. Пропаганда была заметна даже в формулировках рубрик печатных изданий: «Резервы – в действие», «Продовольственная программа – дело всенародное», «Передовой опыт» и так далее. В настоящее время подобных рубрик в российских изданиях практически нет и в целом производственно-экономической пропаганде уделяется мало журналистского внимания.

2. *Научно-техническая пропаганда.* С 1980-х гг. этот вид пропаганды играл большую роль в контексте необходимости ускорения социально-экономического развития страны. Передовые технологические процессы, механизацию и автоматизацию производства, а также многие прочие аспекты освещали не только специализированные СМИ, но и массовые. Например, «Техника – молодежи» (1933–2021 гг.), «Правда». Сегодня научно-техническая пропаганда является одной из ведущих в стране. Однако в современном медиапространстве важным аспектом такой пропаганды стала простота представления информации. Отличным примером служила телепрограмма «Галилео» (2007–2021 гг.), в которой проводились и объяснялись несложные научные опыты.

3. В конце 1980-х гг. в нашей стране стала особенно заметна *пропаганда, связанная с проблемами социального развития общества.* На XXVII съезде КПСС отмечалась необходимость посвятить ей больше внимания. В то время стало очевидно, что развитие социальной сферы во многом определяло успех в экономике.

Журналистами конца 1980-х годов активно освещались вопросы морального и материального стимулирования труда, распределительных отношений в обществе, социального развития городов и деревень, проблемы совершенствования народного образования и многие другие. Особо выделялась пропаганда «правильного» – советского – образа жизни: обсуждались вопросы укрепления определённых духовных ценностей общества, отвечающих задачам построения социализма. В данный момент подобной пропаганды уже нет. А направление, связанное с пропагандой решения проблем социального развития общества, реализуют в основном краткие и среднего объема газетные материалы (заметки, репортажи и статьи), а также телевизионные материалы (к

примеру, новостные репортажи). Среди последних – видеоматериалы о сдаче в эксплуатацию новых социальных объектов, жилья и т. д. Созданием подобных видеоматериалов в основном занимается региональное телевидение – каждый выпуск новостей рассказывает хотя бы об одном подобном случае.

4. *Культурно-просветительная пропаганда.* В 1980-е годы подобная пропаганда выходила за рамки журналистского творчества: СМИ одновременно выступали «ретрансляторами» различных видов искусства и литературы, а также проводили целенаправленный отбор произведений, знакомя общественность с лучшими образцами отечественной и мировой культуры и анализируя их в соответствии с задачами построения социализма.

Печатные издания того времени предлагали рецензии произведений литературы и искусства, телевидение представляло зрителям многочисленные репортажи с художественных выставок, публиковали интервью с деятелями культуры. Эти журналистские материалы помогали читателям, зрителям и слушателям разобраться в проблемах художественного творчества, лучше понимать его суть.

В настоящий момент журналистика продолжает культурно-просветительскую пропаганду. Во многих печатных изданиях существуют разделы, посвящённые культуре (к примеру, в «МК»), телевидение предлагает продолжительные по хронометражу и качественно созданные программы, посвящённые культурным вопросам и деятелям культуры (среди них, к примеру, «Белая студия» – программа-интервью с актёрами, певцами, режиссёрами; телеканал «Культура»).

5. *Пропаганда по вопросам внешней политики и международных отношений.* В конце 1980-х годов в этом направлении выделялась пропаганда мирного внешнеполитического курса Коммунистической партии и СССР. Речь идёт об освещении журналистами инициатив СССР и анализе ряда важных проблем, к примеру, разоружения, укрепления международной безопасности и т. д.

Другое направление пропаганды – отражение международного положения в целом. Сотрудники СМИ каждый день предлагали аудитории материалы не только с фактами, но и с анализом событий, происходящих в различных частях планеты.

В данный момент из-за значительно усложнившейся политической, международной и военной ситуаций внешнеполитическая и международная пропаганда является одним из важнейших направлений деятельности российских СМИ. Почти каждое средство массовой информации освещает проведение СВО, реакцию мировой общественности на неё, поднимает внешнеполитические вопросы, с ней связанные. К примеру, все федеральные каналы убеждают зрителей в правомерности проведения СВО, критикуют заявления представителей государств-противников нашей страны. Этому посвящены многие общественно-политические ток-шоу («Вечер с Владимиром Соловьевым», «Россия-1», с 2005 г. по настоящее время; «Время покажет», «Первый канал», с 2014 г. по настоящее время). При анализе содержания таких программ становится очевидно, что в них происходит постоянный повтор

одних и тех же пропагандистских приёмов, тем самым в сознании аудитории закрепляется какое-либо мнение.

Вторая направленность журналистской пропаганды соотносится с функцией идейного воспитания. Это идеологическая пропаганда – распространение системы идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики, а именно – правящего класса и служит гарантом господства этого класса и относительного порядка и мира в стране.

Таким образом, пропаганда в СМИ играет большую роль в формировании общественного мнения. В разное время в нашей стране пропаганду понимали как агитацию, интеграцию, воздействие, распространение идей и так далее. В первую очередь это объяснялось разными общественными, политическими, экономическими и прочими ситуациями, наблюдавшимися в разные периоды существования нашей страны, во вторую – субъективным пониманием пропаганды разными учёными. Важно понимать, что пропаганда всегда в той или иной степени была одним из инструментов формирования и поддержания государственного строя, определённого уклада жизни.

Литература

Арутюнова-Ястребкова, Э.В. Использование политических интернет-мемов в качестве инструмента пропаганды // Медиалингвистика: материалы VI международной научной конференции. 2022. С. 546-550.

Капралов, В.В. Взаимосвязь понятий «антигосударственная пропаганда» и «информационная война» // Военная мысль. 2018. № 1. С. 68-73.

Лазутина, Г.В. Социальная роль журналистики в контексте современных дискуссий // Вестник Московского университета. 2016. № 6. С. 178-191.

Общанская, А.Р. Сравнительный анализ понятий «маркетинг», «реклама», «ПР», «пропаганда» // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2023. № 15. Т.3. С. 136-141.

Попов, А.С. СМИ и проблема развития личности // Омские научные чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 772-775.

Скуленко, М.И. Журналистика и пропаганда [Электронный ресурс] // Пермский государственный университет. URL: https://psujourn.narod.ru/lib/scu_prop.htm?ysclid=lmm87qbgvh491096111 (дата обращения: 01.12.2023).

Солодухин, О.Ю. Пропаганда: теория, история, методы, практики: программа дисциплины [Электронный ресурс] // ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/edu/courses/646514473 (дата обращения: 01.12.2023).

Е. В. Приходько, студентка
Науч. рук.: А. В. Подгорская, канд. филол. наук
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ ВОЛОНТЁРСКОЙ (ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СМИ

Аннотация. Исследование посвящено анализу воздействия СМИ на формирование положительного отношения к волонтёрскому движению в России. В статье рассматриваются

формы и методы популяризации волонтёрской (добровольческой) деятельности, анализируются проблемы и пути их решения, связанные с освещением добровольчества. Целью работы является выявление специфики информационного сопровождения волонтёрской деятельности в медийном пространстве.

Ключевые слова: волонтёрство (добровольчество), журналистика, СМИ, проблемы освещения, социальные сети.

СМИ – важный инструмент распространения информации и формирования общественного мнения. В наши дни с целью улучшения организации сферы социального обеспечения и формирования новой системы взаимодействия некоммерческих обществ в современной России существует практическая необходимость изучения технологии информационного сопровождения волонтёрской (добровольческой) деятельности в медийном пространстве. Волонтёрское движение развивается как деятельность, направленная на становление гражданского общества, и требует соответствующего позиционирования в сознании граждан. От того, как СМИ представит волонтёрство, зависят популярность, востребованность и эффективность движения в целом.

В России наблюдается тенденция роста волонтёрских организаций, волонтёрских объединений и обществ помощи в различных сферах жизни человека. Безвозмездный труд волонтёров востребован при ликвидации последствий стихийных бедствий, во время проведения спортивных мероприятий, при поиске пропавших людей, для оказания помощи социально незащищённым слоям населения и др. Часто это те сферы, где государство не справляется с потребностями граждан в поддержке, добровольчество способствует сохранению и укреплению человеческих ценностей. Согласно данным, представленным Федеральным агентством по делам молодежи «Росмолодежь» по результатам работы, проделанной в 2021 году, численность российских граждан, вовлечённых в добровольческую деятельность центрами (сообществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтёрства) на базе образовательных организаций, НКО, государственных и муниципальных учреждений, составляет 11,5 млн человек. Всё это подтверждает значимость темы волонтёрства и важности роли средств массовой информации в популяризации общественных и гражданских инициатив.

СМИ влияют на мировоззрение человека и отражают общественные изменения, а также помогают социальным группам в адаптации; содействуют формированию общественного мнения и гражданских инициатив. Журналистика формирует у людей чувство значимости в решении социальных проблем. Она призвана отражать и такие проявления общественной жизни, как волонтёрская деятельность. Волонтёрство позволяет помочь тем, кто остро нуждается в общественном внимании и заботе. С помощью этого общественного движения власти нередко начинают понимать интересы граждан и видеть пути их защиты и поддержки. СМИ являются инструментом формирования общественного мнения. Это касается и формируемого в сознании людей средствами различных медиаресурсов образа волонтёра. Основа волонтёрства – добровольный выбор, отражение личной позиции.

Человек реализует себя, если работает без принуждения, добровольно, что позволяет рассматривать волонтёрство как элемент социально ориентированного общества.

Способ формирования образа волонтёра в СМИ – это освещение их деятельности. Журналисты пишут о благотворительных проектах и акциях, в которых участвуют добровольцы. Это привлекает внимание общества к проблемам нуждающихся и позволяет вдохновить людей на участие в волонтёрской работе. Кроме того, СМИ часто освещают истории успеха волонтёров, акцентируя внимание не только на их достижениях, но и на их мотивах. Такие материалы формируют положительный образ волонтёра и укрепляют доверие общества к нему. При распространении информации о работе волонтёров осуществляется поиск партнёров, происходит знакомство с потенциальными получателями социальной помощи.

Интернет стал самым доступным средством коммуникации волонтёров, так как позволяет быстро найти информацию и нужные ресурсы, познакомиться с единомышленниками. Одним из наиболее популярных сервисов глобальной сети являются социальные сети. Сегодня они выполняют функции, позволяющие удовлетворять различные социальные запросы: от неформального общения до реализации социальных инициатив и организации крупных проектов.

С появлением и развитием Интернета волонтёрское движение укоренилось и в социальных сетях. Подобные сообщества объединяют медиапространство волонтёров. Вступая в группы по интересам, молодые граждане включаются в общественную деятельность. Так волонтёры инициируют значимые социальные проекты, реализуют свои интересы и цели. Использование социальных сетей в качестве инструмента коммуникации и взаимодействия имеет множество преимуществ. Из всех ресурсов Интернета социальные сети обрели наибольшую популярность и охватывают значительную целевую аудиторию. Социальные сети позволяют делиться видео- и аудиоматериалами, которые становятся доступны большому количеству пользователей и привлекают новых участников. Сети помогают распространять фотографии и видео с волонтёрских мероприятий, что повышает уровень доверия к волонтёрской деятельности. Социальные сети бесплатны, что делает их привлекательными для добровольческих организаций; дают возможность людям, нуждающимся в помощи, легко и быстро обратиться за поддержкой или помощью, привлекая внимание волонтёров и общественности.

Волонтёрство, способствующее развитию у гоаждан чувства причастности к тому, что происходит в стране, является важной частью общественной жизни, помогает решать социальные проблемы. Оно способствует развитию толерантности и патриотизма. Интернет и социальные сети играют ключевую роль в популяризации волонтёрства среди молодежи и повышении вовлечённости граждан в общественную жизнь. Интернет помогает укрепить мнение о социальной значимости волонтёрства, распространить информацию о ключевых событиях в волонтёрском движении. Растущий

интерес к волонтёрству и понимание важности Интернета и социальных сетей для распространения и продвижения волонтёрской деятельности может привести к увеличению числа добровольцев и успешности социальных проектов, созданных ими.

Одной из основных задач современных журналистов является формирование позитивного отношения к волонтёрской деятельности, поддержки в общественном сознании устойчивой системы духовно-нравственных ценностей и ориентиров, помощь в продвижении и реализации проектов данного направления. При явной важности для населения страны информации о подготовке волонтёрских проектов, существует ряд серьёзных проблем, негативно влияющих на эффективность освещения данной деятельности, что в свою очередь отражается и на поиске средств для реализации волонтёрских проектов.

В первую очередь это проблема доверия к информации о волонтёрской деятельности. Необходимо отметить, что в настоящее время в нашей стране общественные настроения в целом характеризуются невысокой степенью доверия. Согласно социальным опросам, население нашей страны больше доверяет информации, полученной от близкого окружения, а к публикациям, размещённым в социальных медиа, относится скептически. При этом очевидно, что социальные медиа стали популярным источником новостной информации и местом активных межличностных коммуникаций. Несомненно, основной причиной недоверия является активная деятельность мошенников, которые могут дискредитировать волонтёрское движение.

Проблема освещения деятельности некоммерческих организаций в СМИ – предмет интереса и обсуждения сразу нескольких групп медиасубъектов и институтов. Она регулярно и публично обсуждается непосредственными агентами работниками третьего сектора и журналистами. Проблему можно назвать видимой для государственных структур на региональном уровне: в некоторых субъектах официально существуют механизмы поддержки СМИ, освещающих деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций.

Представления россиян о некоммерческом секторе не укоренены в массовом сознании, следовательно, они могут сравнительно быстро изменяться под воздействием информационных кампаний. Проблемы развития волонтёрства и добровольчества в нашей стране актуализировались в научной и общественной среде под воздействием проведения в России международных спортивных мероприятий и развития волонтёрской деятельности. Однако, несмотря на успехи, в области волонтёрской и добровольческой деятельности многие проблем остаются нерешёнными. В нашей стране быть волонтёром или добровольцем еще не считается престижным, что проявляется в отсутствии положительных образов волонтёров. В современном массовом искусстве из-за доминирования в сознании населения России определённых социальных стереотипов волонтёрская и добровольческая деятельность пока ещё развивается недостаточно эффективно, не получая одобрения в глазах значительной части граждан. Недостаточное использование возможностей

медиасреды снижает результативность проводимых добровольцами мероприятий. Профессиональное массмедийное сопровождение деятельности волонтёрских организаций позволит расширить целевую аудиторию и повысить эффективность оказываемой волонтёрамисоциальной помощи.

При формировании положительного отношения к волонтёрству важно то, как освещаются мероприятия с участием волонтёров, какие источники информации используются для коммуникации и как сами волонтёры предстают перед аудиторией. Важно привлекать внимание к волонтёрству, объясняя цели, задачи, специфику и преимущества, которые оно предоставляет. Волонтёрство – специфическая добровольная деятельность для достижения общественного блага без цели получения материального вознаграждения. Волонтёр должен стремиться овладеть дополнительными навыками и знаниями для оказания качественной помощи нуждающимся людям. Продвижение волонтёрства сегодня происходит с помощью средств массовой информации и социальных сетей, позволяющих создать привлекательный образ современного волонтёра.

Литература

Королева, К.Ю., Сазонова, Е.С. Проблемы массмедийного сопровождения волонтёрской деятельности [Электронный ресурс] // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: Сборник научных работ по материалам международной научно-практической конференции. 2017. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35123239 (дата обращения: 20.01.2024).

Событийное волонтёрство: учебник для вузов / М.А. Мазниченко [и др.]; под общей редакцией М.А. Мазниченко [Электронный ресурс] // Издательство Юрайт. 2021. 155 с. URL: https://urait.ru/bcode/467777 (дата обращения: 20.01.2024).

Е. Ю. Трофимова, студентка
Науч. рук.: О. В. Дорфман, кандидат пед. наук
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ОСВЕЩЕНИЕ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. Статья посвящена военной журналистике. Автор поднимает проблему соблюдения этических норм при описании военных конфликтов в СМИ; характеризует популярные жанры этого направления (репортаж и интервью), акцентируя внимание на допустимых в них способах воздействия, этических нормах, которых должен придерживаться военный журналист.

Ключевые слова: вооружённый конфликт, военная журналистика, военный корреспондент, морально-этические нормы, интервью, репортаж.

Освещение военных конфликтов – неотъемлемая часть журналистского дискурса. Профессионалы часто сталкиваются с вопросом: что и как нужно

показывать и рассказывать, говоря о вооружённом конфликте – фактическую войну или мир как возможность? Предметом профессионального дискурса внутри журналистики является вопрос об ограничении содержания медиа-коммуникации, связанного с насилием. При работе в горячих точках журналист должен соблюдать определённые морально-этические нормы. Совершенно очевидно, что этика непосредственно влияет на содержание материалов, в той или иной степени определяет авторскую позицию, которая скрыто или явно выражена в очерке, репортаже или корреспонденции с места событий.

Для журналистского дискурса современного вооружённого конфликта характерны некоторые наиболее значимые функции этических нормативов [Амиров 2013]:

1. Этические нормы устанавливают некий коммуникативный регламент для того, кто освещает военный конфликт. Например, журналист не должен делать постановочный фоторепортаж, платить героям интервью или же не должен использовать в своих материалах информацию, которая способствует разжиганию расовой, национальной или религиозной ненависти.
2. Этические нормативы не распространяются на журналистов-стрингеров, которые изначально готовят материалы как коммерческий продукт, поскольку информация не претендует на объективность.
3. Несмотря на высокую конкуренцию между военными корреспондентами за получение первыми достоверной информации, этические нормы требуют оказывать посильную помощь коллегам.
4. Этические нормативы призывают к ограничению показа жестокости и насилия, несмотря на невозможность военного конфликта без данных действий.

Существует несколько направлений создания этического поля военной журналистики. Одним из главных является разработка соответствующей документальной базы. Этические кодексы не подкреплены юридически, поэтому документы относятся к числу корпоративных, т. е. они не обязательны для исполнения де-юре, но остаются признаваемыми де-факто большинством профессиональных журналистских объединений.

Развитие журналистики привело к необходимости выработки профессиональных принципов и стандартов работы представителей СМИ в зонах боевых действий. Эти принципы и стандарты базируются на общих профессиональных правилах работы СМИ, принятых рядом общественных форумов.

Общие правила написаны, например, в одном из первых кодексов журналистов – Декларации принципов поведения журналиста, которая была принята на Втором Всемирном Конгрессе Международной Федерации журналистов (МФЖ) в Бордо 25–28 апреля 1954 года, а позже в 1986 г. изменена на XVIII Всемирном Конгрессе МФЖ в Хельсинки. В документе чётко обозначены стандарты профессионального поведения журналиста в работе, а также прямо говорится об объективности: «Уважение правды и права общества знать правду – первоочередной долг журналиста».

В России действуют два этических кодекса на базе международных: Кодекс профессиональной этики журналиста, принятый 24 апреля 1991 года первым съездом Союза журналистов СССР и Кодекс профессиональной этики российского журналиста, одобренный конгрессом журналистов России 23 июня 1994 года. Последний, в частности, определяет, что «профессиональная деятельность журналиста прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие».

Важные аспекты этики в работе военных журналистов обозначены в принятой Государственной Думой в 2005 г. Хартии телерадиовещателей «Против жестокости и насилия». Особенностью этого документа является строгое регламентирование показа жестокости: «Электронные средства массовой информации, исполняя требования действующего законодательства, особо обращают внимание на недопустимость использования средств массовой информации для осуществления экстремистской деятельности, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости» [Хартия телерадиовещателей: http].

Таким образом, корреспондент порой приходит к сложному выбору: показать и рассказать всю правду без прикрас либо скрыть то насилие, которое происходит на месте событий. Но и в том, и в другом случае журналист должен оставаться профессионалом и предоставлять материал с минимальным количеством эмоций, быть объективным и нейтральным.

Журналист, по совместительству бывший генеральный директор и президент телекомпании НТВ, Игорь Малашенко вспоминал о трудностях, с которыми сталкивались журналисты, освещавшие штурм Грозного во время Первой чеченской войны (1994–1995 гг.): «Какой уровень насилия показывать на телеэкране? Как показывать жертвы конфликта? Трупы как показывать? С одной стороны, этого нельзя не демонстрировать, особенно когда это превращается в чудовищную проблему, когда тела жертв лежат на улицах Грозного неделями, с другой стороны, мы прекрасно понимаем, что это ведёт к некоторому одеревенению нашей аудитории, когда публика становится настолько бесчувственной, что каждую новую долю насилия она воспринимает всё спокойнее» [Освещение конфликта в Чечне: http].

Военные корреспонденты для полной передачи картины в своей работе используют чаще всего репортаж и интервью, чтобы зритель или читатель сам смог увидеть и услышать происходящее, ознакомиться с непосредственными свидетелями боевых действий.

Репортаж – рассказ об актуальном событии с непосредственным наблюдением журналиста за происходящим, отличается документальностью, актуальностью, оперативностью, наглядностью и достоверностью, цель которого – создание «эффекта присутствия». Чаще всего репортаж используется на телевидении, однако и в прессе он присутствует. В печатных изданиях репортаж сопровождается фотографиями, чтобы наглядно представить ситуацию. В газете наблюдается интенсивное сближение книжного и разговорного стилей речи. Часто используется грубоватость подачи материала, чтобы читатель полностью прочувствовал беспощадный и жестокий

мир войны. Специальная терминология – ещё один отличительный знак военного репортажа. На одну страницу материала приходится от 13 до 15 терминов.

Ярким примером военного репортажа служат материалы военкора Александра Сладкова. Один из его репортажей под названием «Собачий вальс» 1996 года показывает события одного из самых кровавых террористических актов в современной российской истории. Снятые кадры рассказывают о нападении чеченского командира Радуева вместе с отрядом на город Кизляр, где боевики взяли в плен сотни людей, в основном женщин и детей [Магадова 2024: http]. Репортаж соткан из кадров с техникой, боевыми действиями, мирными жителями, а также комментариями самого корреспондента. Резкая смена картинки, показывающая происходящее без особой цензуры, позволяет зрителю проникнуться ситуацией и сопереживать всем, кто пострадал в этот момент [Сладков: http].

Интервью – межличностное вербальное общение, служащее для получения новых знаний о том или ином событии. Основными лицами, с которыми ведётся диалог, могут выступать политические деятели, командиры взводов, солдаты или свидетели происходящего.

Главными особенностями военного интервью являются:

– интервьюируемый – государственное лицо;

– чёткая мотивированность беседы;

– военно-политический характер беседы;

– явления действительности, важные факты военно-политической жизни доводятся до читателя через призму взглядов компетентного лица, а не самим журналистом [Кучинская 2013].

Основные три функции военного интервью: информационная, коммуникативная и воздействующая – играют особую роль. Информационная позволяет читателю узнать необходимые вещи из уст человека, мнение которого важно для аудитории. Коммуникативная выполняет функцию непосредственной и эффективной передачи фактуального содержания и смысловой информации. Воздействующая функция будет тем сильнее, чем ярче личность интервьюируемого. В совокупности эти три функции должны убедить и, возможно, вызвать какие-то эмоции у читателя.

Возможности каждого из распространённых жанров военной журналистики позволяют корреспондентам остаться в этическом нормативном поле, воздействовать на аудиторию «правильными» инструментами.

Главная задача военного журналиста – дать правду, показать жесткость и грубость военного конфликта без насилия, объективно, быть нейтральным по отношению к сторонам конфликта, не разжигать ненависть. Также необходимо показывать действия с разных сторон, включая беседы как с очевидцами, так и с экспертами, чтобы зритель смог сам полноценно выстроить картину и прийти к выводу.

Литература

Амиров, В.М. Этика журналиста в дискурсе современного вооруженного конфликта // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 2 (113). С. 6-11.

Кучинская, Е.А. Жанр интервью в текстах военной периодики // Вестник ВятГУ. 2013. № 2. С. 1-5.

Магадова, У. Трагедия в Кизляре: прошло 28 лет со дня нападения боевиков Салмана Радуева [Электронный ресурс] // РИА Дагестан. URL: https://riadagestan.ru/news/security/tragediya_v_kizlyare_proshlo_28_let_so_dnya_napadeniya_boevikov_salmana_radueva/ (дата обращения: 25.02.2024)

Освещение конфликта в Чечне как проявление информационной войны в Российских СМИ [Электронный ресурс]. URL: https://trip-trial.blogspot.com/2014/03/info-war.html?m=1 (дата обращения: 25.02.2024).

Сладков, А.В. Собачий вальс [Электронный ресурс] // Война в Чечне. URL: https://www.warchechnya.ru/load/dokumentalnoe_video_o_vojne_v_chechne/sobachij_vals_film_a_sladkova/9-1-0-626 (дата обращения: 25.02.2024).

Хартия телерадиовещателей «Против жестокости и насилия» [Электронный ресурс] // Сайт общественной коллегии по жалобам на прессу. URL: https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/636-khartiya-teleradioveshchatelej-protiv-zhestokosti-i-nasiliya (дата обращения: 15.02.2024).

А. А.Федина, магистрантка
Науч. рук.: Е. Н. Деревскова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ В ДЕТСКИХ СМИ

Аннотация. Автор рассматривает понятие «речевое воздействие» и функционирование лексических средств речевого воздействия на читателей детских изданий. Внимание акцентируется на заголовочном комплексе, включающем лексему *классный*, а также на тех парадигматических и синтагматических связях, которые возникают в текстах и вербализуют оценку определённых понятий.

Ключевые слова: речевое воздействие, детские СМИ, лексические средства воздействия, надтекстовое слово, внутритекстовое слово.

В эру цифровой трансформации всё больше родителей и детей обращаются к интерактивным журналам для детей в поисках информационного и развлекательного контента. Эти интерактивные издания предоставляют уникальные возможности для развлечения, обучения и развития маленьких читателей. Однако, несмотря на свою популярность, интерактивные детские журналы имеют свои особенности в контенте и формате, о которых важно знать родителям, чтобы сделать правильный выбор текстов для чтения.

В настоящее время журналистский текст всё более активно использует методы и приёмы речевого воздействия для актуализации, продвижения и формирования определённого комплекса идей, то есть идеологическая функция осуществляется, в том числе, с помощью лингвистического компонента.

Детские СМИ не являются исключением. Речевые манипуляции существуют на разных уровнях: морфологическом, синтаксическом, фонетическом, лексическом.

В настоящей статье рассматривается проблема речевого воздействия на читателя с помощью лексического уровня языковой системы. В качестве лингвистического материала выбраны статьи популярного интернет-издания «Классный журнал».

Речевое воздействие как исследовательское направление, затрагивающее широкий комплекс проблем, не теряет актуальности с начала 1970-х годов. Изучению различных аспектов речевого воздействия посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных специалистов в области коммуникативной лингвистики. Следует отметить, что в большинстве работ, посвящённых речевому воздействию на читателя, авторы обращают внимание на сложность и многоаспектность феномена влияния, что, к сожалению, не даёт прийти к однозначным выводам по поводу трактовки базовых терминов.

В современном языкознании под речевым воздействием часто понимают науку об эффективном общении. Так, например, И. А. Стернин рассматривает общение как составной компонент речевого воздействия [Стернин 2012], в то время как О. С. Иссерс [Иссерс 2002] и Е. Ф. Тарасов определяют речевое воздействие в широком смысле слова как «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиции одного из коммуникантов» [Тарасов 1986: 35]. Таким образом, Е. Ф. Тарасов рассматривает любую форму общения как речевое воздействие, в то время как И. А. Стернин полагает, что общение входит в структуру речевого воздействия наряду с социально-коммуникативной ролью, коммуникативными барьерами, коммуникативной позицией и так далее [Стернин 2013]. О. С. Иссерс определяет речевое воздействие как общение лишь в «большинстве случаев», хотя в своем учебном пособии ссылается на утверждение Р. Блакар о том, что «выразиться нейтрально невозможно. Всякое использование языка предполагает воздействующий эффект» [Иссерс 2002: 106]. Рассмотрим основные понятия, относящиеся к теме исследования.

О. С. Иссерс определяет воздействие как влияние на человека, которое достигается за счёт речевых и визуальных средств с целью убедить собеседника принять определённую точку зрения, решение о каком-либо действии или поступке и т. д. [Иссерс 2002: 108]. Под манипуляцией принято понимать воздействие на человека с целью убедить его в правоте высказываемой говорящим точки зрения [Там же: 110]. Предложенные дефиниции делают очевидным факт существующей взаимосвязи понятий. При их сравнении напрашивается вывод о том, что манипуляция – более узкое понятие, нежели воздействие. Таким образом, манипуляцию можно рассматривать как одну из разновидностей воздействия. Манипуляции – это один из наиболее часто встречающихся типов представления информации в СМИ. Ряд исследователей выделяют «манипулятивный характер представляемой информации» как одно из девиантных проявлений средств массовой информации в современном обществе. При этом нельзя воспринимать манипуляцию только в негативном

ключе. Так, к ряду тем и проблем можно привлечь внимание читателей только за счёт грамотной манипуляции. Особенно это заметно на примере текстов, затрагивающих важные для общества социальные темы: образование и здравоохранение. Можно сделать вывод о том, что манипуляция и воздействие – взаимосвязанные понятия. Однако воздействие обладает более широким значением, так как представляет собой разные виды воздействия, включая манипуляцию.

Можно выделить несколько видов воздействия, применяемых чаще всего в текстах средств массовой информации:

– информационный метод;
– эмоциональный метод;
– патриотический метод;
– метод пробуждения страха;
– метод создания достижений, ситуации успеха;
– юмористический метод.

Каждый из этих методов формируется на базе уровней языковой системы: лексического, морфологического, синтаксического.

Медиасфера оказывает кардинальное влияние на динамику социально-политических и экономических процессов в странах и регионах. Рост интеллектуального потенциала и проникновение информационных технологий во все сферы человеческой деятельности принципиально меняют роль изданий, призванных выполнять миссию просвещения и воспитания детей. Детская журналистика становится инструментом социальной адаптации подрастающего поколения и долгосрочной инвестицией в будущее. Концепция «Классного журнала» выстроена вокруг слова *классный*. Эта лексема входит как в название самого интернет-издания – «Классный журнал», – так и в название рубрик: «Классно быть здоровым!», «Классный папа», «Классное кино».

И. Г. Проскурякова в работе «Слово в учебном тексте» выделяет в лексической структуре текста две позиции слова: внутритекстовую (слово в тексте) и надтекстовую (слово в заглавии текста) [Проскурякова 1994: 45]. Внутритекстовое слово рассматривается как носитель «элементов информации», как «участник» создания общего смысла высказывания. Здесь слово выполняет информативную, структурную и текстообразующую функции. Надтекстовое же слово представляет собой программу всего текста и ключ к её пониманию. Поэтому для надтекстового слова определён статус *ключевого*. При анализе надтекстового слова как ключевого представляется актуальным понимание термина, которое разрабатывается в психолингвистических экспериментальных исследованиях. В основу таких экспериментов положена соотнесённость речевых произведений не только с языковой системой, но и с окружающей действительностью, с миром человека. В психолингвистике ключевым словам отводится особая роль в восприятии текста. Они активизируют области лексикона, создавая предпосылку для понимания содержания [Караулов, 1993: 210]. Ключевое слово при таком рассмотрении сближается со словом-стимулом, которое вызывает в сознании носителей языка те или иные словесные реакции. Ключевым словам присущ ряд категориальных

признаков. Одним из основных их признаков является способность знака конденсировать, свёртывать информацию, выраженную целым текстом. Иначе говоря, функциональным качеством ключевого слова является «внутритекстовое развертывание его содержательных характеристик» [Степанова 2006: 267].

Первое, о чём следует помнить, приступая к анализу заглавия, – перед читателем журнал для школьников. Согласно «Большому толковому словарю» [БТС: http], лексема *классный* имеет отсылочный тип значения: «*Прил. к* класс», что актуализировано и в иллюстративной зоне: «*Классный руководитель. Классное сочинение. Классное собрание»*. Толковый словарь С. И. Ожегова [Ожегов: http], даёт ещё одно значение лексеме *классный – «*2. Принадлежащий к высшему классу, высокого качества (*разг.*)" [Словарь Ожегова: http]. Оценочный компонент представлен и в значении «принадлежащий к высшему классу, разряду по квалификации, по мастерству в чем-л», которое обнаруживаем в «Словаре русского языка» [МАС: http]. При функционировании в тексте такого лексико-семантического варианта слово приобретает оценочный компонент. Здесь название подталкивает читателя на мысль об исключительности данного журнала и его содержания. Кроме того, наличие прилагательного *классный* в контексте названия статей журнала может указывать не на сам продукт, а на вид деятельности или выделение каких-либо качеств индивида. Отсюда заголовки статей: «Быть ботаником – *классно*»; «Творческая лаборатория: как сделать *классное* фото?»; «*Классное* детство» на радио «МедиаМетрикс»; «*Классно* быть хорошим!»; «*Классная* Россия!»; «*Классный* Интернет для будущих писателей»; «*Классные* журналы для *классных* детей».

Важно рассмотреть функционирование внутритекстовых связей, которые возникают благодаря слову-стимулу, представленному в заголовочном комплексе. Обратимся к анализу текстов статей «Классного журнала», в которых также можно увидеть лексические приёмы речевого воздействия на читателя. Так, в статье «Быть ботаником – *классно*» [Быть ботаником – классно 2019: http] в заголовке наречие *классно* используется как одобрение и указывает на позитивное отношение автора статьи к деятельности, о которой будет рассказано. В статье приводится интервью, взятое у профессионального ботаника Ксении Дудовой. Исходя из общего контекстуального анализа текста публикации, можно сделать вывод о том, что слово *классно*, как производное от прилагательного *классный*, употребляется с целью выделить и обозначить положительное отношение автора статьи к научной и исследовательской деятельности. Подобная констатация подводит читателя к мысли о том, что занятия научной деятельностью – это интересно и престижно, что может стать важным этапом на пути профессиональной ориентации ребенка.

Ещё одним примером использования лингвистического воздействия может служить название целой рубрики в «Классном журнале» – «*Классная* Россия!». На официальном сайте издания указана следующая информация о данной рубрике: «Патриотический проект, популяризирующий славную и историю, энергичное настоящее и великое будущее нашей страны» [Классная

Россия! 2020: http]. Как мы видим, авторы статей используют яркие оценочные признаковые лексемы для воздействия на детское сознание с целью сформировать правильные ориентиры. Само название рубрики указывает на позитивное отношение к своей стране, выступая катализатором развития чувства патриотизма и гордости за свою страну. Обращаясь к этой рубрике, дети могут узнать интересные факты о своей стране, её культуре и истории. В данном контексте прилагательное *классный* используется для создания правильного настроения ребенка, который понимает, что сейчас он узнает факты, которые подтвердят, что «Россия – *классная* страна», т. е. страна «принадлежащая к высшему классу» [МАС: http].

Помимо положительной оценки видов деятельности и патриотических настроений, прилагательное *классный* может быть использовано с целью выделения нормативного и признанного общественного поведения. В качестве примера можно привести рубрику журнала «*Классно* быть хорошим!», которая публиковалась в период проведения редакцией журнала одноименного конкурса. Согласно условиям конкурса, дети должны были совершать добрые дела и поступки и отправлять фото и рассказы об этом в редакцию. В данном контексте можно говорить о наличии в прилагательном *классный* оценочного компонента. Детям наглядно показывают, что, совершая хорошие и правильные поступки, ты становишься *классным* и социально одобряемым.

Таким образом, исследование лексического воздействия на читателя в детских СМИ на примере электронного издания «Классный журнал» позволяют говорить о присутствии оценочного компонента в лексеме *классный* – ‘отличный, высшего качества’, а внутритекстовые связи определяют правильные ориентиры при формировании детского сознания.

Литература:

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Bolsho-26464.html (дата обращения 12.03.2024).

Быть ботаником – классно [Электронный ресурс] URL: https://www.classmag.ru/news/20101311 (дата обращения: 21.03.2024).

Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2002. 284 с.

Караулов, Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: «Русский язык», 1993. – 330 с.

Классная Россия! [Электронный ресурс] URL: https://www.classmag.ru/news/20099449 (дата обращения: 21.03.2024).

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-изд., испр. и доп. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ozhegov.org/ (дата обращения 21.03.2024).

Проскурякова, И.Г. Слово в учебном тексте. СПб: СПбГИ, 1994. 89 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm (дата обращения 21.03.2024).

Степанова, В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. – СПб.: Наука, САГА, 2006 – 272 с.

Стернин, И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.

Творческая лаборатория: как сделать классное фото? [Электронный ресурс] URL: https://www.classmag.ru/news/20099192 (дата обращения: 21.03.2024).

Тарасов, Е.Ф. Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. М., 1986. 247 с.

Д. В. Фокина, магистрантка
Науч. рук.: А. В. Подгорская, канд. филол. наук
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ И КОМПОЗИЦИОННЫХ-ГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА

Аннотация: Работа посвящена изучению особенностей детских православных журналов. Поскольку детская православная журналистика – малоизученное явление, автор на примере нескольких наиболее ярких журналов анализирует особенности, которыми характеризуются православные СМИ для детей и выявляет их отличия от светских. Исследование свидетельствует о потребности изучения процесса социализации подрастающего поколения с использованием детских православных СМИ как инструмента духовно-нравственного развития и воспитания.

Ключевые слова: православные детские журналы, детские СМИ, православная журналистика, религиозное воспитание.

Многообразие современной детских православных СМИ позволяет оценить их достоинства и недостатки с педагогической точки зрения. По форме взаимодействия с читателем православные журналы мало чем отличаются от светских. Игровая подача материала, обилие ярких и красочных иллюстраций, развивающие задания присутствуют в любом детском издании. Как отмечают М. Ф. Желновакова и П. М. Евтеев, религиозная журналистика является одним из важнейших направлений развития медиасистемы, и значимость её роли не подвергается сомнению. Это направление ставит перед обществом важные задачи, затрагивающие духовную сферу деятельности человека, заостряя внимание на основных аспектах веры и формируя нравственные установки личности.

На примере популярного журнала «Православная Радуга», имеющего обширный читательский круг и тираж, отметим характерные черты, отличающие православный журнал от светского. Журнал предназначен для среднего и младшего школьного возраста и входит в категорию «Для семейного чтения». «Детский журнал “Православная Радуга” издается в г. Самаре силами нескольких православных семей с 2002 г. «Главная цель нашего журнала – помочь родителям и учителям в воспитании наших детей. С 2002 г. по настоящее время детский журнал “Православная Радуга” входит во все Российские подписные каталоги», – указывают авторы на сайте журнала. Наполнение журнала формируется из игровой и образовательной части. В него входят следующие рубрики: «Православные праздники», «Родной истории страницы», «Русские подвижники и святые», «Живое слово», «Наша почта»,

«Рисуем вместе с Радугой», «Наша мастерская» и «Игротека». В игровой рубрике можно найти шарады, кроссворды, загадки, раскраски, шаблоны для поделок, а в познавательной — биографии великих писателей, художников, учёных. В журнале присутствуют и рубрики для творчества. В одном из номеров рубрика «Наша мастерская» пошагово рассказывает, как изготовить из пластилина герб «Защитникам Отечества» (в других номерах читателям предлагается смастерить ёлочную игрушку в виде Рождественской звезды, бумажную шкатулку в виде пасхального яйца и т. д.). На основании анализа наполнения журнала можно сделать вывод, что светских разделов или рубрик, не имеющих отношения к православию, ни в одном номере нет.

Рассмотрим детский православный журнал Томской митрополии «Весточка». Журнал издается в Колпашевской епархии, и, как указано в его описании от авторов, «адресован детям 6-12 лет. Он рассказывает своим читателям об основах Православной веры, о жизни в Церкви – жизни, насыщенной яркими событиями, радостью, единством во Христе». Это издание будет интересно не только детям, но и родителям, учителям воскресных школ и преподавателям основ Православной культуры. «Весточка» имеет те же характерные черты, что и журнал «Православная Радуга». Обращают на себя внимание названия рубрик и материалов в журнале. Просветительские (историко-религиозные) и развлекательные рубрики ни на шаг не отходят от центральной тематики: поделки, раскраски, рецепты так или иначе привязаны к православию и учитывают интересы детской целевой аудитории, посещающей воскресную школу. Поскольку журнал епархиальный, в нём также присутствуют новости, связанные непосредственно с деятельностью детско-юношеских объединений (православные юношеские организации на базе духовно-просветительского центра, детские прицерковные кружки и т. д.). По яркому оформлению и интересной подаче «Весточка» почти не уступает «Православной Радуге» и продолжает диалог с читателем о духовных ценностях, к которым относятся вера, семья, дом, историко-культурное наследие и гуманизм.

Если предыдущие два журнала ориентированы на младший и средний школьный возраст, то белорусский журнал «Малышок» адресован воспитанникам детских садов в возрасте 4–7 лет, а также ученикам младших классов и их родителям. «Малышок» является приложением к детскому журналу «Колыбель». В журнале печатаются рассказы о двунадесятых праздниках, жития святых подвижников, добрые сказки о человеческих ценностях, которые рассказывают, почему нужно расти послушными и не обижать слабых, быть добрыми и помогать нуждающимся. Как указано авторами в описании журнала, «это критерии успешного воспитания ребёнка, которому важно с детства привить христианское мироощущение, вложить в его сердце семена веры так, чтобы они принесли добрый плод». Духовные рассказы, стихи, загадки, игры и «мастерилки» занимают больше страниц, чем образовательное наполнение в журналах для возраста 6–12 лет, иллюстраций больше. Самый популярный жанр в этом журнале – сказки.

Таким образом, проанализировав несколько православных журналов, ориентированных на детей, мы можем выделить характерные черты, присущие такого рода периодике, и обозначить черты, отличающие православный детский журнал от светского:

1. Характер иллюстраций, несмотря на ориентированность как на старший, так и на младший детский возраст, носит религиозный характер. Изображены иконы, святые, образы из евангельских притч.
2. Нередко присутствует оформленный для детей яркими иллюстрациями церковный календарь, в котором отмечены дни Поста, двунадесятые праздники (двенадцать главных праздников православия), сплошные седмицы, Великие праздники.
3. Историческая рубрика рассказывает о биографиях исторических личностей, имеющих отношение к православию или находящихся в статусе почитаемых святых.
4. Игровые рубрики в журнале, несмотря на нейтральность, используют в заданиях небольшие религиозные отсылки. Например, героями ребусов и головоломок являются ангелы, а на иллюстрациях, на которых нужно найти несколько отличий, изображён храм.
5. Центральными ценностями в каждом журнале являются любовь, дружба, гуманизм и помощь ближнему.

Мы рассмотрели несколько православных детских журналов, которые предлагают контент, ориентированный на аудитории разных возрастов. В каждом журнале выявлены тематические особенности, через призму которых детям преподносятся притчи, рассказы, повести и другие жанры (в случае детей помладше – сказки). Иллюстративное оформление каждого журнала также заслуживает отдельного внимания.

Поскольку феномен православных детских СМИ является относительно новым и малоизученным явлением, он представляет собой глобальную почву для изучения и практического применения полученных выводов не только для издателей детских журналов, но и для педагогов и родителей, занимающихся духовным воспитанием детей.

Литература

Бльох, Е.А. О возрастающей роли медиаобразования при работе с детскими СМИ [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-vozrastayuschey-roli-mediaobrazovaniya-pri-rabote-s-detskimi-smi (дата обращения: 27.01.2024).

Желновакова, М.Ф., Евтеев, П.М. Формирование системы религиозной прессы в России 1900-1920 гг. [Электронный ресурс]. URL: http: // www. vestnik. vsu. ru/pdf/phylolog/2022/03/2022-03-21.pdf (дата обращения: 26.01.2024).

Михайлик, Е.В. Духовность в условиях православного воспитания [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnost-v-usloviyah-pravoslavnogo-vospitaniya (дата обращения: 26.01.2024).

Ратникова, К.В. Преемственность идеалов религиозно-нравственного воспитания в русской журналистике рубежа XVIII-XIX веков (по материалам публицистических работ Н. И. Новикова, А. А. Прокоповича-Антонского и Н. М. Карамзина)» [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-idealov-religiozno-nravstvennogo-vospitaniya-v-russkoy-zhurnalistike-rubezha-xviii-xix-vekov-po-materialam (дата обращения: 27.01.2024).

РАЗДЕЛ III
ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАКОНТЕНТА И ИХ КОНЦЕПЦИИ

А. В. Безденежных, студентка
Науч. рук.: О. Е.Чернова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ TELEGRAM-КАНАЛА, ПОСВЯЩЁННОГО МУЗЫКАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Аннотация. Актуальность работы обусловлена бурным развитием в медиапространстве Telegram-каналов, которые позволяют журналисту напрямую взаимодействовать с аудиторией, а читателям быстро и в доступной форме получать необходимую информацию. В работе описываются концептуальные особенности развития Telegram-канала, посвящённого музыкальной критике.

Ключевые слова: Telegram, новые медиа, интернет-СМИ, музыка, продвижение, концепция.

Сегодня Telegram является одной из самых популярных мессенджерских платформ в мире. Всё больше пользователей присоединяются к Telegram, чтобы получать уникальный контент и информацию в удобной форме. Так как Telegram-каналы сегодня широко распространены и являются источником информации для многих людей, их можно считать полноправным элементом массовой коммуникации. Не имея статуса средств массовой информации, Telegram-каналы обеспечивают быстрое распространение контента, прямое взаимодействие между журналистами и их аудиторией, обеспечивая уровень анонимности для обеих сторон.

Согласно данным Mediascope, большинству пользователей Telegram интересен новостной и политический контент. Второе место занимает «другое» (публичные каналы различных организаций: например, Telegram-каналы магазина «Пятёрочка» или портала «Госуслуги»), а на третьем – развлекательный контент и блоги [Аудитория Телеграм…: http]. Стоит отметить, что в последний сегмент включены также Telegram-каналы, посвящённые музыкальной индустрии и исполнителям.

Популярность Telegram-каналов в сфере музыкальной журналистики можно объяснить несколькими ключевыми факторами, начиная от удобного интерфейса приложения и высокого уровня конфиденциальности и заканчивая уникальным способом, которым мессенджер облегчает прямую коммуникацию между музыкальными журналистами и их аудиторией. Эти элементы объединяются, чтобы создать динамичную платформу, которая поддерживает широкий спектр проектов, связанных с музыкой – от жанровых каналов до

дискуссий, посвящённых исполнителям, обеспечивая универсальное пространство для обмена новостями, идеями и дискуссиями о музыкальной индустрии. Одной из основных причин растущей привлекательности Telegram-каналов как среди любителей музыки, так и среди журналистов является приверженность платформы конфиденциальности и безопасности [Страшнов 2023: http].

Поскольку Telegram-каналы по своей природе являются более непосредственными и личными, чем традиционные СМИ, скорость распространения информации в медиапространстве облегчает обсуждение музыкальных событий, релизов и противоречий в режиме реального времени, делая музыкальную журналистику более отзывчивой и динамичной. Кроме того, глобальный охват платформы разрушает географические барьеры, позволяя вести более широкий разговор о музыке, выходящий за рамки местных сцен и вкусов. Теоретические последствия этого сдвига глубоки.

Во-первых, авторитет музыкального журналиста может ставиться под сомнение или поддерживается. С одной стороны, барьер для входа в Telegram ниже, что позволяет любому, кто увлечён музыкой, делиться своими идеями и новостями, тем самым ослабляя традиционную роль музыкального журналиста-гейткипера [Потапов 2023: http]. С другой стороны, признанные журналисты могут использовать платформу для установления более личных связей со своей аудиторией, повышая свой авторитет и влияние.

Во-вторых, Telegram трансформирует концепцию распространения информации. Каналы в данном приложении можно создавать и поддерживать с минимальными затратами, что позволяет услышать более широкий спектр мнений. Это контрастирует с высокими затратами, связанными с печатными изданиями и вещанием, которые часто ограничивают доступ к тем, кто обладает значительными ресурсами. Результатом является более плюралистический ландшафт музыкальной журналистики, где нишевые жанры и начинающие исполнители могут стать популярнее.

В-третьих, взаимодействие в Telegram более интерактивно и ориентировано на сообщество, чем в традиционных СМИ [Познин 2023: http]. Каналы могут способствовать развитию чувства сопричастности у своих подписчиков, которые являются не просто пассивными получателями информации, но и активными участниками дискуссий. Этот аспект сообщества может углубить взаимодействие с музыкальной журналистикой, сделав его более захватывающим. Например, каналы, посвящённые определённым музыкальным жанрам, стали ключевыми для обмена новостями, обзорами и интервью, часто удовлетворяя вкусы и интересы, которые недостаточно представлены в основных средствах массовой информации. Более того, некоторые каналы успешно используют свою платформу для организации мероприятий, краудфандинговых кампаний и других инициатив, что ещё больше стирает границы между журналистикой, сообществом и активизмом [Павлов 2023: http].

Стоит отметить, что для успешного ведения Telegram-канала требуется комплексный план запуска и управления контентом. Подобная стратегическая

дорожная карта разделена на семь ключевых этапов, каждый из которых имеет конкретные задачи, бюджетные ассигнования в российских рублях и определённые источники финансирования. Рассмотрим каждый из этапов на примере создания музыкального Telegram-канала «MOOD MUSIC».

На первом этапе «Запуск канала» основное внимание уделяется созданию фундамента канала. В задачи этапа входит создание самого Telegram-канала, разработка необходимых визуальных элементов, таких как логотипы и баннеры, а также генерация исходного контента в виде плейлистов и графики. Бюджетные ассигнования на этом этапе тщательно распределяются: 5 000 рублей из личных средств направляются на создание канала, 10 000 рублей – на услуги графического дизайна и 15 000 рублей – на создание контента, возможно, полученного от фрилансеров – создателей контента.

При переходе ко второму этапу «Создание контента» акцент смещается на постоянную разработку контента. Еженедельное курирование плейлистов, создание визуально привлекательных материалов и сотрудничество с артистами для создания эксклюзивного контента – основные задачи этапа. Ежемесячные бюджетные ассигнования в размере 5 000 рублей на курирование плейлистов и графический дизайн, а также еще 5 000 рублей на сотрудничество с художниками отражают стремление к постоянному потоку интересного контента.

Третий этап «Маркетинг» связан с продвижением канала. Этап включает в себя проведение рекламных кампаний в социальных сетях, партнёрство с влиятельными лицами для продвижения, а также организацию розыгрышей подарков и конкурсов для увеличения охватов. Ежемесячные бюджеты в 5 000 рублей на рекламу в социальных сетях, 5 000 рублей на сотрудничество с инфлюенсерами и дополнительные 5 000 рублей на продвижение говорят о многогранном маркетинговом подходе. Источники финансирования включают в себя выделенные рекламные бюджеты, гонорары за сотрудничество с влиятельными лицами, а также призы/материалы для рекламных акций.

На четвёртом этапе «Строительство сообщества» предполагается активное взаимодействие с абонентами. В задачи этапа входит участие в опросах, дискуссиях и отзывах, а также организация виртуальных мероприятий или прямых трансляций. Ежемесячный бюджет в размере 2 500 рублей на инструменты или персонал для управления сообществом и ещё 2 500 рублей на виртуальные мероприятия демонстрируют приверженность развитию активного и интерактивного сообщества.

Пятый этап «Техническое усовершенствование» предполагает улучшение функциональности канала: внедрение ботов, автоматизированных плейлистов, а также формирование аналитики для отслеживания эффективности и понимания целевой аудитории. Предполагаются ежемесячные бюджеты в 5 000 рублей на техническое развитие или найм разработчика и 2 500 рублей для подписки на аналитику подчёркивают приверженность канала к технологическим достижениям.

На шестом этапе «Стратегии монетизации» исследуются пути получения доходов. В задачи входит анализ партнёрских отношений между брендами,

запуск услуг платной подписки на эксклюзивный контент и интеграция партнёрского маркетинга для музыкальных продуктов. Предполагаются переменные бюджеты спонсорских соглашений, абонентская плата пользователей и партнёрские комиссии, указывающие на гибкий подход к монетизации. Источники финансирования включают спонсорские соглашения, абонентскую плату пользователей и комиссионные от партнёрского маркетинга.

Заключительный этап «Оценка и оптимизация» требует фокусирования на эффективности ведения публичного канала. Важнейшими его задачами являются регулярный анализ показателей канала, оптимизация контент-стратегий на основе данных и отзывов, а также постоянное совершенствование маркетинговых стратегий. Ежемесячный бюджет этого этапа – 2 500 рублей на инструменты аналитики и опросы, подчёркивающие приверженность канала принятию решений на основе данных. Источники финансирования включают средства, выделенные на инструменты аналитики и внедрение механизмов опросов.

Стоит отметить, что финансирование проекта осуществляется за счёт средств редакционной команды, а также за счёт договорных отношений (бартер, оказание рекламных услуг) с различными музыкальными организациями и исполнителями.

Таким образом, план направлен на разработку стратегии продвижения Telegram-канала с упором на привлечение новых подписчиков и талантливых музыкальных исполнителей. А благодаря эффективному соблюдению всех этапов плана достигается основная цель канала «MOOD MUSIC» – создание музыкального сообщества, объединённого общей страстью к музыке и поддержкой новых талантов. Ведь уже сейчас музыкальная критика имеет большое значение в мире музыки, а развитие цифровых платформ и социальных сетей создаёт дополнительные возможности для распространения и обсуждения музыкальных материалов.

Литература

Аудитория Telegram в четвёртом квартале 2023: исследование Mediascope. [Электронный ресурс] // mediascope.net. 06.02.2024. URL: https://mediascope.net/news/1776850/ (дата обращения: 10.02.2024).

Павлов, Д.Н., Голованов, А.Н., Тыркалова, В.В. Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях // Litera. 2023. № 8. С. 97.

Познин, В.Ф. Техника и технология СМИ. Радио- и тележурналистика: учебник и практикум для вузов [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/512103 (дата обращения: 01.02.2024).

Потапов, Ю.А. Современная пресс-служба: учебник для вузов [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/516818 (дата обращения: 01.02.2024).

Страшнов, С.Л. Система СМИ: просветительство и журналистика: учебное пособие для вузов [Электронный ресурс]. URL: https://urait.ru/bcode/518744 (дата обращения: 01.02.2024).

Д. В. Бирюкова, студентка
Науч. рук.: А. М. Максимова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Аннотация. В настоящей работе автор предпринимает попытку оперативного анализа женской прессы, которая издаётся на территории России, с целью оценки её основных типологических особенностей, а также определения её положения в существующей системе СМИ.

Ключевые слова: СМИ, журналистика, женский журнал, женская пресса.

Исторически женская периодика характеризуется содержательной спецификой, особой формой подачи материала и оригинальным дизайном. Основной целью женской публицистики является развитие и становление женщины как всесторонне развитой личности. Отсюда вытекают задачи таких изданий: обсуждение проблемных вопросов, отражение и формирование образа современной российской женщины, сообщение новостей, касающихся женщин и женских организаций.

Сегодня женские периодические издания стараются поднимать социально значимые темы: материнство, феминизм, роль женщины в семейных и общественных отношениях. Наряду с этим сохраняются типичные для такого рода СМИ темы: велика доля публикаций, посвящённых моде, уходу за собой, взаимоотношениям мужчин и женщин.

Н. С. Писаревская полагает, что, выбирая темы для своих материалов, женские издания в первую очередь руководствуются тремя видами ценностей: витальными, онтологическими (красота, добро, любовь, совесть, милосердие) и локальными ценностями. Последние значимы только для определённой местности. Это национальные традиции, исторические концепты, субкультурные атрибуты [Писаревская 2018]. Таким образом, мы, с одной стороны, можем судить об универсализации женской прессы, с другой – наблюдаем деление внутри женской периодики на массовые и качественные издания. Первая оперирует только витальными ценностями, вторая апеллирует к духовным ценностям. Примером качественной прессы может служить международное издание «Vogue», примером массовой – журнал «Cosmopolitan».

На формирование ключевых типологических признаков женской прессы оказывает влияние, в первую очередь, особенность целевой аудитории. Женщины отличаются своеобразием восприимчивости: они более чувствительны, эмоциональны и внимательны к деталям. Им свойственны чувства сопереживания и уступчивости. По скорости восприятия и развитию интуиции женщина существенно превосходит мужчину. Специфика женской

психологии обусловливает появление потребности в особой мягкой тональности и доброжелательного настроя. Издания при общении с аудиторией в качестве манеры общения выбирают приёмы бесед и прямых контактов. И со стороны аудитории наблюдается преимущественный выбор публикаций, написанных в доверительном тоне. В таких изданиях популярностью пользуются эпистолярные жанры, а именно жанры переписки с читателями.

Необходимо отметить высокую степень доверия аудитории женских изданий к информации, опубликованной в журнале. Зачастую женщины готовы повторять модные образы, следовать всем советам и тенденциям. Поэтому в женской периодике популярен жанр «инструкции»: повторяем образы с Pinterest, пять советов для чистой кожи, как ответить токсичному коллеге и т. д.

Рассмотрим основные особенности женской периодики на примере журнала «The Voice Mag». Это одно из немногих изданий, пришедших из-за рубежа и продолживших свою работу в России после 2022 г. Сейчас издание выпускается как в офлайн-, так и в онлайн-форматах. До октября 2023 г. было выпущено шесть номеров нового журнала. Продажа печатных версий осуществляется с помощью книжных и розничных магазинов и различных маркетплейсов. На сайте издания можно зарегистрироваться в личном кабинете и подписаться на почтовую рассылку наиболее интересных материалов.

Печатная версия издания вмещает публикации на темы семьи, моды, красоты, культуры и здоровья. Наиболее повторяющимися рубриками в печатных выпусках являются «Детка, ты просто космос», «Мужчина мечты», «Образ месяца», «Бьюти-хиты», «За и против», «Что нового?», «Выбор редактора». Интернет-версия журнала имеет следующие рубрики: «Новости», «Здоровье», «Мода», «Красота», «Звезды», «Секс». Наибольшим спросом в этом глянцевом журнале пользуются жанры разговоров («Разговор о детях», «Разговор о сексе») и советов («Совет специалиста», «Совет психолога»).

Информация в онлайн- и офлайн-версиях журнала различается: на сайте публикуются как оперативные новости о женской модной жизни, так и предметные статьи, тогда как в печатном варианте журнала собран материал, специально подготовленный под тематику номера. Выбор тем и внешней составляющей говорит о нацеленности журнала на подростково-молодёжную аудиторию. Такая концепция преподносит издание как лёгкий журнал, способный удовлетворить потребность в чтении на досуге.

Авторы материалов, ориентированных на женскую аудиторию, употребляют определённый набор синтаксических средств. Традиционным для глянцевого журнала считается использование глаголов 2-го лица в ед. и мн. числе (например, сделай что-нибудь, спроси, узнай). Такое средство подчёркивает уединённость читательницы с журналом, личную беседу. Зачастую такое обращение используют журналы, не отличающиеся особой серьёзностью. В издании «The Voice Mag» часто используется именно такой приём. Например, приветственное письмо редактора в каждом выпуске содержит слова: «В общем, быстрее *погружайся* в этот удивительный мир, если по каким-то нелепым причинам *ты* ещё вдруг не там» [Великина 2003: http].

Для поддержания эффекта личного и секретного диалога используются различные вставные конструкции. Например, «Так вышло, что корректируя одну зону, Хлоя подчёркивает другую (тоже проблемную) – и это довольно частая ситуация...» [Чепрасова 2023: http]. Использование такого приёма в электронной версии журнала «The Voice Mag» позволяет создать впечатление устной речи со всевозможными отвлечениями.

Особую значимость в женском журнале имеют имена собственные, как правило, статусные. Прежде всего, это имена, связанные с миром моды: бренды, являющиеся законодателями в мире моды и поставляющие на рынок эксклюзивные и коллекционные линии, элитную одежду и аксессуары; имена дизайнеров, модельеров, моделей. У данных имён собственных формируется достаточно объёмная понятийная часть значения, что не свойственно обычному имени собственному в силу его семантической природы. Чаще всего имена собственные используют в рубриках «Модный обзор» и «Поддержание красоты и здоровья». В качестве примера можно привести заголовок статьи издания «The Voice Mag» «Как выглядят самые красивые стрелки этого лета: нежный образ Джиджи Хадид для Каннского кинофестиваля» [Борисова 2023: http].

Указанные особенности приводят к тому, что в женских изданиях мы наблюдаем лексический массив, который отличается ярко выраженным своеобразием. Заметен слой технической лексики с ограниченной сферой использования, употреблённой не во вторичной функции, а в своём основном предназначении (профессионализмы). Также присутствует обычная повседневная лексика с эмоциональным компонентом.

Своеобразие женской периодической печати отражается и в визуальной составляющей, которая является важнейшей характеристикой для такого рода прессы. Составление композиции, подбор иллюстраций и фотографий, выбор цветового и шрифтового решения поручается опытным дизайнерам, поскольку на заинтересованность аудитории и удержание активных пользователей влияет не только содержание статей, но и визуальное сопровождение.

Визуальное сопровождение в печатных изданиях отличается строгими правилами, по которым строится композиция. Например, это начало новой статьи с новой полосы/разворота.

Зачастую современные женские издания существуют сразу в нескольких форматах, выпускают крупные мультиформатные продукты. У обеих форм выпуска материалов в приоритете доставление эстетического наслаждения своей аудитории. Своеобразие каждой редакции состоит в формировании уникального брендбука, отличающегося шрифтовым и цветовым решениями.

По мнению И. Лаптевой, цветовое решение в периодических изданиях выполняет три функции: коммуникативную, символическую и выразительную. Первая прочно связана с выразительностью цвета. В работе И. Лаптевой описываются результаты опытов с цветным тестом Люшера, согласно которым подтверждаются выводы о влиянии цвета на человека независимо от пола, расы и социального положения. Так, розовый цвет, часто используемый в женских журналах, способен снизить агрессивность и враждебность. А голубой цвет способен вызвать покой, успокоение [Лаптева 2001: http]. Для оформления

страниц женских журналов не рекомендуется использовать яркие, однотонные цвета, такие как красный, зеленый, синий. Наилучшими решениями для женской прессы считаются светлые и насыщенные цвета, помогающие развлечься и отдохнуть. При этом тёмные и классические цвета ассоциируются с брутальностью и мужественностью.

Обложки печатных выпусков журнала «The Voice Mag», как правило, выполнены в пастельных цветах (светло-розовом, лавандовом, коралловом). Можно отметить тенденцию к использованию для фона обложки голубого цвета, олицетворяющего чувство гармонии и умиротворения. Дизайнеры журнала используют яркие оттенки на спокойном фоне, выделяя ими логотип издания и заголовки наиболее интересных статей. Однако в последнем выпуске журнала «The Voice Mag» используется насыщенный красный оттенок, олицетворяющий жизненную силу и страсть. Стоит отметить, что символизация цвета, выбранного для оформления обложки, соответствует общей теме номера и личности, выведенной на главную страницу. Так, обложка выпуска № 2 выполнена в голубых и розовых тонах, символизирующих гармонию и нежность, а сам выпуск посвящён «традициям счастливых людей». А первая и главная полоса выпуска № 4 имеет белые, оранжевые и розовые цвета, олицетворяющие вдохновение, свободу и нежность соответственно. При этом выпуск журнала посвящён «творчеству во всех его возможных проявлениях».

Важным в женской журнальной периодике является композиционное оформление обложки выпуска. В заглавие титульного листа входят дата и номер выпуска и логотип издания, отражающий уникальность издания. Также на первой полосе располагаются фотография, на которой, как правило, изображены один или несколько человек, и анонсы статей. Своеобразие титульной полосы могут подчеркнуть разные размеры кегля шрифта, его начертание, цвет, фон, рамка, поворот на некоторый угол, всевозможные спецэффекты. При этом сама обложка журнала выполняется из более твёрдой бумаги, защищающей остальной блок от повреждений и загрязнений [Каминская 2016: http].

Обложки печатной версии журнала «The Voice Mag» состоят из логотипа изданий, цветового фона, фотографии ведущего гостя и анонсов статей. Логотип журнала располагается в верхней части обложки и оформлен разным кеглем. Так, слово *Voice* выполнено более крупным кеглем, поскольку является более важным, чем слова *The* и *Mag*. Как правило, название издания закрывает фотография персоны, но при этом логотип остается легкосчитываемым. Главная иллюстрация занимает практически всю полосу, оставляя только место по бокам для заголовков анонсов. На обложке каждого номера в нижней части пишется тема выпуска. Например, «Лето как по нотам», «Служба (кибер) безопасности», «Новая реальность. Будущее – это мы». В оформлении обложек у этого издания активно применяется использование анонсов статей, которые могут практически полностью закрывать пространство рядом с персоной.

Таким образом, анализ журнала «The Voice Mag» позволяет сделать вывод, что несмотря на кризис женской глянцевой периодики в стране,

обусловленной прежде всего внешнеполитическими и финансовыми факторами, потребность женской аудитории в специальной, гендерной периодике остаётся. Современные женские журналы прочно взяли курс на универсализацию: они больше не хотят быть только вестниками из мира моды, но затрагивают широкий круг общественно важных проблем. С точки зрения композиционно-графической модели, современные женские журналы сохраняют традиции визуального оформления, используя символику цвета и учитывая особенности восприятия информации женской аудиторией.

Литература

Борисова, А. Как выглядят самые красивые стрелки этого лета: нежный образ Джиджи Хадид для Каннского фестиваля [Электронный ресурс] // The Voice Mag, 2023. URL: https://www.thevoicemag.ru/beauty/makeup/kak-vyglyadyat-samye-krasivye-strelki-etogo-leta-nejnyi-obraz-djidji-hadid-dlya-kannskogo-kinofestivalya/ (дата обращения: 30.10.2023).

Великина, Е. Привет, дорогая! [Электронный ресурс] // The Voice Mag. № 4, 2023. URL: https://www.thevoicemag.ru/issue/4v-2023/ (дата обращения: 30.10.2023).

Каминская, С.А. Общее и особенное в изготовлении газет и журналов [Электронный ресурс] // kubsu.ru. 2016. 36 с. URL: https://kubsu.ru/sites/default/files/users/12821/portfolio/kursovaya_rabota_1.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

Лаптева, И. Использование цвета в периодических изданиях [Электронный ресурс] // mediasource.narod.ru. URL: http://mediasource.narod.ru/colorsmi09.pdf (дата обращения: 17.11. 2023).

Писаревская, Н.С. Отечественные женские журналы как феномен современной массовой культуры: функциональные и структурно-тематические особенности: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2018. 202 с.

Чепрасова, Л. Плечи, как у мужчины [Электронный ресурс]// The Voice Mag, 2023. URL: https://www.thevoicemag.ru/fashion/how_to/plechi-kak-u-mujchiny-ne-povtoryai-etu-oshibku-hloi-morec-ona-lomaet-figuru/ (дата обращения: 30.10.2023).

В. Р. Добриян, студентка
О. В. Дорфман, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДЕТСКОГО БЛОГА И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИК

Аннотация. Автор рассматривает актуальную проблему детского блогинга, характеризует его проявления в контексте развития интернет-культуры среди детей. Подробно анализируются сущность детского блога, его значение, популярность и безопасности и возможные отрицательные последствия блогинга. Предложено теоретическое понятие *детский блог* и выделены основные характеристики данной формы онлайн-публикаций.

Ключевые слова: детский блог, цифровая грамотность, блогинг, интернет-культура, жанры блогов, творческие навыки.

Тема детского блогинга становится предметом всё большего интереса в связи с развитием детской интернет-культуры и активного использования блогинга детьми разного возраста. Целью данного исследования стало рассмотрение основных аспектов понятия *детский блог* и выявление его характеристик. С ростом числа детей, активно участвующих в сетевой жизни, детский блогинг начинает вызывать опасения у некоторых родителей. Часто возникают вопросы о том, что может рассказать школьник в своем блоге и не будет ли блогинг отвлекать ребенка от учёбы. Кроме того, у родителей возникают вопросы безопасности детского блогинга, как физической, так и эмоциональной. Некоторые родители опасаются, что злоумышленники могут получить личные данные их ребенка или что ребёнок столкнётся с неприятными комментариями в своём блоге.

В действительности же блог может стать для ребенка отличным средством самовыражения, местом для общения и раскрытия своих талантов. Он не отвлекает от учёбы и кружков больше, чем любое другое хобби. Понятие *детский блог*, как и понятие *гражданская журналистика*, не имеют устоявшегося точного и универсального определения. Понимание *детского блога* может варьироваться в зависимости от контекста, культурных особенностей и намерений авторов и исследователей. При этом в целом детский блог представляет собой средство онлайн-самовыражения и общения для детей, содержание которого ориентировано на их интересы, взгляды и опыт.

Исходя из определений гражданской журналистики, которые даются исследователями, и описания характеристик детского блога (или детского блогинга) мы можем сформулировать общее понятие детского блога. Детский блог представляет собой форму онлайн-публикаций, в которой дети излагают свои мысли, характеризуют свои интересы, обмениваются опытом и мнениями по различным темам через онлайн-платформы. Детские блоги могут включать в себя тексты, фотографии, видео- или аудиозаписи, созданные и опубликованные самими детьми под руководством родителей или педагогов. Целью детского блогинга часто является развитие коммуникативных навыков, самовыражение, обмен опытом, а также приобщение детей к цифровой грамотности и осознанному участию в онлайн-среде.

К основным характеристикам детского блога отнесём следующие.

Самовыражение в детском блоге является ключевым аспектом и основной целью для детей, участвующих в блогинге. Через свои блоги дети могут выражать свои мысли, чувства, интересы и демонстрировать уникальный взгляд на мир. Они могут делиться своими радостями, переживаниями, творческими достижениями, хобби и идеями. Детские блоги также позволяют детям общаться друг с другом, обмениваться опытом и строить онлайн-сообщества на основе общих интересов. Через самовыражение в блоге дети развивают свои коммуникативные навыки, самостоятельное мышление и обогащают свой внутренний мир. Самовыражение в детском блоге также способствует развитию цифровой грамотности, учит детей осознанно

участвовать в онлайн-среде, формировать собственный цифровой имидж, работать в виртуальном пространстве, а также устанавливать свои границы и чувствовать границы других людей.

Познание себя: ведение блога способствует изучению ребенком самого себя, так как позволяет ему осознанно выражать свои мысли, чувства и интересы. При создании контента для блога, ребёнок сталкивается с возможностью выявить и сформулировать свои мысли и взгляды на мир. Процесс написания текстов, создания видео- или аудиозаписей для блога способно помочь ребенку более ясно понять себя, свои внутренние переживания, желания и мотивации. Ведение блога может также способствовать саморефлексии. Публикации, в которых ребёнок описывает свои мысли и наблюдения, позволяют ребёнку взглянуть на себя со стороны, оценить свои достижения и прогресс, а также развивать способности самоанализа. В итоге, ребёнок может узнать о себе что-то новое и лучше понять свои интересы, страхи, мечты и ценности.

Ведение блога способствует *обучению и развитию* ребёнка во многих аспектах:

– *языковые навыки*: написание текстов для блога, комментариев, подписей к фотографиям, и создание видеоконтента помогают развивать у ребёнка языковые навыки, включая грамотность, творческое мышление и умение выражать свои мысли;

– *технические навыки*: создание и редактирование фотографий, обработка видео-, аудиозаписей, подбор музыки и общее управление цифровым контентом помогает детям осваивать навыки работы с технологиями и веб-платформами;

– *критическое мышление*: активное участие в блогинге способствует развитию критического мышления, в том числе умения анализировать информацию, различать негативные и положительные аспекты, и принимать обдуманные решения;

– *творческие навыки*: блогинг развивает творческое мышление, помогает детям искать новые способы выражения, развивать воображение и творческий потенциал;

– *цифровая грамотность*: участие в блогинге помогает детям развивать цифровые навыки, осознанное использование онлайн-платформ и безопасное поведение в сети.

В целом, ведение блога формирует у ребёнка широкий спектр навыков, включая коммуникативные, технические и практические умения, и способствует его развитию в познавательном, творческом и эмоциональном планах.

Аудитория детских блогов включает в себя разнообразные группы пользователей. Но прежде всего это другие дети – сверстники блоггера, которые интересуются темами, обсуждаемыми в блоге, и желают познакомиться с мнением и опытом других детей.

Родительский контроль. Один из важных аспектов детского блога – это родительский контроль, который обеспечивает безопасность и поддержку детей в онлайн-пространстве.

Важно отметить, что исследователи расходятся во мнениях: считать ли детским блогом блог, в котором ребёнок выступает только «лицом бренда» и участвует только в конечной точке создания контента – фото- или видеосъёмке по уже написанному тексту. Мы не рассматриваем подобные блоги как предмет анализа и исследования, так как они не соответствуют таким характеристикам, как самовыражение и познание себя.

Итак, мы постарались определить важное для современной медиасферы понятие детского блога и его характеристики. Эти данные позволят понять особенности детского блогинга, выделить жанрово-тематические виды детских блогов, а также разработать эффективные методики использования блогинга для развития детей и их образования.

Литература

Абросимова, Е.Е. Портрет современного ребёнка-видеоблогера // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 2. С. 30-32.

Браславец, Л. О понятии «гражданская журналистика» в сфере социальных сетей: [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main&level2=articles&textid=2691 (дата обращения 29.01.2024).

Григорьева, И.В. Анализ положительных практик медиаобразования детей дошкольного возраста в современной семье средствами сетевых медиа / И.В. Григорьева, Е.А. Пьянникова // MagisterDixit. 2013. № 3. С. 237-247.

Елкина, М.В. Детские видеоблоги: хобби для маленького журналиста или бизнес-идея для родителей? // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3(25). С. 189-192.

Ильюк, Н. Блогосфера как проявление «гражданской» (общественной, народной) журналистики в контексте медиаобразования [Электронный ресурс]. URL: http://познавательный.рф/all/blogosfera-kak-projavlenie-grazhdanskoi-obschestvenoi-narodnoi-zhurnalistiki-v-kontekste-mediaobrazovanija.html (дата обращения 29.01.2024).

Кажмарчик, М. Гражданская журналистика и её характеристики // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 2. С.75-86.

Пинчук, О.В. Ребёнок как гражданский журналист в контексте видеоблога // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2(24). С. 33-37.

Трофимова, И.А. Гражданская журналистика в медиасистеме современной России: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10. Воронеж, 2021. 30 с.

А. П. Долгушева, студентка
Науч. рук.: А. В. Подгорская, канд. филол. наук
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

«ГОНЗО-ЖУРНАЛИСТИКА» КАК ФЕНОМЕН ПЕРСОНАЛЬНОГО «НОВОГО ЖУРНАЛИЗМА»

Аннотация. Объектом исследования в статье выступает феномен художественной журналистики. Особое внимание уделяется возникновению «нового журнализма» в США в 1960–70-е годы, а также публицистике гонзо-отца Х. Томпсона. На примере творчества Х. Томпсона проанализированы, способы преобразования факта в художественный образ, в результате чего «рождается новая истина», которая сочетает в себе художественное и документальное начала.

Ключевые слова: новый журнализм, гонзо-журналистика, Х. Томпсон, «Страх и отвращение в Лас-Вегасе», публицистика США.

Период 1960–70-х годов в истории Соединенных Штатов Америки стал переломным и вдохновляющим. США столкнулись с протестами против расовой сегрегации, антивоенными демонстрациями, культурной революцией и экономическими изменениями. От психоделической контркультуры до движения за гражданские права и Вьетнамской войны – каждое из этих явлений оказало глубокое воздействие на общество и формирование современной американской идентичности. Волнения в обществе и политике оказывают большое влияние и на медиаиндустрию. В мире американской журналистики возникает явление «нового журнализма».

«Новый журнализм» зародился в 1960–70-е годы в США. Основная сложность в определении «нового журнализма» заключается в том, что этот феномен рассматривается как журналистское явление и литературная школа одновременно. Термин «новый журнализм» может восприниматься по-разному. Например, многие используют этот термин для описания журналистики Дж. Пулитцера и У. Херста конца XIX в., что создаёт путаницу, так как эти личности выделялись скорее сенсационным стилем, чем синтезом художественных и документальных элементов.

Вопрос о том, кто же первым создал этот термин, остаётся открытым. Томас Вулф в своей антологии 1973 г. представил лучшие образцы «нового журнализма» и сформулировал его теоретическую концепцию. Тем не менее, сам термин был использован ранее американским журналистом и редактором газеты «New York Post» П. Хэммилом, но только антология Вулфа привлекла широкий интерес к такому журнализму [Харитонов 2010].

Вопрос о том, кто первым начал экспериментировать с художественными приёмами, впоследствии объединёнными под термином «новый журнализм», до сих пор остаётся предметом разногласий среди критиков. По мнению журналиста Дж. Хеллмана, зарождение этого направления связано с именами Т. Вулфа и Т. Капоте. Он отмечает, что появление «нового журнализма» и

«документального романа» можно отнести к 1965 г., когда были опубликованы произведения Т. Вулфа «Конфетнораскрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка» и Т. Капоте «Хладнокровное убийство». С этим мнением соглашается и американский лингвист М. Джонсон, считая 1965 год «точкой отсчёта для появления данного явления» и выделяя его как время, когда начинает развиваться андеграундная пресса и появляются важные для нового журнализма книги.

Вопрос об авторстве нового журнализма остаётся сложным, так как показательные примеры этого направления появились практически одновременно, и каждый автор, включённый в его рамки, внёс существенный вклад в его развитие. Разноголосица мнений по этому вопросу свидетельствует, что «новый журнализм» не является просто литературным проявлением амбиций Т. Вулфа, а скорее историко-литературным явлением, в которое вложился не один публицист [Коновалова 2011].

Критики всё же согласны, что новый журнализм 1960–70-х годов можно связать с именами таких литераторов, как Т. Вулф, Т. Капоте, Х. Томпсон и др. Однако часто предпринимаются попытки расширить этот список и включить в него литераторов из других эпох и национальных литератур, таких, как Д. Дефо, М. Твен, С. Крейн. Эти попытки объясняются стремлением новых журналистов подчеркнуть серьезность своего направления. В результате происходит «расширение» хронологических и географических границ нового журнализма, однако такое включение неоправданно, большинство публицистов и учёных не согласны с такими включениями.

Из-за нового веяния в СМИ возникает интерес к факту и документу, который существовал на ранних этапах литературного развития. В американской литературе слияние документального и художественного стало национальной традицией. Американская литература начиналась с публицистики, заметок и выступлений отцов-основателей и постепенно преобразовывалась в художественную форму. Сближение этих двух аспектов наблюдалось в разные периоды, и новый журнализм можно ассоциировать с движением макрейкеров рубежа XIX–XX вв. Это движение рассматривается как влияние натурализма со стремлением к фактологичности. Однако новый журнализм превзошёл макрейкерство в экспериментах с художественными средствами, делая факт и его художественное воплощение равнозначными [Авдонина, Дорофеева, Малахова 2018: http]. Таким образом, несмотря на традиции, повлиявшие на новый журнализм, его следует рассматривать как самостоятельное литературное явление, олицетворённое Т. Вулфом, чьи теоретические основы и анализ сделали новый журнализм важным элементом американской литературы во второй половине XX в.

Очень важное внимание Т. Вулф уделяет разгадке, почему документалистика в 1960–70-х годах пережила своего рода «взрыв». В своей антологии он предлагает глубокий взгляд на причины, приведшие к этому явлению. По мнению Вулфа, американских писателей охватывает «американская мечта» – стремление написать не просто произведение, а погрузиться в психологический феномен. Книга становится чем-то большим,

нежели пересказ чувств героев, она становится психическим расстройством, входящим в психоанализ рядом с нарциссизмом и навязчивыми неврозами. Здесь слово «роман» приобретает новый смысл, выходя за пределы литературного контекста, что, согласно Вулфу, подчеркивает глубокое уважение к произведению и создателю. Первые журналисты, шедшие по этому пути, не подвергали сомнению превосходство романистов как неоцененных мастеров слова.

Один из наиболее распространённых взглядов – появление нового журнализма было обусловлено характером времени, когда события развивались настолько быстро, что исчезало все, кроме их внешней формы. По мнению профессора Дж. Хартсока, благодаря социальным и культурным потрясениям (война во Вьетнаме, борьба за гражданские права и т. д.) новый журнализм достиг своего апогея. Из-за происходящего в мире традиционная беллетристика и журналистика оказались неспособными отражать реальность. Вулф отмечал, что из-за слабости старого журнализма, новый чувствовал себя намного увереннее в обществе, такая же ситуация была и в литературе.

Литераторы, работающие в новом жанре, стали выделяться желанием перенести в реальность один из важных аспектов нового журнализма – прямое вовлечение самого автора в действие. Этот фактор может служить объяснением выбора персонажей в книге. Герои нового направления, как правило, исполняют два действия: предстают как воплощение самого автора и литературного персонажа одновременно. Один из наиболее выдающихся примеров – Доктор Гонзо в произведении Х. Томпсона.

Художественный характер отображения авторского присутствия в происходящем среди журналистов этого жанра всегда разнообразен. Как справедливо отметил Дж. Хеллман, новые журналисты относятся к написанному материалу с точки зрения свидетеля или детектива.

Еще один излюбленный способ подачи материалов «новыми» журналистами — прологи и эпилоги. В них они объясняют цель работы, указывают, что будет отправной точкой и чего они достигнут. Лучшим примером является роман Т. Капоте «Хладнокровное убийство». Когда писатель начал работать над «Хладнокровным убийством», он поставил перед собой задачу создать гибридную форму, похожую на документальный роман. Работа получила много положительных отзывов, было много дискуссий о художественной ценности выбранного автором шаблона. Капоте отметил основную особенность своего романа – документальность. Это он обозначает в предисловии, где призывает читателя обратить внимание на достоверные факты, а не на художественность картины. В дальнейшем новые журналисты часто будут использовать этот приём. Из «Хладнокровного убийства» можно отметить факторы, которые будут присутствовать во всех материалах, созданных в духе «нового журнализма»: во-первых, характер вневременного названия, во-вторых, место действия непривычно для читателя, и в-третьих, много персонажей, которые позволяют познакомиться с разными мнениями.

В «новом журнализме» возникает фигура Хантера Томпсона, ставшего создателем нового жанра – гонзо-журналистика. Этот стиль характеризуется

выраженно субъективным письмом, напоминающим отдельные зарисовки с автором-героем в центре внимания. Он часто обращается к форме романа-квеста или пародии на роман в своих работах, таких как «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое путешествие в сердце американской мечты» [Луговая, Сыраев 2016].

Томпсон, подобно другим новым журналистам, придерживался принципа гиперболизированной субъективности, размывая границу между автором и литературным персонажем с тем же именем. Этот приём использовался для создания мифа вокруг его собственной личности. Томпсон часто играл со своими персонажами, применяя эффект маскарада. Например, в «Страхе и отвращении в Лас-Вегасе» он начал с описания поездки в Лас-Вегас под вымышленным именем Рауля Дьюка, который затем становится главным героем произведения.

Эта противоречивая тенденция представлять факты с крайне субъективной точки зрения вызывала разногласия среди критиков. Но новые журналисты считали, что они должны воссоздавать субъективную реальность, представляя не только факты, но и восприятие участников событий, включая себя в качестве автора.

В 1966 г. выходит книга «Ангелы Ада», которая сразу принесла автору широкую известность. Томпсон представляет свою работу в виде дайджеста газетных заметок об «Ангелах», данных полиции, а также своего собственного взгляда на это движение, основанного на наблюдениях, сделанных во время девятимесячного пребывания с бандой байкеров «Ангелы Ада». Книга отличается высокой степенью субъективности, где автор фокусируется как на своих ощущениях, так и на ощущениях персонажей. Основной целью Хантера Томпсона при написании книги было развенчать миф о «Ангелах», созданный прессой, полицией и интеллектуальными кругами.

В 1971 г. выходит самая известная книга Хантера С. Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе». «Страх и отвращение в Лас-Вегасе», размывая границу между художественной литературой и фактами, стал эталоном гонзо-журналистики и считается лучшей книгой об эпохе 60–70-х годов XX века.

Хантер Томпсон описывал гонзо-журнализм как стиль, в котором глубокая субъективность репортёра является ключевой чертой. В этом подходе журналист не просто наблюдает за событиями, а становится активным участником повествования. Тем не менее, Томпсон считал, что его работа выходит за рамки гонзо-журналистики. Он даже назвал свой роман неудавшейся попыткой гонзо-журналистики, считая, что истинность его произведения никогда не будет установлена. Роман отличается дерзостью, вызовом, нестандартностью, отказом от объективности и ориентацией на факты, что делает его автора выдающимся представителем «нового журнализма». Работа размывает границу между реальностью и вымыслом, фактами и фикцией, создавая уникальный стиль, который Томпсон описывал как гонзо-журналистику. Благодаря книгам Х. Томпсона возможно выделить характерные черты гонзо-журналистики: субъективность и авторская вовлечённость; экспериментальные стиль и форма; обострение реальности;

использование психоделических средств. Специфичность художественной манеры Томпсона проявляется в том, что на грани между фактом и вымыслом «рождается новая истина», которая сочетает в себе художественное и документальное начала.

В заключение можно констатировать, что новый журнализм и вытекающая из него гонзо-журналистика представляют собой уникальный и важный феномен в медиапространстве Америки 1960–70-х годов. Они не только подчёркивают изменения в традиционном подходе к журналистике, но и являются инновационным инструментом для изучения социокультурных явлений и выражения личных взглядов автора.

Литература

Авдонина, Н.С., Дорофеева, А.А., Малахова, А.М. «Человеческий документ» и «гонзо-журналистика» как форматы журналистского произведения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-dokument-i-gonzo-zhurnalistika-kak-formaty-zhurnalistskogo-proizvedeniya (дата обращения: 09.11.2023).

Коновалова, Ж.Г. Контркультура и «американская мечта»: трансформация концепции «мечты» в художественно-документальных книгах Х. Томпсона, Т. Вулфа. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontrkultura-i-amerikanskaya-mechta-transformatsiya-kontseptsii-mechty-v-hudozhestvenno-dokumentalnyh-knigah-h-tompsona-t-vulfa (дата обращения: 09.11.2023).

Луговая, Ю.А., Сыраев, Р.Р Экспрессивные средства гонзо-журналистики. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnye-sredstva-gonzo-zhurnalistiki (дата обращения: 09.11.2023).

Харитонов, Д.В. «Новый журнализм» в сравнительно-исторической перспективе (программы литературного освоения факта в США 1960-х годов и в России 1920-х. URL: https://www.dissercat.com/content/novyi-zhurnalizm-v-sravnitelno-istoricheskoi-perspektive-programmy-literaturnogo-osvoeniya-f (дата обращения: 09.11.2023).

К. Н. Меркурьев, студент
Науч. рук: Л. Д. Пономарева, доктор пед. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ: ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ НИША В СМИ

Аннотация: В статье представлены история и концепция научно-популярной журналистики, формирование этого жанра, его ключевые характеристики и роль в обществе. Особое внимание уделяется влиянию научно-популярных изданий на распространение научных знаний среди широкой аудитории и их вкладу в образовательный процесс. В статье также дан обзор современного состояния научно-популярной журналистики и определена её роль в информационном обществе.

Ключевые слова: научно-популярный журнал, периодические издания, история науки и техники, популяризация знаний, образовательный процесс, научная грамотность.

К середине 1970-х годов в СССР, согласно классификации по характеру и назначению, периодические издания подразделялись на различные категории: литературные, политические, научные, специализированные (отраслевые), иллюстрированные, и неиллюстрированные, ориентированные на различные аудитории (женщины, молодёжь, дети и т. д.). Несмотря на широкий спектр тематик, обращает на себя внимание отсутствие отдельной категории научно-популярных журналов в данной классификации. Вероятно, эти издания либо не выделялись в отдельную категорию, либо были включены в более общую группу научных изданий. Однако общий тираж научно-популярных журналов достигал впечатляющих 25–35 миллионов экземпляров ежемесячно, что свидетельствует об их значительной популярности в обществе.

Исследования, проведенные Э. А. Лазаревич, важны для понимания типологических особенностей научно-популярных журналов в СССР в то время: ею выделены две ключевые характеристики, которые придают самостоятельность этому виду периодики [Лазаревич 1979]. Во-первых, Е. А. Лазаревич отмечает, что научно-популярные журналы обладают теми же основными атрибутами, что и обычные журналы: периодичность, программа, преемственность в содержании и оформлении, а также ориентация на определенную аудиторию. Эти черты определяют профессионализм и системность подхода к созданию научно-популярных изданий. Во-вторых, Э. А. Лазаревич подчеркивает, что научно-популярные журналы несут на себе двойную функцию, являясь и частью научно-популярной литературы: они рассказывают о науке и технике, преследуя мировоззренческие, общеобразовательные и практические цели, и при этом они предназначены для неспециалистов в данной области знания. Это делает журналы доступными и интересными для широкой аудитории, что отличает их от более узкоспециализированных научных изданий. Такие исследования вносят вклад в лучшее понимание роли и структуры научно-популярных журналов в образовании и популяризации научных знаний в советском обществе.

Интересно отметить, что классификация советской прессы, разработанная Э. А. Лазаревич, послужила основой для исследования М. И. Хаскиной, которая, в свою очередь, добавила новые аспекты к пониманию научно-популярных изданий в СССР. М. И. Хаскина выделяет три группы научно-популярных журналов [Лазаревич 1979]:

1) универсальные (такие журналы имеют тематику, не ограниченную в рамках определенной области знаний, охватывая разнообразные темы);

2) политематические (журналы этой группы посвящены широкому спектру наук, что обеспечивает разнообразие тематик и предназначенность для широкой аудитории);

3) монотематические (такие издания фокусируются на одной или, реже, двух отраслях науки и техники, обеспечивая глубокое изучение конкретных тем).

Кроме того, стоит отметить, что в 1980-е годы А. И. Акопов предпринял попытку создания комплексной типологии отечественной научно-технической журнальной периодики. Это свидетельствует о постоянном интересе

исследователей к структуре и разнообразию научно-популярных изданий.

Исследования в этой области подчеркивают важность классификации для понимания особенностей научно-популярных журналов и их воздействия на советское общество.

В современном мире, находящемся в эпохе непрерывного и беспрецедентного научно-технического прогресса, важность повышения уровня общественной осведомлённости о научных исследованиях и достижениях учёных становится всё более актуальной. Популяризация науки и всеобщее распространение знаний, являющихся общественным достоянием и капиталом, приобретают ключевое значение и становятся одними из главных национальных приоритетов ведущих мировых держав.

В этом контексте научные СМИ играют важную роль как средство внедрения научных знаний в общество. Современная журналистика не только отражает светскую и бытовую стороны жизни, но также является зеркалом самых новых открытий в науке и технике. В течение нескольких последних десятилетий в отечественной журналистике сформировалось особое направление – научная журналистика, ориентированная на популяризацию науки через средства массовой информации.

Данная журналистика направлена на содействие пониманию обществом сложных научных концепций, создание интереса к науке и поддержание диалога между научным сообществом и широкой публикой. Научная журналистика становится неотъемлемой частью образовательного процесса и важным инструментом формирования научной грамотности в современном информационном обществе.

В данном контексте научные СМИ играют ключевую роль в интеграции научных знаний в общество. Современная журналистика не только отражает повседневную жизнь, но и является зеркалом последних научных открытий. В родившейся всего несколько десятилетий назад отечественной журналистике сформировалось новое направление — научная журналистика, направленная на популяризацию науки через СМИ.

Научная журналистика представляет собой специализированное направление, обеспечивающее обществу доступное объяснение достижений науки, её истории, текущего состояния и перспектив развития. Как отмечает С. П. Локтев, научная журналистика – это область, используемая для создания информации по научным темам [Локтев 2008]. Её цель – рассказать о науке так, чтобы люди, не являющиеся специалистами в этой области, могли понять и оценить информацию.

Научные журналисты, зачастую обладающие глубокими знаниями в своей предметной области, играют роль посредников между специфической, профессиональной информацией, собранной учёными, и широкой публикой. В последнее время количество научных новостей стремительно растет, занимая значимое место в жизни людей и усиливая взаимодействие между СМИ и научным сообществом.

Подчеркивается, что популяризация науки через СМИ имеет важное значение для обновления знаний, поддерживая динамичность самой науки. Это

особенно важно в условиях дифференциации и интеграции научных областей. Профессор В. В. Егоров указывает на разницу между учебными, образовательными и научно-популярными передачами, подчёркивая, что научно-популярные передачи ориентированы на пропаганду как классических, так и новых достижений науки и техники [Егоров 1999: 416].

Не только печатные журналы, но и научно-популярные телевизионные передачи играют важную роль в информировании общества о событиях в мире науки и техники, привлекая внимание к новым идеям и тенденциям. Распространение научных знаний средствами массовой информации необходимо для повышения образованности и широкого понимания научных аспектов современной жизни.

Основная задача научно-познавательной журналистики заключается в формировании у аудитории научной картины мира и научного мировоззрения. Однако, помимо этого, существуют и вспомогательные или «прикладные» функции научно-познавательного телевидения. Некоторые из них включают:

1) распространение технической информации (научно-познавательные передачи могут служить средством популяризации и распространения информации о новых технологиях, научных разработках и технических достижениях, что помогает широкой аудитории быть в курсе последних тенденций в науке и технике);

2) формирование общественного мнения (телевизионные программы о науке могут влиять на формирование общественного мнения по актуальным научным проблемам; это особенно важно, когда научные вопросы имеют широкое общественное значение, например, в области экологии, медицины или технологического развития);

3) просветительская функция (научно-познавательные передачи играют роль просветителей, расширяя кругозор аудитории, которая не занимается изучением научных проблем целенаправленно. Они делают научные темы более доступными и понятными для широкой публики, способствуя общему развитию и научной грамотности).

Таким образом, научно-познавательная журналистика выполняет не только образовательную роль, но и активно взаимодействует с обществом, распространяя информацию, формируя общественное мнение и расширяя кругозор зрителей.

Специфика научно-познавательной журналистики проявляется в её целях и функциях, что сказывается на самой структуре и композиции передач и программ. Ключевая особенность заключается в использовании драматургии мысли, которая строится на конфликтах различных точек зрения и столкновении научных открытий, сделанных в разные периоды. Отдельные аспекты подчеркивают эту специфику.

1. *Драматургия мысли.* Передачи о науке часто строят свой сюжет вокруг развития и эволюции научных идей. Это может включать в себя противоречия между разными теориями, дискуссии учёных, изменения в научном подходе и пересмотры давно устоявшихся представлений. Такие конфликты делают материал более увлекательным и интересным для зрителя.

2. *Столкновение открытий*. Программы о науке часто подчёркивают столкновение различных научных открытий и концепций. Это может включать в себя противоречия в интерпретации данных, борьбу за признание новых идей, а также демонстрацию того, как эти столкновения способствуют развитию науки.

3. *Историческая перспектива.* Подход к научным темам часто охватывает историческую перспективу, показывая, как научные концепции менялись с течением времени. Это позволяет зрителям лучше понять контекст и эволюцию научных исследований.

4. *Визуализация и демонстрации*. Для поддержки драматургии мысли научные передачи активно используют визуализацию, анимации, графику и демонстрации. Это позволяет зрителям более наглядно воспринимать сложные научные концепции и процессы.

Такой подход к композиции делает научно-познавательные программы более привлекательными и доступными для широкой аудитории при сохранении научной точности и глубины контента.

Я. Н. Засурский в ходе своего исследования анализировал воздействие различных сфер деятельности (производственной, рекламной, информационной и др.) на типологическую структуру СМИ [Егоров 1999]. Кроме того, он описывает различные научные издания, включая научно-популярные, научно-практические и научно-производственные, при этом отмечая интерес и популярность изданий, занимающихся «исследованием» сверхъестественного, скандалами и преступлениями.

В рамках данного контекста вводится новый термин «научно-просветительские издания», при этом аргументацией является логическое следствие типологии СМИ, предложенной проектной группой факультета журналистики СПбГУ. Этот термин подчеркивает цель распространения научно-популярных знаний и повышения культурного уровня аудитории.

В учебной и научной литературе по журналистике подчёркнуто определение просветительских изданий, которые, согласно этому определению, нацелены на распространение знаний, прежде всего научно-популярного характера (точные, естественные и гуманитарные науки), с целью повышения культурного уровня аудитории.

Названные аспекты выделяют важность научных и просветительских изданий и телепередач в современной медийной среде и подчёркивают стремление к созданию термина, который наилучшим образом отражает специфику этих изданий в контексте их образовательной и просветительской миссии.

Первое важное замечание следует сделать относительно того, что не все просветительские издания ориентированы исключительно на научно-популярный контент. Это вытекает из предложенного определения просветительских изданий, которое подчёркивает их цель в распространении знаний, прежде всего научно-популярного характера, но не обязательно исключительно научно-популярного. Таким образом, просветительские издания могут охватывать различные области знаний и стили, не ограничиваясь только

научно-популярным материалом. Второе важное замечание относится к необходимости уточнения определения просветительских изданий, чтобы учесть их разнообразие и охват в различных сферах знаний, а не только в области науки. Следовательно, при рассмотрении просветительских изданий необходимо учесть их способность предоставлять информацию и знания на широкий спектр тем, включая культуру, искусство, общественные вопросы и т. д. Это позволит лучше отразить разнообразие подходов и целей просветительских изданий в медийной среде.

Введение термина *научно-просветительские издания* обосновывается несколькими важными аспектами. Во-первых, частое использование данного термина в научной, учебной литературе, в повседневной речи и в СМИ создаёт смысловую неопределённость. Термин *популярные* может трактоваться как ‘широко распространённые’ или ‘популярные в смысле простоты изложения’. Введение нового термина помогает избежать этой неопределённости. Во-вторых, в пособии «Масс-медиа российского мегаполиса» исследователи уже используют термин *просветительские издания* в отношении некоторых интересующих нас изданий. Введение термина *научно-просветительские издания* позволяет согласовать терминологию и обеспечивает единообразие в интерпретации подобных изданий. В-третьих, слово *просветительский* ассоциируется с Эпохой Просвещения, где просветителями называли распространителей научных знаний. Этот термин подчёркивает цель распространения знаний и образования. В-четвертых, термин *научно-просветительский* представляется более точным и грамотным по сравнению с определением *научно-популярный*. Кроме того, он сохраняет смысловую глубину и ассоциируется с просветительской миссией. Наконец, некоторые издания научно-популярного характера уже сами позиционируют себя как научно-просветительские, что подтверждает актуальность введения данного термина (например, журнал скептиков и атеистов «Скепсис»).

Таким образом, научная журналистика становится неотъемлемой частью образовательного процесса и важным инструментом формирования научной грамотности в современном информационном обществе. Благодаря научной журналистике обеспечивается доступ к актуальным научным знаниям, что способствует расширению кругозора общества и укреплению взаимодействия между наукой и обществом.

Литература

Акопов, А.И. Типология советских научно-технических журналов. Москва: МГУ, 1979. 47 с.

Егоров, В.В. Телевидение между прошлым и будущим // М.: Воскресенье, 1999. 416 с.

Лазаревич, Э.А. Научно-популярный журнал как тип издания // Вестн. моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1979. № 1. С. 12.

Локтев, С.П. Научная журналистика в контексте цивилизации. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/a55/uch_2008_ xiv_00015.pdf (дата обращения: 17.11.2023).

А. Д. Кириллова, студентка
Науч. рук.: О. Е. Чернова, канд. филол. наук, доцент
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

МЕХАНИЗМ СОЗДАНИЯ НОВОСТНЫХ ПРОГРАММ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Аннотация. Новостные передачи занимают в рейтингах лидирующие позиции. В статье рассматриваются практические аспекты построения новостных программ. Объект исследования – новостная программа, предмет исследования – механизмы её создания. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью реализации современных приёмов конструирования новостной программы, в свете современных тенденций развития телевидения.

Ключевые слова: телевидение, информация, новости, оператор, видеоредактор, креативная команда, временная привязка, активный залог.

Телевидение – это динамичное аудиовизуальное средство современной массовой информации, кажущееся доступным и простым. На самом деле требуется много усилий, чтобы показать любой выпуск новостей по телевизору. Процесс новостного информирования очень сложен: он включает в себя ряд этапов, и на каждом из этих этапов задействованы новейшие технологии.

Прежде всего, нужно решить, что журналисты понимают под термином «новости». Формирование информационного блока происходит на двух уровнях: на первом из них создаются новостные сюжеты, на втором формируется информационный «пакет», подчинённый определённой цели. В широком смысле слово «новости» – это периодические телевизионные программы, содержащие сюжеты информационных жанров или выпуски новостей. В узком смысле *новостями* называются сами информационные истории, включенные в публикации или, вернее, новостные сюжеты.

В наиболее общем виде *новость* – это факт, представленный творческим образом, с учётом его восприятия аудиторией. Такой подход помогает осуществить сочетание неожиданного и сенсационного с информацией, способствующей вовлечённости человека в социальные дела и проблемы общества. Новостные медиатексты называют также «базовыми текстами» массовой информации, так как в них наиболее полно реализуется одна из главных функций массовой коммуникации – информативная.

Новостные тексты строятся по определённой форме, т. е. конструируются по устойчивым моделям. Более того, значение новостных текстов в общем потоке массовой информации усиливается благодаря их высокой повторяемости и воспроизводимости. Технология производства новости в немалой степени зависит от идеологического пространства, в котором ей предстоит функционировать и характеристик аудитории, которой она предназначена.

Новости на телевидении – результат упорного труда высококвалифицированных специалистов. Среди востребованных при работе

над теленовостями можно назвать профессии режиссёра, монтажёра, оператора, звуковика, референта, диспетчера, видеоинженера, супертехника, художника, транспортника, визажиста, сотрудника справочной службы – десятки и сотни людей обеспечивают бесперебойный выход в эфир информационных телепрограмм. Но при этом главную роль в телевизионных новостях играет журналист. Именно он работает непосредственно с материалом новостей [Тяжлов, 2020: http].

В редакции происходит подготовка новостной информации, куда стекаются все материалы: письма, пресс-релизы, телефонограммы, «наводки», проверенные и непроверенные факты. Очень важно, чтобы существовала система оценок поступающих сведений для распределения их по назначению или сохранения с целью последующего использования. Некоторые службы новостей ведут специальный редакционный дневник, в который в письменной или электронной форме загодя заносят события, ожидаемые в тот или иной день.

Журналисты составляют основу мира новостей и являются главным компонентом любого отдела новостей. Именно журналисты формируют редакционный отдел новостей и принимают важные решения относительно содержания любого телевизионного новостного канала. Редакция состоит из двух основных подразделений – ввода и вывода, работающих над определённым программным обеспечением отдела новостей.

Одно значительное подразделение журналистов формирует раздел назначения. Его основная задача – черпать идеи для сюжетов у репортёров и принимать решения о новостях на ежедневной основе, формулировать задачи для журналистов на обычных мероприятиях. Репортёры и корреспонденты являются другим очень важным компонентом редакционного отдела, потому что именно они «охотятся» и приносят в редакцию новости из каждого уголка внешнего мира [Засурский, 2020: http].

Основную техническую работу выполняют другие специалисты. Неотъемлемой частью отдела новостей являются операторы, поскольку визуальные эффекты очень важны для телевидения. Операторы, работающие с телевизионными новостными каналами, собирают визуальные эффекты с помощью профессиональных камер. Таким образом, они должны быть квалифицированными, технически грамотными и в то же время иметь редакторские навыки. Для получения хороших визуальных эффектов оператор должен обладать хорошим журналистским чутьём.

Видеоредакторы редактируют визуальные эффекты. Необработанные визуальные эффекты обычно не показывают в эфире, так как в них может быть много нежелательных вещей или последовательностей. Помимо этого, необработанные визуальные эффекты могут иметь аудио- или видеосбои. Видеомонтаж перед трансляцией необходим как с журналистской, так и с технической точки зрения. Когда съёмка завершена, видеоматериалы загружаются на сервер новостного канала, а затем редактируются в соответствии с требованиями сценария. Видеоредакторы также редактируют специальные программы и новостные шоу. Они работают с журналистами как

одна команда. Для редактирования видео доступны различные типы программного обеспечения.

Креативная команда, как правило, состоит из графических дизайнеров и продюсеров. По мере развития телевизионных новостей графическая работа совершенствовалась, в студиях новостных каналов создаются виртуальные декорации. Графики в телевизионных новостях используется всё активнее.

Золотое правило телевизионных новостей – «Пишите так, как вы говорите, а не так, как вы пишете» [Качкаева, 2017: http]. Чтобы передавать информацию, журналист должен говорить на простом языке, понятном большинству зрителей. При написании новостей для телевидения необходимо следовать определённым правилам: 1) ясность: сюжет должен быть ясен сразу (В отличие от читателя, у зрителя нет второго шанса просмотреть материал. Автор телевизионных новостей должен уметь упрощать сложные истории); 2) краткость: ясность достигается не только простыми предложениями, но и короткими (Диктору новостей нелегко читать длинные предложения, и зрителю трудно следить за ними. Каждое предложение, которое вы пишете для трансляции, должно быть коротким, простым и понятным); 3) разговорный стиль: авторы телевизионных новостей используют общеупотребительные слова (Тележурналисты должны использовать лексику повседневного общения, в том числе и при составлении новостей для телевидения); 4) временная привязка: элемент непосредственности – один из самых больших преимуществ телевизионной среды в освещении новостей; следует приложить все усилия для включения обновленных отчётов и написания текстов таким образом, чтобы они звучали свежо и своевременно (С учётом этого рекомендуется использовать настоящее время: неприемлемо, например, *Полиция искала улику*, рекомендуемо – *Полиция ищет улики*); 5) использование активного залога, когда субъект воздействует на объект (Пассивный залог: *Авиалайнер был сбит частным самолетом*. Активный залог: *Частный самолет врезался в авиалайнер*) [Засурский, 2020: http].

Телевизионные новости – освещение событий, которые происходят 24 часа в сутки и 7 дней в неделю, даже если выпуск новостей осуществляется через день. Поэтому самостоятельные и независимые действия работников отдела новостей необходимы для формирования позитивного имиджа у целевой аудитории – зрителей, в том числе чиновников. Отдел новостей – это большая команда, которая должна придерживаться одной политики.

Политика заключается не только в выборе новостей, но и в ракурсе, с которого они будут освещены. Директор отдела новостей должен расставить приоритеты, показывая то, что имеет значение для зрителей. Новости должны быть о людях и для людей. Кроме того, нужно всегда учитывать специфику телевидения и говорить даже о сложных вещах простым и доступным языком. Ведь зритель не может перелистнуть страницу, как в газете, перемотать обратно и посмотреть непонятный сюжет ещё раз. Но если он что-то пропустил и не смог понять, то работа журналистов прошла впустую. Необходимо построить рабочий процесс так, чтобы максимально использовать возможности

видео, уметь показывать новости, а не скучные картинки с говорящей головой [Гунина, 2017: http].

«Живые» элементы в последнее время стали жизненно важной частью телевизионных новостей. Раньше выпуски новостей записывались заранее, но теперь почти все выпуски идут «в прямом эфире». И, помимо «живых» выпусков новостей, в него может быть добавлено много других «живых» элементов. Предположим, поступает известие о нападении террористов, и сразу же подключаются репортёры, чтобы провести «живую беседу» и подробно рассказать о новостях. У этого есть два преимущества: повышается достоверность этой новости, и она становится «интерактивной».

При создании сюжета нужно руководствоваться тем, что он создается не для абстрактных зрителей, а для друзей, родственников и знакомых. Ведущий новостей не должен читать лекцию безликой аудитории, но представить, что это разговор, беседа. Оформление новостных сообщений – особая забота автора-корреспондента и редактора. Простейшей формой новостного сообщения является текст, написанный для диктора, ведущего информационную программу [Гунина, 2017: http].

Таким образом, в создании телевизионных новостей участвует огромная команда профессионалов. Каждый из которых выполняет отдельные функции. Телевидение выполняет различные функции: информационную, познавательную, образовательную, развлекательную, рекреационную. И все эти функции направлены на освещение жизни социума, формирование общественного мнения. Своеобразие новостной тележурналистики состоит в оперативной подаче сообщений о новых событиях.

Литература

Гунина, Э. Ю. Оценочность в теленовостях [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnost-v-zhanre-kinoretsenzii (дата обращения: 31.01.2022).

Засурский, Я.Н. Информационное общество и СМИ [Электронный ресурс]. URL: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA (дата обращения: 29.01.2022).

Засурский, Я.Н. Система средств массовой информации России [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text/61.htm (дата обращения: 22.01.2022).

Качкаева, А.Г. История телевидения в России: между властью, свободой и собственностью [Электронный ресурс]. URL: http://ru-90.ru/old/index.php?option=com_content&view=article&id=1846:2010-11-11-16-29-30&catid=50:novosti-istoriografi (дата обращения: 01.02.2022).

Тяжлов, Я.И. Медиаобразование, медиапросвещение, медиакритика, как факторы формирования медиакомпетентности [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-mediaprosveschenie-mediakritika-kinokritika-kak-faktory-formirovaniya-mediakompetentnosti (дата обращения: 25.01.2022).

В. Д. Перегудина, студентка
А. М. Максимова, канд. филол. наук. доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ПОДКАСТ КАК НОВЫЙ ВИД МЕДИАКОНТЕНТА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ И ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Аннотация. В статье рассматривается новый тип медиаконтента – подкаст. Изучается феномен его возросшей популярности, анализируются распространённые тематики подкастов и частота их реализации в процентном соотношении, приводятся популярные каналы распространения подкастов.

Ключевые слова: подкаст, СМИ, аудио, подкастинг.

Система средств массовой информации находится в постоянном развитии, осваивая современные технические средства и учитывая изменяющиеся запросы аудитории. Как следствие, мы наблюдаем появление новых видов контента и становление системы их производства. Одной из «новинок» в системе СМИ стал подкастинг – ранее не представленная сфера создания и распространения контента. Подкастами стали называть аудиошоу, по своей форме схожие с привычными радийными программами [Старцева 2023: http].

Однако радиопрограммы и подкасты имеют ряд существенных различий. В первую очередь, это способ распространения. Если радиопрограммы можно услышать единожды на радио или через использование архивных записей, которые не всегда делает редакция, то подкасты распространяются преимущественно на специальных интернет-площадках, что позволяет возвращаться к ним снова в любое удобное время.

По некоторым данным, подкасты стали довольно популярным способом получения информации, поскольку воспринимаются аудиторией гораздо лучше, чем радиопрограммы.

«Подкасты коррелируют с видеоблогами и радиопрограммами, но дают возможность слушать или смотреть их, когда угодно, без привязки к выходу в эфир. Полагаю, это технологический формат, в котором могут реализовываться разные жанры, от авторского монолога до дискуссии, беседы, интервью и прочее», – полагает Алексей Ремыга [Ремыга 2022: http].

Интерес аудитории к новому формату аудиошоу отмечает и исследователь Юлия Потапова: «На мой взгляд, всплеск популярности подкастов обусловлен формированием общей «моды» на саморазвитие, самообучение. Особенно ярко это проявилось в первые недели локдауна в 2020 году, когда люди пытались максимально использовать ситуацию, когда они оказались “заперты” дома и развивать свои навыки <…> Именно поэтому тематические подкасты приобретают популярность, как некие “маяки” в безбрежном море различных сведений. Кроме того, подкасты удобно слушать

тогда, когда человек занят какой-либо работой, требующей включения визуальной системы и занятых рук, но при этом достаточно монотонной. Книгу читать не всегда удобно, а прослушать информацию и включиться в интересующую [тему] проще в таких условиях аудиально» [цит. по: Ремыга 2022: http]. «По популярности подкастов, думаю, маркетологи искали и нашли рекламный канал, который удобен для аудиалов <…> Формат подкастов даёт возможность присоединиться к беседе и высказаться людям, которые не очень готовы «проявляться», или стесняются чего-то, или им так безопаснее», – добавляет Елена Исаева, доктор экономических наук, профессор, руководитель бизнес-школы «Архитектоника» [Там же].

Помимо возможности слушать треки в любое удобное время и сколько угодно раз, подкасты выгодно отличаются от радийных программ более простой системой производства. Для создания подкастов не требуется дорогое оборудование и специальное помещение. В самом начале автору достаточно телефона с хорошим микрофоном, небольшой комнаты и программы, через которую будет проводится обработка и монтаж материала. Таким образом, подкасты являются медиаконтентом с самой простой точкой входа на рынок.

Тематика подкастов максимально разнообразна. И это также можно считать одним из ключевых отличий подкастинга от радиовещания. Последний ориентируется на интересы большинства. Подкастинг очень часто работает как нишевое СМИ, отвечая на информационные запросы очень небольших целевых аудиторий.

В исследовании «Brand Analytics» отмечается, что спросом пользуются подкасты о спорте (их слушает 14 % пользователей), литературе (13 %), музыке и играх (9 % в обоих случаях). Подкастами о психологии интересуются лишь 7 % слушателей, профессиональными и историческими – 6 %, а о кино и биологии слушают лишь 4 % [Кто, где и когда слушает подкасты в России 2019: http]. Однако стоит обратить внимание на то, что 28 % «Brand Analytics» относит к категории «Другие», в которых могут быть подкасты как по смешанным темам (например, игры и кино), так и по нишевым (например, подкасты «True Crime Community»).

По количеству человек и их роли в подкасте выделяют следующие виды подкастов: монолог, интервью, диалог, групповая беседа.

Монолог встречается реже остальных видов. С помощью монолога многие авторы начинают вести свой подкаст, делают пробные эпизоды, которые помогают им определиться с темой. Таковым является подкаст «История одной фотографии», где автор и ведущая Марина Шиняева.

Подкаст в формате интервью гораздо более распространён. Обычно ведущий приглашает гостя, в качестве которого выступает известная личность, эксперт или человек, чей опыт в тематике подкаста ведущий считает уникальным и достойным освещения. Пример – подкаст «БЕЗ ДУШИ» Данилы Поперечного.

Подкаст в формате диалога предполагает участие двух-четырёх ведущих и позволяет раскрыть тему эпизода с разных сторон, услышать несколько мнений по актуальному вопросу или проблеме. Например, в подкасте

«Дневники Лоры Палны» авторами являются журналисты Маша Погребняк и Митя Лебедев.

Групповая беседа представляет собой синтез вышеописанных интервью и диалога, где реализуется обсуждение вопроса или проблемы с приглашёнными экспертами. Такой подкаст есть у проекта «Выпускайте Кракена», который нередко готовит подобные выпуски.

По стилю повествования подкасты могут быть документальными, художественными и аналитическими.

В документальных подкастах к рассказу ведущего или ведущих добавляются архивные записи события, зафиксированного в аудиоформате. Делается это для того, чтобы создать эффект присутствия слушателя и подчеркнуть достоверность описываемого материала (например, подкаст «Чёрный лебедь»). Художественные подкасты строятся по типу аудиоспектакля. Они имеют композицию художественного текста (например, подкаст «Saudade»). Аналитические подкасты содержат рассуждения ведущего или ведущих, построенные по образцу аналитической статьи (например, подкаст «КОРОЧЕ»).

Подкасты могут преследовать развлекательные, образовательные, научные цели. Развлекательные подкасты завладевают вниманием слушателей посредством донесения информации в юмористическом ключе (например, «У Холмов есть Подкасты»).

Образовательные и научные подкасты выполняют просветительские задачи, преподнося аудитории интересующую её информацию в доступной для слушателей форме (например, подкасты «Искусство для пацанчиков», «Лекториум»). Информационные передают слушателям актуальные новости (например, подкаст «Честно говоря»).

Создаются также подкасты нарративные, которые представляют собой рассказы, истории в художественно-публицистическом ключе (например, подкаст «Не перебивай»), и нишевые, освещающие очень узкую тему («CLIQUE»).

Представляют интерес площадки, на которых аудитория слушает подкасты. Наиболее распространённые платформы – «Soundcloud», «Apple Podcasts» и «VK Podcasts». Платформа «YouTube» в обзор площадок для размещения подкаста не входит по той причине, что на этом хостинге располагаются видео, и подкасты чаще всего публикуются в качестве видеоматериала. С этой точки зрения видеохостинг не отвечает классическому пониманию подкаста как аудиошоу.

В заключение можно отметить, что подкаст как новый вид подачи информации развивается стремительно. Данный формат получения информации популярен, имеет возможность быстрого и дешёвого создания из-за доступности оборудования, не ограничен в выборе тематик и их подачи и распространяется на ведущих площадках в сети Интернет.

Литература

Кто, где и когда слушает подкасты в России – исследование Brand Analytics [Электронный ресурс] // Sostav. 02.10.2019 – URL: https://www.sostav.ru/publication/gde-kak-kogda-lyudi-slushayut-podkasty-39591.html (дата обращения: 10.12.2023).

Ремыга, А. Omline: Почему подкасты так популярны? Отвечают омские учёные и подкастеры [Электронный ресурс] // Трамплин. 07.01.2022. URL: https://tramplin.media/news/5/2658 (дата обращения: 10.12.2023).

Старцева, П. Что такое подкаст: объясняем простыми словами [Электронный ресурс] // Звук. 27.07.2023. URL: https://go.zvuk.com/stati/chto-takoe-podkast-obyasnyaem-prostymi-slovami.htm (дата обращения: 10.12.2023).

РАЗДЕЛ IV
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А. А. Акшенцева, студентка
Науч. рук.: А. В. Подгорская, канд. филол. наук
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

РУССКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ А. РОДЧЕНКО. ОПЫТЫ ДЛЯ БУДУЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена исследованию формальных поисков представителей русского конструктивизма, важнейшего направления в искусстве русского авангарда. Рассматривается опыт реализации художественного стиля в творчестве А. Родченко: его профессиональное становление от графических работ, коллажей, рекламы к фотографическим ракурсам и новаторским приёмам расширения границ в восприятии искусства.

Ключевые слова: авангард, русский конструктивизм, идея функциональности, А. Родченко.

Русский конструктивизм является одним из самых значительных направлений в истории искусства XX в. Смена эпох и технологический прогресс не умаляют актуальности придуманных конструктивистами выразительных средств расширения границ в восприятии искусства. Идеи конструктивизма, связанные с решением задачи отвечать общественным запросам, быть функциональным, оказали огромное влияние на различные виды искусства: дизайн, архитектуру, рекламу, фотографию.

Конструктивизм как авангардное движение возник под влиянием кубизма и футуризма и, как принято считать, зародился в 1913 г. с «живописных рельефов» – своеобразных геометрических конструкций архитектора и скульптора Владимира Татлина. Владимир Татлин начинает работать с объёмными конструкциями, которые он называет живописными рельефами, впоследствии – контррельефами. Татлин постепенно от живописи переходит к работе с пространственными композициями, он составляет композиции из объёмных материалов и начинает конструировать. В этом и проявляются истоки будущего стиля конструктивизма, хотя такое слово ещё к подобным работам стало применяться позже.

Считается, что родиной конструктивизма является СССР, однако предпосылки были и в других странах. Само слово *конструктивизм* происходит от латинского слова и означает ‘построение’. Конструктивизм постулирует сближение искусства с индустриальным бытом: строгость, геометрические формы и никаких излишеств. Главное в конструктивизме то, что форма определяется функциональностью. Конструктивизм – это стиль, который тесно связан с государственной идеологией, с революцией, с эпохой

индустриализации. В первые десятилетия XX в. в нашей стране искусство резко начинает меняться, перестраиваться. Идеи индустриального строительства, создания нового общества способствует тому, что художники начинают искать новые пути, переосмысливать искусство в соответствии с общей идеологией. Теперь в искусстве всё чаще становятся популярными идеи пользы, массовости. Многие из художников, отказавшись от традиционного академического искусства, постепенно приходят к идеям нового «производственного» искусства, на основе которого и зародился в начале 1920-х годов конструктивизм. Его основные постулаты начали разрабатываться на страницах газеты «Искусство коммуны». В этой газете содержались труды теоретиков О. Брика, Н. Альтмана, Н. Пунина, и в этой газете уже звучали идеи новой концепции «искусства будущего». Именно в данном печатном органе впервые появился лозунг «искусство в производство».

13 декабря 1920 г. Александр Родченко, Алексей Ган и Варвара Степанова объявили о возникновении нового направления. В Институте художественной культуры образовалась «Первая рабочая группа конструктивистов». Идейными руководителями этой группы были А. Ган, А. Родченко, В. Степанова. В журнале «Эрмитаж» о театре и концертной деятельности, в котором А. Ган являлся членом редакции, был опубликовал текст, содержащий объявление о формировании группы конструктивистов и их первая программа. «Искусство встаёт на путь реального и активного общественного переустроения и ищет социально-осмысленных, целесообразных форм художественного труда» [Ган 1922: 30]. В этом же году открываются две выставки, которые имеют огромное значение для истории русского конструктивизма. Выставки назывались «5×5=25». Цифра «5» подразумевает под собой пять работ и пять художников, которые участвовали в создании выставки: А. Родченко, А. Экстер, В. Степанова, А. Веснин, Л. Попова. А. Родченко на этой выставке представляет своеобразный каталог, издание, которое было выполнено не типографским способом, а вручную, на печатной машинке, а поверх печатного текста рукой В. Степановой было нарисовано название выставки.

А. Ган, как представитель партийного подхода к искусству, считал, что все необходимо документировать. В 1922 г. А. Ган выпустил программную книгу «Конструктивизм», где с первой же страницы объявлялась война чистому искусству. В этой программной книге автор заявил, что Пролетарская революция способствовала появлению конструктивизма. А. Ган подчёркивал важность ухода от ненужной эстетики к рациональному конструированию и привязанности предметов нового искусства к решению общественных задач: «В области культурного строительства реально ценно только то, что неразрывно связано с общими задачами революционного дня» [Ган 1922: 42].

По мере того, как это течение в искусстве развивалось, появлялось множество теоретических публикаций, журналов, книг, в которых раскрывались какие-либо программные установки конструктивизма; в них же рассматривалась сама теория данного течения (например, Б. Арбатов «Искусства и производства», «Об агит и прозискусстве»; Н. Тарабукин «От

мольберта к машине» и др.). Во многих таких теоретических сочинениях звучали одни и те же идеи, которые раскрывали саму концепцию течения. В этих изданиях говорилось о том, что стоит отказаться от ненужного украшательства в любом искусстве и примкнуть к более рациональному подходу, к конструированию полезных предметов для общества. В этих теоретических сочинениях отрицалось «чистое» искусство, подобно тому, как А. Ган говорил об объявлении войны «чистому» искусству в своей программной книге, которую мы упоминали выше. Предлагалось сделать акцент на индустриальном производстве, то есть создавать такие предметы искусства, которые дальше могли бы выйти в производство, быть полезными, а не существовать только для эстетического наслаждения.

А. Родченко был не только одним из родоначальников конструктивизма, но и ярким представителем этого направления. Его творчество – это всегда поиск и эксперимент. Рассмотрим новаторские приёмы работы Родченко в сфере изобразительного искусства, архитектуры, дизайна, фотографии.

Эксперименты с плоскостью. Плоскость в изобразительном искусстве всегда считалась основой рисунка, а также действующим элементом композиции. С наступлением XX в. художники начинают задумываться о том, что плоскость может существовать как самостоятельный абстрактный элемент изображения. Плоскость помогает осмыслить пространство, например, в конструктивизме с помощью плоскости осмысляется функциональность. Проектные работы А. Родченко начинаются с плоскости, так как он считает, что плоскость – это пространственный элемент. Чтобы достичь должного эффекта А. Родченко подчёркивает значимость фактуры. Именно она способна простую живописную форму превратить в реальный проект. А. Родченко разрабатывает формулу вещи, которая трактуется как гармоничное сочетание объёмов. Эти формулы он применил впервые, когда разрабатывал проекты светильников в кафе «Питтореск». Интересно то, что в основе данных светильников была идея трансформации плоскости.

В основе теории конструктивизма всегда лежала идея о функциональности, практичности предметов искусства. Именно эту идею в сочетании с идеями о пространстве как об отдельном элементе композиции А. Родченко воплотил в работах отдела Парижской выставки «Рабочего клуба» – образца удобства и целесообразности, где само оборудование лаконично, лишено громоздкости и подвижно. А. Родченко, по сути, занимался проектированием интерьера этого отдела. Он как архитектор разработал целые устройства, в основе которых лежал принцип функциональности, подвижности.

Линии. В своих теоретических работах «Линия» и «Все – опыты» А. Родченко объявил линию единственным элементом своих картин. Он открыл значение линии как конструктивного элемента [Родченко 2008]. Линия – это некая промежуточная стадия между живописью и чертежом. С помощью линий можно делать чертежи реальных вещей. Линия для Родченко – это основа, каркас любой конструкции. «В линии выявилось новое мировоззрение – строить по существу, а не изображать» [Родченко 2008: http]. По сути, конструктивизм берет начало с линии, ведь построение чертежа начинается с

линий. Для Родченко линия – это и техническое средство, и графический элемент, и часть инженерной конструкции. Например, в дизайне полиграфической продукции Александр Родченко не только использовал линию как часть композиции, но и с помощью невидимых линий организовывал пространство.

Перспектива и пространство. В XX в. в конструктивизме изображение строится таким образом, что сам окружающий нас мир, визуальную составляющую можно рассматривать с разных точек зрения, нет такой привязанности к героям композиции. В графическом дизайне и фотографии конструктивизма перспектива и пространство вкупе создают некий союз искусства и науки. А. Родченко, используя геометрию композиционных схем, создаёт новую версию пространства с новой перспективой. Новая, нестандартная перспектива привлекает внимание особенно в рекламных плакатах, заставляя зрителей направлять свой угол зрения по направлению линий, находя точку пересечения. Например, для обложки книги «Маяковский. Сергею Есенину» А. Родченко использовал технику фотомонтажа, где выбрал фотографии с разными перспективами, но смог их объединить так, чтобы они гармонично смотрелись. Способность по-новому расставить точки восприятия фотографии называлась «новое видение», то есть особое течение, которое сформировалось под влиянием конструктивизма.

Идеи конструктивизма в совокупности с творческими экспериментами А. Родченко нашли свое воплощение в дизайнерских приёмах творческого объединения «Реклам-конструктор: Маяковский – Родченко». Родченко создавал дизайн, Маяковский писал лозунги. В результате своей работы они создали собственную марку. Острый, лаконичный язык Маяковского в сочетании с ярким, геометричным, динамичным стилем Родченко рождали уникальные примеры плакатной рекламы. Плакаты, которые А. Родченко делал совместно с В. Маяковским, являются примером отличного сочетания лаконичных, ярких, лозунгов и такого же яркого, необычного дизайна. Они сотрудничали с Моссельпромом, Госиздатом, Резинотрестом, Чаеуправлением, Мосполиграфом и др. Во всех работах А. Родченко придерживался идей конструктивизма. Он любил экспериментировать со стилем, дизайном. В рекламных плакатах Родченко можно выделить уникальные черты, которые являются составляющими его стиля. Если проанализировать несколько плакатов Александра Михайловича, созданных совместно с Маяковским, то можно выделить характерные черты: броские шрифты, геометричность, использование линий и диагоналей, ограниченная палитра цветов, контраст, фотомонтаж и др. [Ермилова 2017].

А. Родченко известен и работами в области фотографии. Он разработал новаторские приёмы построения композиции, оставив яркий след в истории советской фотографии. Родченко начал свой путь в фотографии с фотомонтажа, с портретных фотографий и экспериментов с ними. Важнейшей особенностью, новаторством фотографии А. Родченко становится ракурс. Ракурсы – это резкие точки съемки, которые не были присущи фотографии того времени. У Родченко это чаще всего съёмка либо с верхнего ракурса, либо с нижнего ракурса.

Второй новаторский приём А. Родченко – диагональ. У него диагональ чаще всего совмещается с верхним ракурсом. Диагональ – это выразительное средство фотографии, придающее изображению динамику. Родченко сознательно «заваливает» линию горизонта, причём делает это очень резко, на 45° для создания эффекта динамики даже в таком статичном искусстве, как фотография.

Конструктивизм прочно вошёл практически во все сферы жизни. Произведения конструктивистов очень часто использовались на практике, что соответствует основной концепции этого направления. Конструктивистские приёмы Родченко оказали огромное влияние на советское искусство и до сих пор используются в современном искусстве. Являясь новатором, Родченко всегда находился в поиске. «И в жизни мы, человечество, есть опыты для будущего», – писал Родченко в дневнике [Родченко 1996: 124]. Истинный создатель конструктивизма, он предпочитал видеть необыкновенными обыкновенные вещи, расширяя пространство их восприятия.

Литература

Гаврилин, К.Н. Александр Родченко и его круг. Мечты о пространстве. Конструктивный мир: проекты и объекты, живопись и графика, экспериментальная фотография, фотомонтаж и фоторепортаж / Москва, Норильск, 2019. 216 с.

Ган, А. Конструктивизм. 1922. Тверь: Тверское издательство, 1922. 70 с.

Ермилова, Д.Ю. Советский конструктивизм как творческая концепция в дизайне XX века [Электронный ресурс] // Сервис plus. 2017. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-konstruktivizm-kak-tvorcheskaya-kontseptsiya-v-dizayne-hh-veka/viewer (дата обращения: 01.12.2023).

Родченко, А.М. Линия / [Электронный ресурс] // LifeJournal: интернет-портал, 27.11.2008 г. URL : https://j-volfson.livejournal.com/147945.html (дата обращения: 02. 12.2023).

Родченко А.М. Опыты для будущего = Experiments for the future: Дневники. Ст. Письма. Записки. М.: Грантъ, 1996. 416 с.

Сарабьянов, А. Русский авангард и не только. Москва: Аст, 2023. 304 с.

К. В. Барсукова, студентка
Л. Н. Чурилина, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА: ТЕМА «БАЛЕТ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье нашли отражение результаты семантического анализа фрагментов русскоязычного поэтического дискурса, объединённых темой «балет». Исследование проведено с целью выявления специфики функции и изобразительного потенциала слова, в том числе и элементов специального словаря. Универсальность языка-кода даёт возможность поэту зафиксировать в вербальной материи своеобразие танца – принципиально иной кодовой системы.

Ключевые слова: поэтический дискурс, функция, слово, специальная лексика, семантика.

Человеческий язык и слово как его основная единица в семиотике наделены статусом *универсального кода*, что предполагает признание истинным утверждения: «любую знаковую систему можно “заменить” единицами естественного языка», но обратное неверно. Универсальность проявляет себя в двояком отношении языка к иным знаковым системам («быть включённым» / «включать в себя») [Степанов 1998: 13-14]. Человеческий язык «включает в себя» все знаковые (и не только знаковые) системы, вступая с этими системами всякий раз в достаточно специфические отношения. Интерес для филологии представляет не столько специфика соотношения естественного человеческого языка (далее ЕЯ) и, условно, «языка пчёл», сколько соотношение ЕЯ и иных кодовых систем, созданных человеком, – языков культуры (живопись, музыка, архитектура, танец и др.). Безусловная соотнесённость антропных по определению кодовых систем даёт возможность перекодирования информации. И возможность эту носитель языка использует, даже не отдавая себе в этом отчёта.

Что касается собственно филологических исследований в области «перекодирования», то можно говорить о сложившейся традиции в изучении жанров литературного портрета и литературного пейзажа (традиционность, однако, не исключает актуальности проблемы; см. публикации последнего времени [Ползунова 2023], [Левина 2009], [Жантурина 2021] и многие др.), чего нельзя сказать о двух других видах искусства – музыке и танце, обладающих не менее богатыми знаковыми системами.

Символическая природа традиционного танца является привычным объектом исследования в культурологии и семиотике. Факт детерминированности каждого движения в танце культурой этноса никем не оспаривается, что позволяет говорить о традиционном (народном, этническом) танце как о тексте, транслирующем значимую для этноса информацию, т. е. детерминированным культурой этноса. Природа классического балетного танца также основана на системе символов: движения тела встроены в сюжетную канву балета-текста (попыткой перекодирования на ЕЯ является либретто) и одновременно призваны эксплицировать эмоции танцовщика-персонажа. При этом «язык балета» интернационален и профессионален, что делает его декодирование возможным на любом ЕЯ.

Интерес для нашего исследования представляют способы вербализации в художественном тексте на русском языке «балетного движения». Цель исследования – выявить набор лексических единиц, связанных с выполнением этой функции, в том числе и элементов специального (профессионального) языка, или терминов.

Материалом исследования послужили фрагменты, выделенные в текстах А. С. Пушкина («Евгений Онегин»), И. А. Бродского («Михаилу Барышникову») и М. Кузьмина («Балет»).

Балет как арт-объект за последние два столетия обрёл собственный язык – собственный словарь, обслуживающий профессиональный дискурс [Терминология в балете: http]; абсолютное большинство элементов этого словаря представляет собой названия специфических движений и практически исключительно – заимствования из французского языка. Появление этой лексики в русском художественном тексте возможно, но, как показывает читательский опыт, отмечается крайне редко; показателен в этом случае текст М. Кузьмина:

Целует руку... «Ах... мне дурно!
Измены мне не пережить!
Где бледная под ивой урна,
Куда мой легкий прах сложить?»
Но желтый занавес колышет
***Батман**, носок и **пируэт**.*
Красавица уж снова дышит,
Ведь этот мир – балет, балет!

Подчёркнутая театральность, искусственность, декоративность изображаемой сцены и её участницы вполне коррелирует с вынесенным в инициальную позицию (в заглавие) именем *балет* («1. Вид сценического *искусства*, сочетающий хореографию, музыку и *драматургию*. 2. *Театральное представление*, состоящее из танцев и пантомимы, сопровождаемых музыкой [БТС: http]). В рамках заданного смыслового поля использование профессиональной лексики (*батман*, *пируэт*) предсказуемо и оправданно. Интерпретация текста возможна и в случае, если читателю не известно точное значение терминов: доминирующим в представленном фрагменте текста оказываются семы ‹искусственность›, ‹неестественность›. Некоторая загадочность, непонятность включённых лексических элементов отвечает замыслу автора.

В балетной зарисовке А. С. Пушкина акцент сделан на изобразительности, автор пытается передать результаты визуального восприятия, впечатление зрителя театрального представления, и вызвать в сознании читателя соответствующие образы:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она
*Одной **ногой касаясь** пола**,***
*Другою **медленно кружит,***
*И **вдруг прыжок**, и **вдруг летит,***
***Летит, как пух от уст Эола**,*
*То **стан совьёт**, то **разовьёт**,*
*И **быстрой ножкой ножку бьёт**.*

Представ перед зрителем практически бестелесной (*полувоздушна*), балерина постепенно обретает более отчётливый физический облик (*нога*, *стан*, *ножка*). Вербализаторами её движений становятся общеупотребительные глаголы тематической группы «активное физическое действие» (*касаться*,

кружить, лететь, свить / развить, бить) и связанное с ними семантически имя *прыжок* («Быстрое перемещение тела в воздухе после отталкивания от какой-л. точки опоры» [БТС: http]). Обращает на себя внимание многократное повторение в границах весьма небольшого фрагмента семантического компонента ‘быстро’, вступающего в антонимические отношения со значением лексемы *медленно*. Очаровывающая зрителя лёгкость прыжка передаётся отсылающей к истокам европейского театрального искусства метафорой с ключевым компонентом *пух* (*как пух от уст Эола*). Имя греческого бога Эола, хранителя и повелителя ветров, призвано подчеркнуть эту лёгкость в сочетании со скоростью полёта танцовщицы.

Посвящённый великому танцовщику текст И. А. Бродского в изображении происходящего на сцене подчёркнуто физиологичен. Фоном для реализованной уже Пушкиным метафоры полёта здесь становится безусловная телесность:

В имперский мягкий плюш мы втискиваем зад,
*и, **крылышкуя скорописью ляжек**,*
красавица, с которою не ляжешь,
***одним прыжком выпархивает** в сад.*

Зритель Бродского циничен – он видит земную, вполне телесную женщину, но недоступную, отделённую от наблюдателя *«пиликающей ямой оркестровой»*. Её прыжок также быстр и лёгок (*выпархивает*), но это не «божественная» лёгкость – танцовщица крылата (авторское новообразование – *крылышкуя*), и её крылья – ноги. Идея полёта в тексте дублируется в связи с упоминанием Анны Павловой, прыжок которой ассоциируется с пролётом моста (ассоциация с Петербургскими мостами и классической балетной школой этого города): *«И если что-нибудь **взлетало в воздух**, // то был не мост, а Павлова была»*.

Летает и танцовщик, но этот полёт иной физиологической природы – в нём важна не лёгкость, а сила:

Усилие ноги** и **судорога торса
*с **вращением** вкруг собственной оси*
*рождают тот **полёт**, которого душа*
как в девках заждалась, готовая озлиться!

За счёт акцентирования физиологической – «мышцевой» (*судорога* – «сокращение мышц» [БТС: http]) – природы изображаемый танец обретает новые черты: он агрессивен и одновременно одухотворён. Метафора Бродского, в отличие от пушкинской, имеет сугубо русские корни: отсылает к паремии *в девках засидеться* (возможные семантические обертоны – «долго оставаться нереализованным», «желать перемен»). При этом текст даёт основания для двоякой её интерпретации: и связанной с эмиграцией Барышникова, обретением им свободы; и с высвобождением в танце физической энергии.

Проанализированный материал, а его небольшой объём неслучаен, позволяет заключить следующее. Изобразительный потенциал русского слова в области балетного искусства практически не реализован: «балетных» текстов,

дающих материал для наблюдения, в русской литературе немного. Видимо, это имеет объективные основания: «двигательный» код танца с трудом переводится в область ЕЯ, а имеющийся профессиональный язык в силу его заимствования инороден русскому тексту.

Однако и в этой объективно сложной ситуации поэтам удаётся выразить невыразимое: используя минимум средств, они передают и очарование, и силу, и одухотворённость движения. Говорить о сформировавшейся лексико-тематической группе, функционально связанной с перекодированием танцевального движения, достаточных оснований нет.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения 16.03.2024).

Жантурина, Б.Н., Вашунина, И.В. Перцептивные модули и виртуальная креолизация текста в словесном пейзаже // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 6-1. С. 53-59.

Левина, В.Н. Концептуализация пейзажа в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 398-413.

Ползунова, М.В., Емельянова, Е.М. Исследование сложного речевого жанра «портрет персонажа» на примере художественного произведения М. Петросян «Дом, в котором…» // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 5. С. 147-155.

Степанов, Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: «Языки русской культуры», 1998. 784 с.

Терминология в балете [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Терминология_в_балете (дата обращения 20.03.2024).

М. В. Бебешко, студентка
Науч. рук.: Е. Н. Деревскова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

НОМИНАЦИЯ ОДЕЖДЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу лексики, отражающей фрагмент мира вещей в художественном тексте. Исследование парадигматических и синтагматических связей слов в текстовой лексико-тематической группе «Одежда», выявление текстовых смыслов позволяют реконструировать особенности мира, в котором живёт человек.

Ключевые слова: лексика мира вещей, текстовая лексико-тематическая группа, парадигматика, синтагматика, значение, смысл.

Слову как фундаментальной единице языка уделяется особое внимание. Это связано с его ключевой ролью как в системном анализе языка, так и в исследовании сферы коммуникации. Л. Н. Чурилина акцентирует внимание на особой роли слова при создании «художественной модели мира», отмечая его

значение в антропоцентрическом измерении функциональной лингвистики [Чурилина 2002: 283]. Лексика, организующая мир вещей в художественном тексте, способна не только показать особенности фрагмента модели мира, но и рассказать о личности, которая живёт в этом мире. Задача настоящей статьи – реконструкция фрагмента мира вещей человека, чья свобода ограничена лагерным заключением. Лингвистическим материалом для статьи послужила повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Миром вещей в художественном произведении, согласно А. Б. Есину, принято называть совокупность всех материальных объектов, включённых автором в сам текст. В любом художественном произведении вещь является ярким средством характеристики не только художественного пространства, но и персонажей**.** При помощи вещей читатель способен лучше понять мир героев произведения, ведь именно они выражают сложные психологические состояния персонажей, целый спектр чувств и эмоций. Предметный мир способен отразить и философские, идеологические искания, социальные проблемы. Всё это становится, в конечном итоге, неотъемлемой частью художественного мира произведения [Есин 1981: 23].

Предмет исследования – одна из текстовых лексико-тематических групп – группа «Одежда». Методом сплошной выборки из текста было выделено 22 лексические единицы, которые входят в анализируемую группу. Рассмотрение лексического значения слова *одежда* [Словарь русского языка: в 4 т.: http] позволил выделить интегральный семантический компонент анализируемых лексем: ‘предмет, которым покрывают тело’. В зависимости от того, какая часть тела покрывается, слова были объединены в подгруппы.

Первая подгруппа «Верхняя одежда» включает родовую лексему *одежда.* Поскольку лагерная жизнь предполагает антагонистические отношения (тот, кто работает с заключёнными – тот, кто заключён), то в группу «Верхняя одежда» входят лексемы, определяющие эти отношения. Так, лексемы: *гимнастёрка* (‘верхняя рубашка из плотной ткани, с прямым воротом’, ‘военная форменная одежда’), *шинель* (‘форменное пальто со складкой на спине и хлястиком’), *халат* (медицинский) – это форменная одежда, что вербализовано в значении самих слов и подтверждается текстовыми фрагментами: «Раздевшись до грязных своих *гимнастёрок,* двое *надзирателей* игралив шашки»; «А Татарин в своей старой *шинели с* замусленными голубыми петлицами шёл ровно, и мороз как будто совсем его не брал»; «А в дежурке сидел фельдшер – молодой парень Коля Вдовушкин, за чистым столиком, в свеженьком белом *халате* – и что-то писал». Одежда конвоира – это не только форма, но и одежда, которая характеризуется как тёплая и удобная: *полушубок*, *тулуп*: «*Конвоиры* все в *полушубках,* лишь шестеро в *тулупах*. *Тулупы* у них сменные: тот надевает, кому на вышку идти».

Синонимом наименования *одежды* заключённого становится лексема *рвань:* «А заключённые, уже одетые во всю свою *рвань,* перепоясанные всеми верёвочками, обмотавшись от подбородка до глаз тряпками от мороза, – лежат на нарах поверх одеял в валенках и, глаза закрыв, обмирают». Видовое разнообразие одежды заключённого невелико: *телогрейка* (‘стёганая ватная

куртка’), *бушлат* (‘суконная куртка’), *брюки*. Принадлежность одежды заключённого идентифицируют номерные знаки, которые нанесены на верхнюю одежду: «Ще – восемьсот пятьдесят четыре! – прочёл Татарин с белой латки на спине черного *бушлата.* – Трое суток кондея с выводом!»; «проталкивали ноги в черные ватные *брюки* с номерами на левом колене». Лексема *бушлат* в сочетании с прилагательным *деревянный* выступает и в переносном значении *гроб:* «В контрразведке били Шухва много. И расчёт был у Шухова простой: не подпишешь – *бушлат деревянный*, подпишешь – хоть поживёшь ещё малость. Подписал». Лексема *тряпочка* (‘лоскут ткани’) в тексте приобретает иной смысл: *тряпочка* – ‘вид одежды, который может защитить от ветра’: «Шухов решил надеть *тряпочку. Тряпочка* на случай встречного ветра у него, как и у многих других, была с двумя *рубезочками* длинными. Признали зэки, что такая *тряпочка* помогает».

Номинация одежды может отражать и неравенство, существующее среди самих заключённых: *рубашка*, *рубаха байковая* (‘мягкая ворсистая’), жилетик и его текстовый синоним напузник: «На Шухове-то всё казённое, на, щупай – грудь да душа, а у Цезаря *рубаху байковую* записали, а у Буйновского, кесь, *жилетик* или *напузник* какой-то».

В группу «Верхняя одежда» включены лексемы, которые связаны с предшествующими меронимическими отношениями: *лоскут, номер* – кусок материи, на котором выведен номер заключённого: «<…> Шухов, как был в ватных брюках, не снятых на ночь (повыше левого колена их тоже был пришит затасканный, погрязневший *лоскут,* и на нем выведен чёрной, уже поблекшей краской *номер* Щ-854), надел телогрейку (на ней таких *номера* было два – на груди один и один на спине), выбрал свои валенки из кучи на полу, шапку надел (с таким же *лоскутом* и *номером* спереди) и вышел вслед за Татарином».

Верёвочка, бечёвка (‘изделие из кручёных или витых в несколько рядов длинных прядей пеньки, употребляемой для завязывания и других хозяйственных надобностей’) является непременным элементом одежды каждого заключённого: «Бушлат по поясу он хорошо затянул *бечёвочкой»;* «На ТЭЦ придя, прежде всего он достал спрятанный мастерок и засунул его за свою *верёвочную опоясочку*».

Вторая подгруппа «Одежда для ног» включает как слово-гипероним *обувь*, его стилистически окрашенный просторечный синоним – *обутка,* так и гипонимы, в значениях которых актуализирована разная информация: *валенки* (‘зимняя обувь’), *ботинки* (ʻобувь, закрывающая ногу по щиколотку’), *лапти* (ʻплетёная обувь из лыка, охватывающая только ступню ноги’). К этому ряду относится и аббревиатура *ЧТЗ*, приобретающая текстовый смысл ʻобувь, сделанная из шин’. Лексема стилистически окрашена и относится к лагерному жаргону. Если восстанавливать этимологию этой лексемы, то происходит она от аббревиатуры *ЧТЗ* – Челябинский тракторный завод – машиностроительное предприятие по разработке и производству колёсной и гусеничной дорожно-строительной техники.

Ни одна из этих лексем (кроме жаргонной *ЧТЗ*) в системе языка не информирует об особенностях тех жизненных ситуаций, в которых человек

носит такую обувь. На особенность жизни заключённого указывают синтагматические связи, представленные в тексте. Привычными видами *обутки* для любого времени года были *лапти* и *ЧТЗ*: «Разных порядков с *обувью* нагляделся Шухов за восемь лет сидки: бывало, и вовсе без валенок зиму перехаживали, бывало, и ботинок тех не видали, только *лапти* да *ЧТЗ*». *Валенки* и *ботинки* не могли быть выданы одному заключённому лицу, что актуализируют сочетания-оксюмороны: *ботинки всю зиму, валенки в оттепель*: «Мол, непорядок – чтобы зэк две пары имел сразу. И пришлось Шухову выбирать: или в *ботинках* всю *зиму* навылет, или в *валенках* хошь бы и в *оттепель*, а *ботинки* отдай».

К одежде для ног можно отнести и лексему *портянки* – ʻкусок ткани для обмотки ног вместо чулокʼ: «*ботинки* дюжие, твердоносые, с простором на две тёплые *портянки*».

Третья подгруппа «Одежда для головы» немногочисленна: *чепчик* – наименование медицинского головного убора: «На нём был *чепчик* белый, халат белый, и номеров видно не было» и *шапка*: «Сидеть в столовой холодно, едят больше в *шапках*».

Четвёртая подгруппа «Одежда для рук» включает две лексемы, связанные гиперо-гипонимическими отношениями: *перчатка* (изделие из ткани, ниток, кожи с отделением для каждого пальца, надеваемое на кисть руки) и *рукавичка* (род перчатки с одним только большим пальцем). *Перчатка* – это предмет одежды конвоира: «Они обхлопывали зэка по бокам опоясанной телогрейки, хлопали по единственному положенному карману на правом колене, сами бывали в *перчатках* <…>». *Рукавичка* – предмет одежды заключённого. Признаковое слово *худой* (негодный, изношенный, ветхий), синтагматически связанное с лексемой *рукавичка,* актуализирует информацию о негодности этого предмета одежды: «Руки в работе, а пальцы всё ж поламывает сквозь *рукавички худые*».

Таким образом, проанализировав лексику, являющуюся номинацией предметов одежды, мы выделили несколько подгрупп, традиционных для языковой системы: 1) верхняя одежда; 2) одежда для ног; 3) одежда для головы; 3) одежда для рук. Анализ текстовых смыслов слов, входящих в подгруппы, позволяет говорить о том, что номинанты одежды могут отражать экстралингвистическую ситуацию, характерную для отношений которые возникают в лагерном заключении. Выделяются лексемы-номинанты одежды конвоиров, которые в структуре значения вербализуют информацию о добротности, хорошем качестве одежды; и лексемы-номинанты одежды заключённых. В этом случае парадигматически связанными оказываются слова, которые в системе языка являются наименованиями одежды, и слова, которые это значение приобретают только в тексте. Синтагматические связи актуализируют информацию о непригодности одежды для ношения.

Литература

Есин, А.Б. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л.: Советский писатель, 1981. 431 с.

Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985-1988. URL: http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm (дата обращения: 14.02.2024).

Солженицын, А.И. Рассказы. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 588 с.

Чурилина, Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб: Издательство РПГУ им. Герцена, 2002. 283 с.

К. С. Конопацкая, студентка
Науч. рук.: А. В. Подгорская, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

СПЕЦИФИКА ЖАНРА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КОМИКСА (НА МАТЕРИАЛЕ ГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ А. ШПИГЕЛЬМАНА «МАУС», М. САТРАПИ «ПЕРСЕПОЛИС», А. РАХМАНЬКО И М. СОММЕРА «ТВОЙ ДЕДУШКА ВАСЯ»)

Аннотация. Статья посвящена изучению жанра документального комикса в парадигме средств массовой информации на примере графических романов. Внимание к данной теме обусловлено малой проявленностью жанра в российских медиа и в научной сфере в целом. В ходе художественного анализа графических романов автор обозначает специфику формата комикса как независимого визуального медиума и выявляет черты, отличающие его от других визуальных форм.

Ключевые слова: комикс, графический роман, графическая журналистика, комиксная журналистика.

Комикс – это уникальный формат, который может быть задействован в любой сфере, в том числе в журналистике. Скотт МакКлауд отметил такую отличительную черту формата комикса, как «изображения, сопоставленные рядом в продуманной последовательности для передачи информации и / или получения эстетического отклика от зрителей» [МакКлауд 2016: 9]. Благодаря своему конвергентному характеру, комикс предлагает авторам новые инструменты для воплощения привычных журналистских жанров: расследование, репортаж, сатирический комментарий, заметка и даже интервью. Дополнительные уровни композиции (вербальный, невербальный и языковой) помогают воссоздать обширное авторское видение событийного содержания, добавляют высокий уровень эмоциональности и экспрессивности, которые в свою очередь служат аттрактивным средством.

Комикс является достаточно широким направлением внутри которого выделяются свои жанры. В данной статье рассматриваются документальные комиксы, так как они представляют наибольший интерес для журналистики. Исследовательница Н. Миквиц подчёркивает, что документальные комиксы основываются на реальном опыте и не являются вымыслом автора. В контексте журналистики «документальный комикс» становится почти эквивалентным «журналистскому комиксу» благодаря репортажному характеру. Различия

между понятиями «документальный комикс» и «журналистский комикс» связаны с тем, что «документальный комикс» носит более публицистический характер. В настоящее время активно проводятся теоретические исследования документального комикса, однако изучению механизма работы комикса уделяется меньше внимания, поэтому необходимо конкретизировать понятийную базу на примерах, объясняя, как может функционировать формат комикса в руках журналиста [Mickwitz 2016: 29].

Для подробного анализа нами были выбраны графические романы «Маус» Арта Шпигельмана, «Персеполис» Маржан Сатрапи и «Твой дедушка Вася» Анны Рахманько и Миккеля Соммера.

Графический роман «Маус» А. Шпигельмана стал знаковым для всего формата комикса. Автор показал его огромный потенциал, определил структуру, необходимую для продуктивного повествования биографической истории. Этот роман стал продуктом своего времени. Он был написан в «бронзовый век» комиксов, когда на волне их массового упадка авторы старались переосмыслить творчество. С учётом того, что комикс перестаёт быть передовым явлением массовой культуры, авторы начинают писать о волнующих темах без цензуры. В 1985–1990-х годах комиксы приобретают постмодернистский характер, в них начинают исследоваться мотивы разочарования, безнадежности, насилия, неоднозначности понятий добра и зла. Основной аудиторией комиксов становятся взрослые люди [Моррисон 2019: 265

С 1980 по 1991 гг. А. Шпигельман публикует «Маус I. Мой отец кровоточит историей» и «Маус II. И тут начались мои неприятности», которые в дальнейшем будут выпущены одним изданием. В 1922 году «Маус» становится единственной работой в формате комикса, которая получила Пулитцеровскую премию. По сей день этот комикс изучают в университетах.

Для нашего исследования «Маус» интересен своеобразием визуального языка, используемого автором; структурированием нарратива; красочной детской формой комикса, передающего трагическую историю; художественным и социально-политическим потенциалом. Визуальный язык комикса становится новаторским. Прежде комикс ассоциировался с легким чтивом или детское занятие, а потому основной акцент делался на красочных иллюстрациях. А. Шпигельман представляет в «Маусе» любопытную иерархию: чтобы уравновесить внимание читателя: он создает приятных и неброских героев, уходит от цветной картинки и формирует отношения между глубинами, формами изображения. Так наравне с визуальной информацией начинает выступать и текстуальная, заключённая в рамки в виде кругов – баббло.

Другим интересным решением в комиксе становятся визуальные образы героев. А. Шпигельман даёт каждой нации своё животное: евреям – мышей, немцам – кошек, французам – лягушек, американцам – собак и т. д. Такой язык сближает комикс А. Шпигельмана «Маус» с классическим произведением Оруэлла «Скотный двор». Однако здесь наблюдается различие: если Оруэлл утверждает, что люди – это животные, то Шпигельман подвергает это

положение сомнению. В «Маусе» абсурд, получая новый облик, демонстрирует ошибочность стереотипных представлений о нациях.

Отдельного внимания заслуживает сама стилистика иллюстрации. По-детски просто изображённые животные оказываются в декорациях трагических событий. Такой ход вызывает у читателя противоречивые чувства. Тревожные настроения иллюстрация Шпигельмана приобретает от штриховки пером, чёрно-белых тонов и простой композиции. В комиксе отсутствуют сложные развороты с чётко детализированными баталиями – повествование становится камерным и личным. Такой подход к визуальному языку идеально показывает конвергентный характер документального комикса, так как в начале истории лежит разговор сына и его отца, пережившего Освенцим.

Графический роман «Маус» основан на реальных событиях – на истории жизни польского еврея Владека Шпигельмана, отца самого Арта Шпигельмана. «Маус» на протяжении всего комикса раскрывает две сюжетные линии: прошлое – жизнь главного героя до и во время Второй мировой войны, немецкая оккупация и концлагерь; настоящее – комната, в которой сын слушает историю отца и пытается осмыслить её, чтобы потом воссоздать в комиксе. Параллельно в повествование включены настоящие архивные фотографии семьи Шпигельмана, карты военных действий, которые только подтверждают его историю.

Приём использования архивных элементов в графическом романе «Маус» унаследуют и другие работы в жанре документального комикса. Как и репортаж, это жанр, в котором реальные факты подаются через авторское видение, ощущение, его комментарии. Здесь также есть элементы информационных жанров журналистики: повествование, прямая речь, авторское отступление и т. д. Но вместо детального текстуального описания для визуализации действительности авторы пользуются графической иллюстрацией.

Роман Маржан Сатрапи «Персеполис» наследует характерные черты «Мауса», его постмодернистский характер. «Персеполис» – автобиографический документальный комикс, который публиковался во Франции с 2000 по 2003 гг. Позднее комикс был экранизирован в 2007 г. Этот полнометражный анимационный фильм получил премии «Сезар» и Каннского фестиваля, был номинирован на Оскар. В Европе «Персеполис» был признан публикой, однако власти Ирана негативно оценили и мультфильм, и комикс. Правительственная организация потребовала изъять фильм из проката, так как он якобы «представляет неправдоподобный взгляд на достижения и результаты великой Исламской революции» [Rare Iran screening… 2008: http].

Визуальный язык «Персеполиса» отличается от языка «Мауса». Однако «Персеполис» окончательно формирует подход к созданию стилистики иллюстрации для документального комикса – он отражает настроение и философию, которую стремится донести автор. Если в иллюстрации «Мауса» было много аллегорий и тревожных настроений, то в романе М. Сатрапи очень много антитез. Визуально «Персеполис» кажется очень простым: в нем отсутствуют полутона, существуют только белые и чёрные цвета. Именно так

М. Сатрапи показывает основную проблематику – отсутствие плюрализма мнений, когда существуют только «белое» и «чёрное». Пятно здесь имеет большое значение: оно придаёт форму и контрформу всем объектам.

«Персеполис» охватывает широкий промежуток жизни лирической героини Маржан Сатрапи – с 10 до 24 лет. Художница рассказывает, как она переживала последствия Исламской революции 1980 г., и как она отразилась на её жизни. На протяжении всего комикса Сатрапи в откровенном разговоре с читателем делится сведениями, как она растёт, переживает бомбардировки и давление общества. Так «Персеполис» раскрывает проблему маленького человека, который сталкивается с войной: Сатрапи старается бороться за права женщин на своей родине, но терпит поражение.

Не менее интересные визуальные решения представлены в российском комиксе «Твой дедушка Вася». В отличие от двух рассмотренных выше работ, «Твой дедушка Вася» был создан в соавторстве журналисткой Анной Рахманько и датским художником Миккелем Соммером. Если две описанные работы относятся к постмодернистскому этапу развития комикса, то «Твой дедушка Вася» является представителем нового витка развития – метамодернизма. Здесь переосмысливаются ранее устоявшиеся нормы иллюстрации, а повествование транслирует скорее прагматический романтизм.

Визуальный язык документального комикса очень эмоциональный: он постоянно дрожит, прерывается и становится отдельным участником событий. Если продолжать сравнивать иллюстративные приёмы с литературными, то здесь авторы могли бы использовать множество эпитетов и метафор для передачи страха и растерянности, которые переживают герои комикса. У кадров нет границ, привычных для формата комиксов, – одна рамка перетекает в другую, нарушает устоявшиеся правила написания комикса. Здесь границы иллюстраций плотно прижаты друг к другу, создают ощущение постоянной «давки».

Благодаря тому, что за текстуальную информацию комикса отвечала журналистка, в данной работе как метод сбора информации использовалось интервью. Так, родственница Анны Рахманько, Любовь, рассказывает о том, как проходила её ссылка. Во всех текстуальных и визуальных подробностях показан ужас депортации на Крайний Север: голодная смерть, обморожения прямо в поезде, тяжёлые болезни. В качестве метода доказательства происходящих событий, как и в «Маусе», используются архивные фотографии семьи Рахманько.

Можно подытожить, что в действительности документальный комикс «Твой дедушка Вася» не совсем следует примеру конвергентного текста – если из комикса уйдут иллюстрации, то повествование будет восприниматься так же, как и прежде. Дело в том, что здесь комикс использовался как дополнение журналистского текста – иллюстрация делает историю более эмоциональной для читателя, а потом поднимает проблему ссыльных жителей Сибири.

В конечном счёте можно выделить среди описанных выше взрослых документальных комиксов некоторые нарративные и визуальные тенденции.

Биографический характер. В основе комикса всегда лежит история одного ключевого человека, его внутренние переживания. Но сам комикс далёк от формата биографии в том смысле, что графические романы стараются охватить не жизнь в целом, а наиболее проблемные и значимые этапы жизни человека, которые соответствуют основной идее произведения. Так, в истории «Персеполис» Маржан Сатрапи начинает историю не со своего рождения, а с 10-летнего возраста, когда наступила Исламская революция.

Доказательные элементы. В ткань повествования помещаются архивные фотографии с фотографиями главных героев, чтобы вызвать у читателей большее доверие.

Конвергентный характер. Визуальный язык и нарратив документального комикса становятся единым целым. По этой причине иллюстрация стремится отобразить с помощью визуальных средств главную проблематику рассказа.

Голос рассказчика. В перечисленных работах есть рассказчик, который поясняет отдельные элементы события, связывает и расставляет акценты в истории.

Рисунок является лишь формой информирования читателя, текст важнее. В этих комиксах он всегда монохромный, простой с точки зрения композиции и раскадровки. Так, визуальный элемент комикса не перетягивает на себя внимание читателя.

В заключение можно сделать вывод, что комикс является особым феноменом массовой культуры, оказывающим специфическое влияние на читателя в связи с тем, что в его структуре присутствуют элементы двух разнородных систем — вербальной и зрительной. Журналистский комикс обладает специфическими чертами: благодаря своей уникальности и проработанности графический материал, выполненный в формате комикса, способен вызвать более сильный отклик у читателей и привлечь больше внимания к конкретной проблеме.

Литература

МакКлауд, С. Понимание комикса: невидимое искусство. Москва: Белое яблоко, 2016. 216 с.

Моррисон, Г. Супербоги. Москва: КоЛибри, 2019 576 с.

Groensteen, T. The System of Comics. Mississippi : University Press of Mississippi, 2007. 188 p.

Mickwitz, N. Documentary Comics: Graphic Truth-Telling in a Skeptical Age. New York : Palgrave Macmillan New York, 2016. 315 p.

Rare Iran screening for controversial film 'Persepolis' / Текст : электронный // Wayback Machine. *2008. URL:* https://web.archive.org/web/20080219032535/http://afp.google.com/article/ALeqM5j42rPk2BytF_nzJMitnhfe-sP4hw *(дата обращения: 07.02. 2024).*

Д. А. Конькова, студентка
Науч. рук.: Н. В. Позднякова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

«ТАНКИ ГРЯЗИ НЕ БОЯТСЯ»: ВОПРОС О ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

Аннотация. В работе рассматривается судьба потенциальной неофраземы «Танки грязи не боятся». Объектом исследования являются рекламные слоганы, предметом – их фразеологизация. На основе материалов публицистических статей, данных дневников пользователей был проанализирован путь становления устойчивого выражения с положительной коннотацией и сделан вывод о фразеологическом потенциале рекламных слоганов.

Ключевые слова: потенциальная неофразема, рекламный слоган, фразеологизм, танки грязи не боятся, фразеологизация

Фразеологизация представляет собой одну из сложнейших проблем современной лингвистики; определение объёма фразеологического состава русского языка рассматривается учёными на протяжении нескольких десятилетий, и единого мнения на этот счёт нет.

Дифференциальными признаками фразеологических единиц большинство учёных называют сверхсловность, воспроизводимость, устойчивость и идиоматичность значения.

Основываясь на работе А. М. Эмировой «Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении», рассмотрим фразообразовательный процесс (фразеологизацию) как формирование воспроизводимого, общеупотребительного устойчивого сочетания слов, предполагающее определённое время «апробации» носителями языка, в течение которого оно «притирается» к существующей фразеологической системе и приобретает или не приобретает свойственные фразеологизму категориальные признаки [Эмирова 2020: 189]. Это свойство рассматриваемого понятия, избирательность, входит в основу открытой проблемы определения фразеологического состава языка. Учёными предпринимаются попытки определения пути, который проходит лингвистическая единица от выражения с устойчивым составом к фразеологизму.

В работе Н. В. Поздняковой, Л. В. Чурилиной «Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс: формирование концептуальной структуры “поколение”» отмечается временная протяжённость, которую предполагает фразеологизация, и возможность её представления «в виде сменяющих друг друга этапов, или стадий» [Позднякова, Чурилина 2020: 127]. Вопрос о временном периоде, необходимом для завершения фразообразовательного процесса языковой единицы, вынуждает нас рассматривать устойчивые выражения как потенциальные неофраземы. Именно этот термин (неофразема)

мы считаем необходимым использовать в нашей работе применительно к фразе *Танки грязи не боятся* на текущем этапе её фразеологизации.

Источниками фразеологических оборотов являются устное народное творчество, мифология, литература, синкретические жанры искусства. В последние десятилетия новым источником пополнения фразеологического фонда русского языка стала реклама.

Как отмечает С. Г. Шулежкова в статье «Тенденции обновления фразеологических фондов славянских языков и проблемы современной русско-болгарской фразеографии», «мощное стремление к фразеотворчеству за счёт средств родного языка» является одной из тенденций, под влиянием которой происходит обогащение фразеологического фонда сверхсловными неологизмами [Шулежкова 2021: 4]. Телевизионные рекламные ролики часто включают в себя простые для восприятия сознанием носителей языка выражения, которые откладываются в памяти зрителя за счёт многократного воспроизведения в СМИ. О. Яковлева в работе «Фразеологический потенциал рекламных слоганов» отмечает: «Время существования рекламных слоганов специфично, поскольку ограничено продолжительностью рекламной кампании. Пока в эфире постоянно транслируется рекламный ролик, фразы из него, будучи у всех на слуху, непроизвольно запоминаются, входят в сознание. Но с прекращением выхода рекламы в эфир многие выражения уходят из памяти, и только часть рекламных фраз продолжает функционировать вне рекламного пространства» [Яковлева 2018: 174].

Несмотря на интерес, проявляемый учёными к процессу фразеологизации рекламных слоганов, рассматриваемая тема не может быть исчерпывающе исследована из-за постоянного развития языка и появления новых выражений с особой семантикой. Именно этим можно объяснить актуальность анализа судьбы слогана *Танки грязи не боятся*, закрепившегося в речи носителей русского языка конца XX – начала XXI вв.

Выражение получило широкое распространение после появления в 1999 году рекламы ОАО «КамАЗ». Автором слогана является Анатолий Константинович Самаренкин, в 1993–1995 годах – директор представительства, в 1995–1998 – замгендиректора ОАО «КамАЗ».

Выражение *Танки грязи не боятся* обрело широкую известность сразу после трансляции на центральных телеканалах России, Украины и Казахстана рекламного телевизионного ролика с участием российского актера Сергея Евгеньевича Дружко. Слова *«Он просто помог мне выжить, прокормить семью, сделать дело, не боясь испачкаться, потому что* ***танки грязи не боятся»*** звучат за кадром во время показа двадцатисекундного сюжета о водителе самосвала. Тяжёлые условия работы переносятся героем легко за счёт комфортного салона, позволяющего «спрятаться» от ливня и грязи, а мощность машины позволяет не буксовать даже в размокшей земле.

Этот слоган стал отличительной чертой рекламной кампании ОАО «КамАЗ». Так, в ролике 2001 г. с участием российских актёров Николая Борисовича Кочегарова и Игоря Юрьевича Савочкина вопрос «*Ну чё,* КамАЗ, ***танки грязи не боятся****?*» с иронией задаёт инспектор ГАИ, остановивший

водителя самосвала. «*Это не грязь, это загар*», – следует ответ как подтверждение безвредности природных условий для мощной машины, пригодной для тяжёлой работы при любой погоде.

Выражение, звучащее в двух рекламных роликах, имеет реальную историческую основу. *Танки* («боевые бронемашины на гусеничном ходу, обладающие большой проходимостью и вооружённые пушками и пулеметами, установленными во вращающейся орудийной башне» [Евгеньева 1999]), «не боящиеся грязи», существовали на самом деле. Подтверждением этому служит инструкция по борьбе с танками противника, вышедшая 5 июля 1941 года, где одной из задач, поставленных перед бойцами-истребителями, является забрасывание смотровых щелей танков заготовленной грязью-глиной в условиях израсходования гранат и бутылок с горючей смесью. Этот приказ был отдан генералом армии Николаем Фёдоровичем Ватутиным, который акцентировал внимание на процессе заготовления смеси из грязи и глины. Войска противника вышли к Ленинграду, что могло поспособствовать возникновению устойчивого выражения *Танки грязи не боятся* в кругу бойцов Красной армии.

Однако в русском языке это выражение стало устойчивым и широко используемым только спустя более полувека – в 1999 г., первая фиксация в НКРЯ относится к 2000 г.

В статье С. Г. Шулежковой и А. Н. Михина «Сверхсловные неологизмы военной тематики в современном русском языке» определены обязательные условия неографического описания подобных выражений в словарях: «Словарная статья каждого такого неологизма должна отражать сведения о его источнике, времени вхождения в языковую систему, обстоятельствах, вызвавших к жизни данный неологизм, его семантику, сферу употребления, что непременно должно сопровождаться примерами использования единицы» [Шулежкова, Михин 2020: 393]. Взяв за образец описанную структуру словарной статьи для детального рассмотрения судьбы рекламного слогана, проследим, как выражение *Танки грязи не боятся* проходит процесс фразеологизации, основным условием которого является регулярная повторяемость, т. е. использование сочетания в дискурсе.

Исследование показало, что слоган используется современными носителями русского языка в двух основных значениях:

1. ‘О любом надежном средстве передвижения’.
2. ‘О бесстрашном человеке’.

Чаще всего при использовании фразы в сети Интернет под *танками* подразумевают машины, определяемые как достойные внимания за счёт их технических характеристик. Так, отзыв пользователя об автомобиле на сайте auto.ru гласит: «*Брал б/у пробег 80 тысяч, за год 40 накатал, про проходимость скажу так,* ***танки грязи не боятся****, но! Если встрял, беги трактор искать))), по нашим дорогам, это конечно безусловно танк!*[1]» [Авто.ру 2023: http]. Второй

[1] В иллюстративном материале сохранены орфография и пунктуация источника.

пример использования выражения в подобном значении – название поста пользователя форума livejournal «***Танки грязи не боятся!***» [LiveJournal 2013: http] об автомобильном путешествии, которое не было прервано из-за плохой погоды. Ещё одно средство передвижения, лошадь, как и машина, сравнивается с «танком»: на форуме, посвящённом конному спорту, пользователи часто используют фразу «Танки грязи не боятся». Так, в одном из дневников читаем: «*Кое-как мы штурмовали переход через ручей, который порядком размыло, но* ***танки грязи не боятся***» [Prokoni 2015: http].

Языковые ситуации, в которых исследуемое выражение употребляется во втором значении, представлены в сюжете другого рекламного ролика, где, обращаясь к водителю самосвала, инспектор ГАИ называет его *КамАЗом*, уподобляя машине, которой управляет рабочий. В свою очередь водитель, подхватывая языковую игру, остроумно отвечает фразой о загаре. Такая ситуация даёт повод судить о человеке как о машине, которой он управляет. Так и рождается значение «бесстрашный человек».

В настоящее время неофразема произносится представителями различных сфер общественной жизни, и часто – в вышеуказанном втором значении. Широкую известность получило употребление исследуемого выражения лидером партии «Единство» Сергеем Кужугетовичем Шойгу во время одного из выступлений накануне выборов Президента в 2000 году, ставшее ответом на вопрос об атаках СМИ [Богомолов 2017: http]. Фразой *Танки грязи не боятся*, произнесённой в этой ситуации, охарактеризованы роли двух сторон: пагубное влияние работы журналистов, «грязи», и противоборство «танков» – политических деятелей во главе с С. К. Шойгу. В подобном же значении анализируемый слоган употреблён в публицистической статье 2019 года: *«“**Танки грязи не боятся!**” — это ведь ваша фраза, Алла Борисовна? Мы все — рабы определённого формата проектов и потребностей аудитории – кстати, той самой, для которой Алла Борисовна поёт уже много лет, даёт концерты, получает гонорары», – сказала Кудрявцева»* [Газета.ru 2019: http]. Слоган позволил ярко обозначить позицию продюсеров программы «Секрет на миллион». В данном случае так же, как и в вышеописанном, чётко определяются две противоборствующие стороны, и в роли «танка» снова выступает человек.

Кроме публицистического дискурса, выражение *Танки грязи не боятся* широко используется в художественной литературе. Одним из доказательств могут служить строки из романа Василия Щепетнёва «Исполняющий обязанности», изданного в 2018 году: «*И бурьян почти в рост. Ничего,* ***танки грязи не боятся***» [Щепетнёв 2018: http]. В данном случае слоган используется для обозначения труднопроходимой местности и уверенности человека в том, что даже тяжёлые условия не станут для него непреодолимой преградой: он сможет их преодолеть и продвинуться.

В качестве названия выражение *Танки грязи не боятся* используется не только в публицистических статьях, постах пользователей и художественных произведениях. Интересно, что оно стало названием сериала режиссёра

В. И. Тумаева о судьбе танкиста Российской Армии Сани Круглова (2008 год). В этом названии реализуется переносное значение слова *танк* – ‘человек’.

Одним из свойств рекламного слогана *Танки грязи не боятся* является метафоричность. Эта особенность обнаруживается в приведенных выше примерах. Рекламный слоган, по нашему мнению, можно рассматривать как потенциальную неофразему, широко используемую как в устной, так и в письменной речи. В зависимости от языковой ситуации варьируются и оттенки её значений. Она «подстраивается» под сферу использования, чем объясняется её закреплению в языковой системе. Фраза, возникшая в начале 40-х годов прошлого века, прошла путь от выражения с негативной коннотацией в прошлом веке до устойчивой единицы с положительной – в веке XXI.

Литература

Авто.ру [Электронный ресурс] // Auto.ru, 03.02.2023. URL: https://auto.ru/review/cars/toyota/land_cruiser_prado/20067944/4487809325432277 65/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 13.03.2024).

Богомолов, С. «Танки грязи не боятся!» [Электронный ресурс] // Областная газета, 16.12.2017. URL: https://old.oblgazeta.ru/society/36357/ (дата обращения: 13.03.2024).

Газета.ru [Электронный ресурс] // www.gazeta.ru, 20.04.2019. URL: https://www.gazeta.ru/culture/news/2019/04/20/n_12887395.shtml (дата обращения: 13.03.2024).

Позднякова, Н.В., Чурилина, Л.Н. Фразеологизация как лингвокогнитивный процесс // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 122-132.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.

Танки грязи не боятся // livejournal.com [Электронный ресурс]. URL: https://olly-ru.livejournal.com/90477.html (дата обращения: 13.03.2024).

Шулежкова, С.Г., Михин, А.Н. Сверхсловные неологизмы военной тематики в современном русском языке // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. 2020. № 2 (44). С. 389-396.

Шулежкова, С.Г. Тенденции обновления фразеологических фондов славянских языков и проблемы современной русско-болгарской фразеографии // Проблемы русско-болгарской фразеологической неографии: колл. моногр. / гл. ред. С.Г. Шулежкова. Магнитогорск: Магнитогорск. гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова; Пловдив : Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, 2021. С. 4-29.

Щепетнёв, С. Исполняющий обязанности [Электронный ресурс] // www.litres.ru. URL: https://www.litres.ru/book/vasiliy-pavlovich-schepetnev/ispolnyauschiy-obyazannosti-67969014/chitat-onlayn/ (дата обращения: 13.03.2024).

Эмирова, А.М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении: монография. Симферополь: Научный мир, 2020. 228 с.

Яковлева, О. Фразеологический потенциал рекламных слоганов // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin – Polonia. 2018. Vol. XXXVI Sectio FF. 2. С. 173-181.

Prokoni [Электронный ресурс] // Prokoni.ru, 02.05.2015. URL: https://www.prokoni.ru/forum/threads/dnevnik-finansista-konkurista-i-konevladelca-kak-sovmeschat-kareru-i-sport.92800/page-145#post-3464865 (дата обращения: 13.03.2024).

Ю. А. Лятьева, магистрантка
Науч .рук.: И. Г. Щербовских, кандидат филол. наук
Жетысуский университет имени Ильяса Жансугурова
(г. Талдыкорган, Казахстан)

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ А. БЛОКА И К. БАЛЬМОНТА

Аннотация. В статье анализируются поэтические системы К. Бальмонта и А. Блока, представляющие собой яркие явления культуры Серебряного века. Научная и практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при изучении поэтических стратегий поэтов-символистов.

Ключевые слова: поэтическая система, А. Блок, К. Бальмонт, символизм, стихия.

Особенностям поэзии А. Блока и К. Бальмонта посвящено немало работ современных литературоведов, что свидетельствует об актуальности затрагиваемой нами проблемы. Среди них, на наш взгляд, наиболее продуктивными можно считать исследования П. В. Лапатинского, Е. С. Борисовой-Юрковской, Н. М. Шишховой, К. Н. Анкудинова, О. М. Култышевой. П. В. Лапатинский описывает систему ключевых образов-символов цветообозначений в поэтическом дискурсе К. Д. Бальмонта [Лапатинский 2022: 123]. Е. С. Борисова-Юрковская ставит вопрос об импрессионизме как отличительной черте стиля Бальмонта, проводит сравнительный анализ многих прозаических текстов русского символиста и показывает, что импрессионистический характер статей и эссе Бальмонта, в отличие от поэтических произведений, не может быть истолкован в рамках стратегии изображения сиюминутных впечатлений жизни [Борисова-Юрковская 2017: 60]. Н. М. Шишхова, К. Н. Анкудинов пишут об особом культе романтизма в поэтическом мире А. Блока, анализируя романтические проявления в разные хронологические отрезки творческого пути поэта [Шишхова, Анкудинов 2020: http]. О. М. Култышева рассматривает взаимосвязи поэтических систем В. Маяковского и А. Блока, утверждая, что В. Маяковский унаследовал многие творческие традиции А. Блока: амбивалентное состояние лирических героев, романтический максимализм, языковые и метрические эксперименты [Култышева 2013: http].

Культура Серебряного века характеризуется интенсивными поисками целостного восприятия мира и попытками определения его закономерностей, понимание которых часто носит синтетичный характер. В этих условиях поэзия К. Бальмонта и А. Блока насыщается полярными космогоническими и эсхатологическими образами, что обнаруживается при сопоставлении поэтических систем К. Бальмонта и А. Блока.

Для А. Блока миром, в котором возможно обрести потерянную целостность, становится мир далёкого прошлого. К. Бальмонт ищет утраченную гармонию в будущем. В поэтической системе К. Бальмонта лирический герой и окружающий его мир равновелики. Стремление поэта к

прославлению мира и наполнению его детской радостью несомненно роднит его поэзию с поэзией Вяч. Иванова и Б. Пастернака. Красота и тайна мира, безмерная радость бытия выражаются поэтом через слияние неба и земли, которое он именует «религией звёзд и цветов» [Бальмонт 1907: 51].

Неомифологизм становится основой для слияния романтизма и символизма: поэт обретает голос стихий и мифическую цельность восприятия мира, в которой человек становится близок природе. Поэт у Бальмонта – вещий мудрец, понимающий природу как воплощённую поэзию, передающий её заветы человечеству через священное слово («Весь мир есть изваянный стих»).

Нами выделено несколько ключевых для Бальмонта образов природных стихий: солнце и иные символы света, ветер, море. Причастность к этим стихиям позволяет человеку быть светлым внутри, свободным, стремиться к вечной красоте природы, стать частью поэтической магии. Постоянно находясь в поиске Красоты, поэт принимает мир во всех его красках и проявлениях: стихиях, любви, искусстве. Н. А. Молчанова отмечает стремление Бальмонта найти подходящую для его мировосприятия основу в восточных (индийских, иранских, китайских) мифологических и философских представлениях [Молчанова 2004: 54].

Романтический пантеизм К. Бальмонта с его жизнеутверждающей тональностью и светлостью выделяет поэта среди современников.

Поэт возвращается к миру, раю детства. к сказке, когда оживает «старинный наш дом» [Цветаева 1990: 779]; его волнуют «…бессмертные зори счастливых младенческих дней».

Светлый поэтический мир Бальмонта основан на стихийной памяти, позволяющей поэту возродиться, сохранив «волшебное чудо», непревзойдённую гармоничность поэтического слова, исполнить свой поэтический долг [Бальмонт 1990: 290]. Лирика Бальмонта направлена на возможности сознания человека, в котором персональное «я» расширяется до космического целого, погружаясь в стихийную первооснову, связанную с космогоническими представлениями древних людей:

Человеков люблю в ипостаси их древней,
Глаза были ярче у них, и речи напевны,
В их голосе слышался говор морей... [Бальмонт 1908: 20].

По представлениям К. Бальмонта, великое прошлое людей отражается в остатках великих цивилизаций, провозглашавших близость к природе, единство неба и земли. К этому выводу можно прийти, обратив внимание на размышления К. Бальмонта о «солнечной» природе человека и роли современного искусства, призывающего к «новой жизни», «пересозданию всей Земли» [Бальмонт 1908: 42].

Таким образом, поэтический космос К. Бальмонта светел, гармоничен и целостен.

Поэзия А. Блока, напротив, передаёт иное мировосприятие эпохи: катастрофичность жизни и апокалиптичность истории.

Власть беззаконной и динамичной стихии (огонь, ветер) как источника бытия ярко отражена в таких знаковых произведениях А. Блока, как «Снежная

маска», «Кармен» и «Двенадцать». Разрушительная сила природных катаклизмов, народного гнева, музыка страсти, нарушающая стабильность, несущая гибель, врывается в жизнь человека. Душа героя Блока неистова и восторженна. Поэт, в представлениях А. Блока, заклинает «сине-лиловый мировой сумрак» [Блок 1962: 428], преодолевает смятение духа, освобождает пленную царевну, воплощение мировой Души, которая ждёт избавления от объятий хаоса [Блок 1962: 451]. Апокалиптическая атмосфера эпохи, трансформация христианской традиции через собственный религиозный опыт приводят к характерному для символизма смешению абсолютно разнородных мифологических мотивов в поэтическом мире А. Блока.

Ещё современники, в частности Н. А. Бердяев, начинают осуждать поэтический путь Блока, считая, что он ведёт к замене божественной «Софии» почитанием Софии как стихии космоса, равно далёкой, как от Бога, так и от человека, что в итоге неизбежно приведёт к подмене Христа [Бердяев 1993: 323]. Этим Н. А. Бердяев мотивировал своё утверждение о нарастании мрака в душе А. Блока, что ярко отличает его от других русских поэтов [Бердяев 1993: 324].

Поэтический мир А. Блока многоаспектен, и стихийность, без сомнения, является его важным элементом. Такое восприятие космической стихии, которая несёт в себе неизбежные катастрофы и падения, рождает новую, свойственную А. Блоку, богатую мифологию, описывающую возможности трансформации, рождённой в хаосе, «созданной из бед и погибелей» [Чуковский 1922: 72], Мировой души («Снежная маска», «Снежная дева», «Фаина», «Незнакомка», «Россия»).

Стоит заметить, что мистические идеи, изначально зарождённые философией Вл. Соловьева, не преодолеваются и не разрушаются Блоком. Его стихотворения показывают глубину раскола русской национальной идеи. Священная Хранительница, суженая, царевна из сказочного мира утрачивает свою прежнюю гармоничность, трансформируясь в Снежную Деву как символ природной стихии, вьюжной России. Понимание самоуничтожения души, духовного разорения, гибельности поэтического пути как единственного условия обретения мировой стихии приводит к формированию небывалой в русской поэтической культуре трагической амбивалентности, парадоксальности переживаний.

Двойственность поэзии Блока проявляется в одномоментном стремлении, с одной стороны, развенчать тьму, преодолеть жизненный хаос, приблизиться к воплощению своей мечты; с другой стороны, влиться в мировую стихию, даже если для этого нужно будет погибнуть; стать частью мировой музыки, быть причастным к космическим ритмам, к страсти и творчеству. Такая поэтическая модель напоминает непрерывное движение маятника. Поглощающий всё катастрофизм всё глубже проникает в поэзию Блока, наделённую необыкновенной чуткостью к жизненным ритмам.

Поэт отождествляет себя с Христом, которому суждено трагически погибнуть в сражении со «старым роком», но с Христом, не имеющим возможности воскреснуть.

Парадоксальная полярность блоковского космоса проявляется в двуединстве образа героини, который словно двоится, превращаясь из мудрой, тихой, гармоничной девушки в воплощение стихии и, снова, обнаруживает в стихийном образе софийные смыслы. Стремление Блока к обретению возможности слышать мировую музыку в хаотичном стихийном мире выражается в откровении творческой души, живущей по своим законам, сочетающей в себе радость и страдание.

Центром поэтической мифологии позднего периода творчества Блока становится трансформация воплощённой в женском образе стихии в софийную героиню. Возможно и обратное преображение софийной героини, которая становится носительницей стихийного начала.

Ярость народной стихии, которая уничтожает отвергаемый Блоком буржуазно-мещанский мир, выражается в образе метели. В понимании Блока, революция, будучи стихийным началом, несёт гибель старого мира и рождение нового. Эта позиция значительно радикальнее метафизики Н. А. Бердяева, определявшего культуру как традицию и творчество, утверждавшего, что культура противопоставлена революции. Очень интересны также выводы, сделанные исследователями после проведения этносемантического анализа концепта «Ветер» в поэме «Двенадцать», который позволил выявить факт корреляции системы глагольных значений с национальными ценностями носителей языка, определяющими российский менталитет.

Апокалиптическое мироощущение Блока, явленное в поэме «Двенадцать», передаётся читателю с помощью приёмов, свойственных авангардному искусству. В этом революционном хаосе, среди беснующейся стихии, «мирового пожара», сопровождаемых образом Христа, разрушается образ автора. Ещё в 1906 году Блок писал о том, что народная душа испепелена «лиловыми мирами революции». Такой авангардистский подход поэта к созданию поэмы неслучаен, так как он позволяет, по мнению Вяч. Иванова, преодолеть границы человеческого сознания, что позволит представить прежнюю меру человеческого «тесным коконом» [Иванов 1994: 106]. М. Н. Эпштейн характеризует авангард как направление, исполненное «религиозного восхищения перед нечеловеческим в мире и в самом человеке» [Егорова, Эпштейн 2008: 314-315]. Так и Блок отходит от зримости и антропоморфности ключевых образов, сосредотачиваясь на их теоморфности, трактовке истории как апокалипсиса, бытия как софийного начала.

Таким образом, таинственность и трагедия мировосприятия, основанного на представлениях Блока о трагической природе цельности и разобщённости окружающего мира, становится основой уникального религиозно-художественного мира поэта, который в корне отличается от светлого, гармоничного и целостного поэтического космоса К. Бальмонта.

Поэтические миры К. Бальмонта и А. Блока стихийны, погружены в мировую жизнь, приобщены к различным проявлениям стихии космоса. При этом если в поэзии К. Бальмонта живёт космогония стихии, то поэтический мир А. Блока насыщен эсхатологическими образами и мотивами.

Литература

Бальмонт, К. Малые зёрна: Мысли и ощущения // Весы. 1907. № 3.

Бальмонт, К. Мексиканская символика // Весы. 1908. № 9 166 с.

Бальмонт, К. Океания // Заветы. 1914. № 6. 416 с.

Бальмонт, К. Пляска зноя // Весы. 1908. № 1. 166 с.

Бальмонт, К.Д. Поэзия как волшебство // Бальмонт, К.Д. Стозвучные песни: Избр. стихи и проза. Ярославль, 1990. 262 с.

Бердяев, Н.А. Мутные лики. «Воспоминания о А. А. Блоке» А. Белого // Бердяев, Н.А. О русских классиках. М., 1993. 368 с.

Блок, А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. 784 с.

Егорова, Л.В., Эпштейн, М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 366-369.

Иванов, Вяч. Кручи // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М., 1994. 428 с.

Култышева О.М. Революционеры духа (А. Блок и В. Маяковский) [Электронный ресурс] // Вестник НВГУ. 2013. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsionery-duha-a-blok-i-v-mayakovskiy (дата обращения: 05.02.2024).

Лапатинский, П.В. Поэтическая картина мира Серебрянного века на основе творчества К.Д. Бальмонта // Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2022. № 4. С. 123-127.

Молчанова, Н.А. Поэзия К.Д. Бальмонта 1890-х–1910-х годов: проблемы творческой эволюции: [микроформа]. Москва: РГБ, 2004.

Цветаева, М. Поэты с историей и поэты без истории // Цветаева, М.И. Об искусстве. М., 1990. 310 с.

Чуковский, К. Книга об Ал. Блоке. Пг., 1922. 144 с.

Шишхова, Н.М., Анкудинов, К.Н. Особенности проявления романтического мировоззрения в лирике Александра Блока (1904-1912 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 1 (252). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-romanticheskogo-mirovozzreniya-v-lirike-aleksandra-bloka-1904-1912-g-g (дата обращения: 05.02.2024).

Borisova-Yurkovskaya, E.S. On impressionistic style of K.Balmont's articles (K.Balmont's Jan Kasprowicz. Poet of Polish soul case study) // Philology (Vol.1, No. 7). 2017-01-13. P. 60-64.

РАЗДЕЛ V
ОТ СТАРОСЛАВЯНСКОГО К НОВОСЛАВЯНСКОМУ (К ИСТОРИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ)

А. В. Андреев, студент
Науч. рук.: С. Г. Шулежкова, д-р филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ГЛАГОЛ В НОВОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная статья посвящена характеристике глагола в зональном вспомогательном языке, придуманном чешским учёным Войтехом Мерункой и названном *новославянским*. Описание особенностей новославянского глагольного слова даётся в сопоставлении с древними старославянскими глагольными формами, а также с глагольными формами некоторых современных славянских языков.

Ключевые слова: новославянский язык, старославянский язык, межславянский язык, глагол, славистика, искусственные языки.

В 2009 году преподаватель Чешского технического университета и Чешского университета естественных наук Войтех Мерунка в рамках проекта «Interslavic Language» разработал новославянский язык [Interslavic language portal]. Позже он станет соавтором Яна ван Стенбергена в создании другого лингвистического проекта – известного сегодня *межславянского языка* (*medžuslovjansky jezyk*). Описание новославянского языка было дано в работе «Neoslavonic zonal constructed language» (рус. «Новославянский зональный искусственный язык») [Merunka 2016], представляющей собой одновременно и лингвистический манифест, и учебное пособие по использованию этого языка. До опубликования данного научного труда существовали и другие проекты вспомогательных языков, созданных с целью упростить коммуникацию между славянами. Большое число подобных проектов зародилось не так давно, в конце XX и в первой четверти XXI в., среди них – небезызвестный *slovio* Марка Гучко, *slovianto*, *slovioski* и пр. Новославянский язык, как можно предположить, тоже входит в их число, однако, в отличие от прочих лингвистических моделей, его автор называет изобретённый им язык наследником старославянского языка, созданного Кириллом и Мефодием [Merunka 2016: 20].

Проект новославянского языка просуществовал автономно почти 10 лет, пока в 2017 году не был окончательно объединён со *slovianski*, языком, с которым он ранее на равных входил в упомянутый проект Interslavic project. Результатом этого объединения стал современный *межславянский язык* (*medžuslovjansky jezyk*). До слияния новославянский язык имел общую со *slovianski* большую часть лексики, но грамматическая его система значительно отличалась, обнаруживая множество общих черт со старославянским языком.

Естественно, чтобы новославянский язык оставался понятным современным славянам, в его грамматике учтены некоторые характерные особенности, возникшие как результат многих исторических процессов, приведших к значительному расхождению национальных языков между собой. Уместен вопрос, зачем В. Мерунка решил сконструировать язык-«наследник» старославянского языка?

Старославянский – это не живой и не естественный язык, хотя в его основу было положено наречие древних южных славян. Это язык славянских переводов греческих книг [Селищев 2016: 7], созданный в IX в. византийскими христианскими учёными мужами Константином Философом (более известным в нашей стране под именем Кирилл), Мефодием и их учениками. Старославянский был рождён для христианской миссии по просьбе князя Ростислава, правителя государства Моравия, располагавшегося на территориях современных Чехии и Словакии [Селищев 2016, с. 9]. В то же время болгарская столица Преслав стала позднее центром славянской книжности, а затем уже восточные славяне с Крещением Руси приобщились к данному языку и текстам, написанным на старославянском.

Если учитывать, что к концу 1-го тысячелетия праславянский язык окончательно распадётся [Бернштейн 1961, с. 51] и уже в IX–X вв. начнут выделяться отдельные славянские народы и государства, то старославянский язык можно справедливо назвать вспомогательным языком международного общения. Здесь необходимо уточнить, что такая коммуникация функционально ограничена письменными текстами христианской тематики, однако стоит учесть и то, что в Средневековой Европе того времени религиозный тип мышления доминирует, а сфера вероисповедания является невероятно важной с культурной и политической точек зрения. Можно предположить, что создатель новославянского языка изобрёл его для последовательного продолжения идей Кирилла и Мефодия по созданию общеславянского языка, а не для моделирования принципиально нового языка.

В. Мерунка осуществил творческую эволюцию старославянского языка, который не только лёг в основу славянской письменности, явился прецендентом длительной жизни искусственного славянского языка межнационального общения, но и до сих пор используется в форме различных изводов церковнославянского языка.

Стоит отметить, что старославянский язык, впитавший в себя множество особенностей праиндоевропейской грамматики, характеризовался необычной, а порой и незнакомой для носителей современных славянских языков глагольной системой.

В данной статье рассматривается глагол, который является одним из важнейших речевых классов, способных выразить предикативность в рамках предложения (а при указании лица также элементы субъектности). Так как система глагола в старославянском языке может не совпадать в ряде категорий с глагольными системами некоторых ныне живых славянских языков, нам необходимо выявить, как именно новославянский язык соблюдает баланс в

построении собственной грамматики с грамматиками других славянских языков.

При сравнении грамматических категорий глагола новославянского и старославянского языков сразу становится очевидным, что основные категории (вид, время, наклонения, залог) и категории, проявляющиеся в спрягаемых формах (лицо и число) присутствуют в обоих языках. Но по причине ориентировки на современные живые языки часть категорий В. Мерунка не выделяет, а часть подвергает значительной переработке. Так, доставшаяся в наследство от праиндоевропейского языка старославянскому глаголу категория определённости / неопределённости уже не представлена в грамматике чешского учёного в качестве полноценной грамматической категории. Мы можем предположить, что в современных славянских языках, как и в русском, слова, ранее бывшие в древней оппозиции определённости / неопределённости, воспринимаются теперь как разные лексемы.

Глагол имеет две формообразующие основы: 1) настоящего времени и 2) в старославянском языке называемую основой инвектива или в новославянском – прошедшего времени. Первый тип основы используется для образования форм настоящего времени, вторая – для прошедших и инфинитива в обоих языках. Основы и в старославянском, и в новославянском языках получили «говорящие» названия.

Формы настоящего времени не претерпели значительных изменений. Пропала вся парадигма двойственного числа, при этом исчезла она из грамматической системы глагола вообще (но для имени существительного в новославянском данная категория факультативно, но существует). Можно предположить, что вследствие того, что двойственное число отсутствует в подавляющем большинстве современных живых славянских языков, в новославянском также нет необходимости переусложнять грамматическую систему. Наличие такой формы числа для существительного оправдано тем, что указание на парность объектов для него семантически более актуально. Для глагола при согласовании достаточно показать, что объектов большего одного. В остальных формах настоящее время схоже со старославянским: каждое число имеет три формы лица (1-е, 2-е и 3-е), которые не совпадают друг с другом по показателям.

Система типов спряжения значительно упростилась. Четыре тематических типа и тип нетематических глаголов в угоду облегчения изучения как носителями, так и неносителями исходных славянских языков была упрощена В. Мерункой до трёх: двух типовых, называемых «твёрдой» парадигмой и «мягкой», а также «нерегулярной», где особое словоизменение присутствует у глаголов *byti / быти* (рус. *быть*), *iti / ити* (рус. *идти*) и оканчивающихся на *-asti / -асти*. Ситуация с тематическими спряжениями отчасти сходна с тематическим спряжением в русском языке, если мы говорим об упрощённой, условной типизации, которая объединяет глаголы по фонеме <*е*> или <*и*> в окончании неинфинитивных форм настоящего времени. В то же время А. А. Зализняк выделяет бóльшее число типов спряжений со всеми подтипами, но в новославянском действительно происходит элементарное

присоединение соответствующей флексии к основе. Иногда она изменяется под влиянием глагольного окончания, например, при йотовой палатализации. Примечательно, что парадигмы слов *iti / ити, на -asti / -асти* (кроме новосл. *Jasti / ясти*) не входили в список нетематических глаголов старославянского языка, но в новославянском дали свои уникальные парадигмы (ср. н.-сл. *Krasti / красти – jasti / ясти*). *Dati / дати, iměti / имѣти* (ст.-сл. **дати, имѣти**) встроились в тематические спряжения новославянского глагольного слова.

Парадигма глагола со значением *быть* остается неизменно отдельной, вероятно, только по той причине, что и в других современных славянских языках она является нетипичной. Для большинства синтетических славянских языков (в отличие, например, от русского) использование местоимения в качестве подлежащего в определённо-личных предложениях является избыточным, поэтому сохранение особенной полноценной парадигмы для данного глагола (если его формы участвуют в образовании других глагольных форм, о чём пойдет речь далее) является необходимым.

В следующем абзаце пойдет речь о будущем времени в новославянском и старославянском языках. Перед этим стоит напомнить о не совсем очевидном функционировании совершенного / несовершенного вида для обозначения времени в древнем языке. Это уточнение будет полезно, так как на данный момент современные западные и восточные славянские языки (например, польский и русский) используют глаголы совершенного вида с показателями настоящего времени в значении глаголов будущего (т. е. формы простого будущего времени), но никогда для обозначения действия в настоящем. Глаголы совершенного вида в форме настоящем времени могут использовать носители южнославянских языков. И с этой данностью работает В. Мерунка.

Старославянский в плане категории вида разрешал использование (это зависело от контекста) глаголов как несовершенного, так и совершенного вида в форме настоящего времени для обозначения семантики настоящего или будущих времен. Но всё же совершенный вид преимущественно употреблялся для обозначения именно будущего времени. Как уже было сказано, новославянский язык сохраняет категорию вида. Чешский учёный даёт стройную классификацию глаголов, выделяя разные признаки (например, глаголы, оканчивающиеся на *-nuti / -нути* в инфинитиве или имеющие приставку, но не оканчиваются в инфинитиве на *-vati / -вати,* относятся к совершенному виду). При всей подробной описательности В. Мерунка предупреждает, что совершенный вид стоит использовать для образования форм будущего времени только при коммуникации с носителями, знающими о возможности использования видовых форм для обозначения времени. Другими словами, этот метод является универсальным, пока, например, в общении участвуют только восточные или западные славяне.

Новославянский язык унаследовал будущее сложное I и будущее сложное II (преждебудущее) времена. Первое время получило сокращённое название – «будущее», а второе – «преждебудущее». Различия в формообразовании минимальны. Будущее получается соединением вспомогательного глагола *byti / быти* (рус. *быть*) и инфинитива. В качестве альтернативы (очевидно, это было

сделано для южных славян) допустимо использовать глагол *hotěti / хотѣти* (рус. *хотеть*). Употребление в старославянском упомянутого вспомогательного глагола (ср. старосл. **хотѣти**) самое частотное, зато формы будущего времени с **бъıти** отсутствуют, что неудивительно. В рамках категории будущего времени особенно ярко проявляется принцип универсализма и компромиссности грамматики новославянского языка. Формы преждебудущего, в свою очередь, ничем принципиально не выделяются. Выступает одна формула: «вспомогательный глагол *быть* (*н.-сл. Byti / быти – ст.-сл.* **бъıти**) + причастие на *-l / -л / -л*». Стоит заметить, что большинство языков утратило древнее преждебудущее время, хотя сербский сохранил его формы в подчинительных предложения, а польский как раз и использует его формулу для образования привычного будущего (даже чаще, чем с помощью инфинитива).

Состав прошедших времен в современных славянских языках может значительно отличаться от того, который был характерен для таких древних языков, как старославянский. Так, южнославянские языки сохраняют несколько форм прошедших времен (например, словенский – перфект и плюсквамперфект, сербский – аорист, имперфект и плюсквамперфект), тогда как восточно- и западнославянские языки полностью утратили это разнообразие временных парадигм: они используют для образования форм прошедшего времени только причастия на *-л* в рамках одной временной формы. В. Мерунка в первую очередь указывает на формирование парадигмы, использующей данный вид причастий. Причастия на *-l / -л* употребляются при конструировании форм, названных автором как *прошедшее и предпрошедшее время* (т. е. *плюсквамперфект*). Прошедшее время образуется по формуле старославянского перфекта: «вспомогательный глагол *быть* в настоящем времени + причастие на *-l / -л»* (н.-сл. *jesm pisal / есм писал* – рус. *я писал*). Предпрошедшее – «вспомогательный глаголь *быть* в простом прошедшем времени + причастие на *–l / -л» (*ср. н.-сл. *ona beše dělala / она беше дѣлала* – англ. *she has done*). Существует также ранее упомянутое простое прошедшее время, которое унаследовало окончания имперфекта и форм аориста, произведённых суффиксами *-ах-* и *-ěах-*. Оно служит альтернативой для формообразования прошедшего времени. Вероятно, сделано это было для носителей южнославянской ветви языков.

Повелительное наклонение не имеет серьёзных различий в старославянском и в его «наследнике». Система спряжения императива в новославянском распадается только на два типа: глаголы, основы настоящего времени которых оканчиваются на полугласный *-j / -ı*, и те, чьи основы, соответственно, кончаются согласным. Первые просто получают условно сокращённые флексии, а в форме 1-го лица ед. числа – нулевую флексию (ср. формы мн. числа 2-го лица: н.-сл. *Dělajte / дѣлайте – vidite / видите)*.

Сослагательное наклонение также особо не изменилось. В. Мерунка предлагает два типа форм для получения субъюнктива: аналитический и аналитико-синтетический. При аналитическом типе форма образуется лишь соединением частицы *da / да* и инфинитива. Аналитико-синтетический тип

максимально похож на сложную глагольную форму старославянского языка: так же используется причастие на *-l / -л* и глагол *быть* в постпозиции с особой парадигмой спряжения, которая непохожа на ту, что была в старославянском (ср. формы ед. числа н.-сл. *Byh / бых*, *bys / быс*, *by / бы* – ст.-сл. **бимь, би, би**). Можно предположить, что такая уникальная парадигма – это компромисс между разнообразными спрягаемыми формами (изменяемыми или неизменимыми частицами) в современных славянских языка (ср. формы ед. числа: 1-е лицо н.-сл. *Byh / бых* – серб. *бих*, пол. *bym*, рус. *бы*; 2-е лицо н.-сл. *Bys / быс* – серб. *би*, пол. *byś,* рус. *бы*; н.-сл. *бу / бы* – серб. *би*, пол. *by,* рус. *бы*).

Теперь рассмотрим систему отглагольных образований, которые характеризуется особыми глагольными категориями, поскольку сочетают в себе одновременно признаки глаголов и других частей речи: причастия, деепричастия и герундии, а также изучим судьбу такой отглагольной формы, как супин. Последний в новославянском языке отсутствует, вероятно, из-за того, что большая часть живых славянских языков его утратила. Помимо несклоняемых форм на *-l* / *-л,* во вспомогательном языке можно обнаружить действительные и страдательные причастия настоящего и прошедшего времени. Суффиксы, участвующие в образовании причастий, либо совпадают, либо похожи: ср. н.-сл. *piš-uč-a / пиш-уч-а* – ст.-сл. **пиш-жщ-и** (рус. пишущая). С деепричастиями дело обстоит иначе. Как известно, в старославянском языке деепричастия не существовало, но в других языках оно присутствует и его возникновение неразрывно связано с причастием. Так, в русском языке формы причастий обоих времен в ходе исторического процесса потеряли число, род и падеж, став полностью несклоняемыми [Козинцева 1998: 128]. В новославянском языке есть и причастие, и деепричастие, которое образуется от формы настоящего времени причастия путём отбрасывания окончания, в суффиксе прошедшего времени усечена фонема, например, в русском (ср. н.-сл. *Kupivši / купивши*, *kupiv / купив* – рус. *купивший, купив*). Отдельно в языке В. Мерунки выделяются формы герундия, или отглагольного существительного, репрезентирующего процесс. Нужно подчеркнуть, что герундий – это такая категория, которая регулярно образовывает формы, имеет все признаки существительного, но также характеризуется невероятно сильной семантической связью с описываемым действием. Именно эта характеристика отличает обычные отглагольные имена существительные от герундиев, которые, отсутствуют в русском языке [Виноградов 1986: 358]. Для образования герундия используется классический суффикс славянских языков *-nj- / -нь-*, присоединяемый к глагольной основе: ср. н.-сл. *Pisanje / писанье* – рус. *написание;* н.-сл. *Běganje / бѣганье* – рус. *бегание*, пол. *bieganie*).

Система залогов, которую выстраивает В. Мерунка для своего языка, кардинально не отличается от систем ни старославянского, ни от современных славянских языков. В новославянском существует средневозвратный залог, названый медиальным (*medial voice*). Естественно, данной форме удалось попасть в язык, так как и в живых славянских языках она существует и существуют характерные возвратные местоимения. В отличие от русского, где семантически медиальный залог можно составить и с помощью местоимения, и

суффиксальным методом, в новославянском языке допускается только составной способ – глагол в сочетании с возвратным местоимением-существительным. Так как В. Мерунка не даёт возможности образовывать возвратные глаголы, то страдательный залог можно создать только в рамках причастий.

Грамматику глагольного слова в новославянском языке действительно можно характеризовать как основанную на старославянской грамматической системе. Естественно, для того чтобы вспомогательный язык был удобным в использовании в качестве инструмента межнационального общения, В. Мерунка в некоторых частях глагольной системы идёт на компромиссы с грамматиками современных славянских языков. На наш взгляд, не все уступки являются плодотворными: новославянский стремится удержать в себе все грамматические категории старославянского, несмотря на то, что только часть их будет понятна абсолютно всем славянам, а другая часть форм будет использоваться ситуативно. Конечно, невозможно не оценить стройность грамматической системы, сконструированной В. Мерункой, но сопоставительный анализ глагольной системы показывает отсутствие универсальности искусственного языка чешского учёного, поскольку его грамматика не будет в полной мере понятна носителям всех славянских языков. По этой причине неудивительно, что в 2017 году новославянский язык окончательно влился в *межславянский язык*, который унаследовал многие его черты.

Труды В. Мерунки по построению грамматических систем внесли значительный вклад в развитие вспомогательных искусственных языков межславянского общения.

Литература

Бернштейн, С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. 1. – М. : АН СССР, 1961. – 350 с.

Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.

Козинцева, Н.А. Деепричастие // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева/ 2-е. изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 128.

Селищев, А.М. Старославянский язык. В 2 ч. Ч. 1: учебник и практикум для вузов / А.М. Селищев. М.: Издательство Юрайт, 2016. 337 с.

Хабургаев, Г.А. Старославянский язык. Учеб. пособие студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. 432 с.

Interslavic language portal [Электронный ресурс]. URL: *https://interslavic-language.org/* (дата обращения: 01.03.2024).

Merunka, Vojtech. Neoslavonic Zonal Constructed Language. České Budějovice: Nová Forma, 2016. 164 p.

К. А. Райкова студентка,
О. В. Франчук, канд. филол. наук, доц.,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

АЩЕ ПОТРЕПЕЩЕТЬ ЗАОУШИЕ ДЕСНО...
(ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПОСОБАХ ПРЕДСКАЗАНИЯ БУДУЩЕГО В ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ XIV–XV вв.)

Аннотация: В статье анализируется фрагмент славянской языковой картины мира, связанный с предсказанием будущего на основе ощущений человеческого тела. Материалом для исследования выбран памятник XIV–XV вв. «Трепетник», в котором собраны приметы, толкующие зуд (трепет) в разных частях тела как знак, предвещающий определённые события в будущем. Авторы пришли к выводу о тесной связи изложенных в тексте примет со славянскими семантическими оппозициями, характерными для восприятия человеческого тела.

Ключевые слова: примета, предсказание будущего, отреченные книги, славянская языковая картина мира, состояние частей человеческого тела, трепет.

Наблюдая за явлениями окружающей действительности, наши предки пытались обнаружить определённые закономерности и причинно-следственные связи. Замеченные людьми устойчивые отношения между двумя событиями объективной действительности фиксировались в коллективной памяти. Со временем толкования явлений и событий окружающего мира стали осознаваться как приметы, предвещающие или прогнозирующие определённые события.

Слово *примета* этимологически связано с праславянским глаголом **mětiti*, от которого произошли: др.-русск. **мѣтити**, русск. *метить*, укр. *мітити* ‘метить’, болг. *мета* ‘примета, родинка’, *меціць*, болг. *смя́там* ‘считаю, полагаю’, сербохорв. *замијѐтити* ‘заметить’. Учёные сравнивают с др.-инд. *mātíṣ* ‘мера, правильное познание’, *abhímātiṣ* ‘преследование, покушение’, авест. *māta* ‘измеренный, образованный’, лат. *mētior, -īrī* ‘мерить, измерять’, греч. μῆτις ‘совет, замысел, смышлёность’, μητιάομαι ‘выдумываю’, μητιάω ‘принимаю решение’, др.-инд. mā́ti ‘мерит’, русск. *мера* [Фасмер, т. 2, 1986: 609].

Согласно материалам «Словаря русского языка XI–XVII веков» в древнерусских письменных памятниках слово *примета* употреблялось в нескольких значениях, среди которых следующие: ‘отличительный признак, по которому можно узнать кого-либо, что-либо; примета’; ‘доказательство, вещественный знак чего-либо’: **а Великаго дни въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтамъ гадаю: Великый день бываетъ хрестьяньскы первие бесерьменьскаго багрима за 9-ть день, или за 10 дни** [Словарь XI–XVII, т. 19, 1994: 217].

В большинстве примет объектами толкования становились особенности тех или иных явлений природы и поведение небесных светил: цвет зари,

положение солнца по отношению к облакам, форма месяца, направление и сила ветра, радуга, снег, туман и др. Особую трактовку имели те же явления природы, происходившие в определённые дни календаря – в таких случаях они обладали исключительной значимостью и знаковостью. В ряде примет знаковым становилось поведение животных (птицы летают низко над землёй, собака воет, кузнечики высоко скачут), жизнь растений (одуванчики закрываются, лес шумит, рябина цветёт) и даже необычные события, происходившие с домашними постройками или предметами быта (в доме бьётся посуда, хлеб лопается в печи, ложка падает на пол) [Славянские древности, т. 4, 2009: 279].

По типу примет могли истолковываться особенности внешности, поведения и самочувствия человека, которые имели природное происхождение и напрямую не зависели от человека (родился со сросшимися бровями, в ушах звенит, возвращается домой, вспоминая о забытом предмете, пересаливает или недосаливает пищу). Толкование намеренных действий, субъектом которых являлся сам человек, не входило в область примет и принадлежало к сфере поверий [Славянские древности, т. 4, 2009: 279].

Основная часть примет и суеверий, бытовавших в славянской культурной среде, передавалась в устной традиции от поколения к поколению. Однако существовали особые книги, в которых фиксировались толкования некоторых примет, способы предсказания будущего и даже отдельные способы врачевания и целительства. Христианская церковь категорически запрещала подобные практики, а книги, содержащие информацию о них, относила к разряду «богоотметных», «отреченных», «ненавидимых» или «ложных».

Упоминания о первых списках (индексах) «отреченных книг» относят уже к первым векам распространения христианства на славянских землях: первые книги, предназначенные для предсказания будущего, представляют собой переводные тексты, привезённые из Византии и восходящие к арабским, греческим и древнееврейским сочинениям.

Одним из самых древних письменных памятников, содержащих толкование примет и запрещённых для чтения благочестивыми христианами, является «Трепетник»: **Богоотметныя же книги и невидимыя: громовникъ• астрономия• сирѣчь звѣздосказаніе• трепетникъ• сонникъ** [Словарь XI–XVII, т. 30, 2015: 130].

Подлинный вариант «Трепетника» представляет собой переводной текст, привезённый из Византии и неоднократно переписывавшийся славянскими книжниками. Впервые «Трепетник» упоминается в «Индексе отреченных книг», зафиксированном в «Молитвеннике митрополита Московского и всея Руси Киприана» 1406 года. Доказательством популярности «Трепетника» являются сохранившиеся с XIV–XV вв. южнославянские и древнерусские списки данного источника. Полное название памятника указано в одном из сербских списков «*Трепетник велики предскатељ знакова који се на човеку појављују као играње ока дрхтање усана и на кратко по целом покрету тела човечијег који од природе долази*» (Трепетник – великий предвестник признаков, появляющихся в человеке, как-то мелькание глаз, дрожание губ,

причем на короткое время во всем движении человеческого тела, что исходит от природы) [Сперанский 1899: 22]. Исследователь русских апокрифических и потаённых текстов В. В. Мильков отмечает, что до XVII в. «Трепетник» именовался описательно: **ухозвонъ, окомигъ, мышца дрожит, лопаточник** [Мильков 2008: 348].

«Трепетник» трактует ощущения человеческого тела как знаки, прогнозирующие будущее. Это связано с представлениями о том, что тело не умеет врать. В Средневековье непроизвольные движения тела считали более искренними, нежели слова. Подтверждением могут служить суеверные убеждения, сохранившиеся до наших дней: если в беседе человек чихнёт, то это подкрепляет истину говорящего; если говорящий поперхнётся в разговоре, то звучит ложь [Грушко 1995: 502].

Толкование примет на основе состояния частей человеческого тела в «Трепетнике» проводится в рамках противопоставлений «верх – низ», «правый – левый».

Оппозиция «верх – низ» является одной из самых древних в славянской картине мира. Славяне верили, что человеческое тело разделено на две части: верх (с головы до пояса) и низ (ниже пояса). Верх наделялся такими признаками, как хороший, жизненный, благополучный, а низ – плохой, смертельный, скудный [Славянские древности, т. 1, 1995: 210]. Верхней границей тела считали голову, которую противопоставляли нижней границе – ногам. Согласно народным верованиям, у людей над головой витают ангелы-хранители, а в ногах путаются дьяволы. В «Трепетнике» находим следующие примеры данной оппозиции: **Връхъ ащѣ глави потрпещеть, радость кажеть; Глава дать му че Богъ некое добро** [Сперанский 1899: 119]; **Вса глава - на часть велику** [Там же: 122]; **Нога потрпещеть, зло каже** [Там же: 122]; **Нога аще потрѣпещеть мнозы тому поработають** [Там же: 123].

Во все времена голова считалась главной частью человеческого тела. Трепетание в голове предвещало принятие важных решений и наступление новых событий. Подтверждением данной мысли могут послужить фрагменты из «Трепетника»: **Врхъ главе на новъ чеш путь ити**; **Теме на глави с десне стране ока кад заигра судиіа еш бити** [Там же: 115]; **Теме на глави с леве стране ока кад заигра у веселом еш друштву бити** [Там же: 124]; **Десна страна главе кад ти заигра расправлаеш неком нешта**; **Лева страна глава кад ти заигра оговарае те жене** [Там же: 130]. Не случайно по сей день сохранились толкования примет, построенных на ощущениях зуда в разных частях головы: если беспокоит зуд на затылке, то это к долгой задумчивости, сомнениям; если зуд на макушке головы, то это приведет к семейным проблемам [Грушко 1995: 181].

Центром эмоционально-чувственной жизни человека считали сердце. В древности люди верили, что этот центр содержит в себе сильную божественную энергию, поэтому все ощущения около сердца могли принести счастье [Батуева 2008: 24]. Текст «Трепетника» содержит примеры подобных убеждений: **Аще срце потрепещеть• свѣть нѣкыи кажеть** [Сперанский

1899: 105]; **Ащє срцє потрепещєт• добро каже** [Там же: 111]; **Ащє срцє потрепещєт• здравиє кажеть** [Там же: 121].

Оппозиция «правый – левый» у древних славян была обусловлена положительной коннотацией правой стороны человеческого тела (счастье, удача, здоровье, плодородие) и отрицательной коннотацией левой (беда, неудача, болезнь, неурожай).

Восприятием правого и левого объясняются повсеместно распространённые у славянских народов предписания и запреты, связанные с бытовым и обрядовым поведением. Славяне верили, что за правым плечом (или на правом плече) находится ангел, направляющий человека на добрые дела и оберегающий от греха и опасностей. За левым плечом (или на нём) располагается дьявол, бес или чёрт, склоняющий человека к греху и ввергающий в опасность. Оппозиция «правый – левый» находит отражение и в семантике славянских слов: «**prav-* ‘правый’, ‘прямой’, ‘правильный, верный, истинный’; **lěv-* ‘левый’, ‘слабый’, ‘обратный’, ‘неверный, ложный, фальшивый’, ‘плохой, злой’» [Славянские древности, т. 4, 2009: 233].

Семантическая оппозиция «правый – левый» подтверждается примерами «Трепетника». В первую очередь это касается трепета в правой и левой руке: **Ащє рѹка десна потрепєт. недоуг каж; Ащє лѣва рука потрепещєт. добро каже** [Сперанский 1899: 106]; **Ащє рука дѣсна, радость каже; Ащє рука лѣва, печаль съмрътноу кажет** [Там же: 113]; **Ащє рѹка десна потрепєт. печаль каж; Ащє лѣва рука потрепещєт. оутєшєніє и радость кажеть** [Там же: 119];

Согласно славянским верованиям, для успешного результата любые бытовые и обрядовые действия необходимо было совершать правой рукой, которой совершается крестное знамение. Как известно, в древних славянских языках правая рука имела наименование **десница**, левая рука – **шоуица.** Но в тексте памятника данные языковые единицы не встречаются, а прилагательные **деснъ** и **шоуи** употребляются лишь для обозначения правой и левой сторон: **Ащє ребра десныє страны потрепещєт• здравиє кажеть; Ащє ребра лѣваа потрепещєт• страданиє кажет** [Там же: 107].

В «Трепетнике» среди прочих состояний частей человеческого тела упоминается ощущение зуда в глазах, которое также вписывается в пространственную оппозицию правого и левого: **Ащє око десноє• оубогимь польза кажеть• ащє око лѣвоє пользу сльзамь кажеть** [Там же: 104]. Символическое восприятие глаз связано с верой в способность «увидеть» и предсказать будущие события, а также «рассмотреть» судьбу другого человека. Отголоски древнейших представлений можно обнаружить в современных приметах, зафиксированных в «Словаре русских суеверий, заклинаний, примет и поверий»: зуд в правом глазу предвещает радость и встречу с любимым человеком, а в левом – к слезам [Грушко 1995: 104].

Примеры оппозиции «правый – левый» в тексте памятника можно обнаружить при упоминании всех парных частей человеческого тела (рук, ног, глаз, щёк, ушей, рёбер, пальцев и др.): **ащє десна ланита потрепещу• добро**

каже• аще ланита лѣваа потрепещет• недоуг кажет [Сперанский 1899: 104]; **Аще плеще десно потре• добро каже; Аще плеще лѣво потреп• печаль съмрътноу каже** [Там же: 105]; **Аще чрѣво десныє страны потрепещет• радо кажет; Аще чрѣво лѣвыє страны потрепещет• пѣчаль кажеть** [Там же: 107]; **Аще палець десніє рѫ́кы ако потрепещет• великѫ́ имѣнію гнь боудеши; Аще левіи• недоуг каже** [Там же: 117].

Следует отметить, что в некоторых редакциях «Трепетника» зафиксированы и прямо противоположные толкования правой и левой сторон человеческого тела: **Аще wбрьвь десна потрепещет• недоуг кажет• а после блго; аще wбрьвь лѣваа потрепещет• добро нѣкако кажет** [Сперанский 1899: 103]; **азє ноздрь десна потрепещет• бѣжьство каже; азє ноздрь лѣва потрепещет• от въсъм добро каже** [Там же: 104]; **аще запесть десна потрепещет• недоуг въ малѣ каже; аще лѣваа рука запесть потрепещет• добро кажет** [Там же: 105]; **аще оухо лѣвоє позьвии, блго некоє кажеть; азє слухь дѣсниє страни вьзшумить, добро кажеть и чьсть** [Там же: 109]. В приведённых примерах правая сторона является предвестником негативных событий, а левая наоборот имеет положительное значение. Возможно, такое истолкование связано с тем, что данный список «Трепетника» был написан на древнесербском языке, а у сербов оппозиция «правый – левый» имеет противоположную привычной для нас семантику [Славянские древности, т. 1, 1995: 402]. Сербы сохранили похожие приметы до настоящего времени: зуд в правой щеке может предвещать разногласия с кем-то из членов семьи, а в левой – налаживание личной жизни [Дедков 2012: 135].

Таким образом, текст «Трепетника» позволяет судить об особой сфере духовной жизни славян, связанной с приметами и гаданием. Обнаруженные в тексте семантические оппозиции в восприятии человеческого тела позволяют сделать некоторые выводы о специфике славянской языковой картины мира. Перспективы дальнейшей работы мы видим в изучении других письменных источников XIV–XVII вв., созданных на славянских землях и содержащих представления о других видах и способах предсказания будущего.

Литература

Батуева, А.А. Мифологема добра и зла в индоевропейских языках. М.: Воен. ун-т, 2008. 193 с.

Грушко, Е. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: Русский купец, 1995. 563 с.

Дедков, Н. Сербские народные приметы. М.: Наука, 2012. 321 с.

Мильков, В.В. Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. 1. СПб: Миръ, 2008. 678 с.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. 2512 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015.

Сперанский, М.Н. Из истории отреченной литературы. СПб: Общество любителей древней письменности, 1899. 139 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

А. Р. Тажкенова, студентка
Е. Н. Соколова, доктор филол. наук, проф.
Тюменский государственный университет
(г. Тюмень, Россия)

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ СВОДАХ XV ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются географические названия, зафиксированные в Севернорусском и Независимом летописных сводах XV в. Комплексный семантико-этимологический анализ топонимического пространства указанных источников позволяет сделать выводы об основных принципах номинации, национально-культурной специфике топонимов и способах отражения в них фрагментов языковой картины мира.

Ключевые слова: летописный свод, древнерусский язык, топонимы, языковая картина мира, лингвокультурологический аспект, семантико-этимологический анализ.

Русские летописные тексты являются ценными источниками для комплексного изучения топонимической лексики, выявления лингвокультурологической специфики географических называний. Как известно, летописи обладают большой восприимчивостью к идеям, настроениям и противоречиям определённого исторического периода. В связи с этим исследование топонимов в текстах летописных сводов позволяет «определить и проследить культурные тенденции и установки определённой исторической эпохи древнерусского государства» [Ерофеева 2012: 19].

На сегодняшний день имеется ряд научных работ, посвящённых описанию топонимического пространства древнерусских летописных текстов (Новгородская первая летопись, Псковская, Симеоновская, Воскресенская, Ермолинская, Лаврентьевская, Ипатьевская летописи) [Ююкин 2015, Тельпов 2016, Беленов 2017, Попов 2019 и др.], аспектам изучения топонимической лексики как источника культурологической информации [Березович 2007, Леонович 1997, Пак 2004, Соколова 2017, Фаткуллина 2015 и др.].

Актуальность исследования обусловлена возросшим научным интересом к лингвокультурологическому аспекту изучения топонимов, введением в научный оборот нового топонимического материала, извлеченного из текстов Севернорусского летописного свода 1472 года и Независимого летописного свода 80-х годов XV века, которые ранее не подвергались системному изучению. Комплексный семантико-этимологический анализ географических названий, зафиксированных в указанных источниках, нацелен на выявление основных принципов номинации, национально-культурной специфики топонимов и способов отражения в них фрагментов языковой картины мира.

Топонимическое пространство исследуемых источников представлено следующими группами топонимов: гидронимы (*Березыня, Волга, Двина, Ильмень, Ока, Сура, Угра* и др.); ойконимы (*Галичь, Звенигородъ, Киевъ, Кострома, Рудино село, Красное село, Хилинъ, Городець* и др.); инсулонимы (*Крымъ, Самсонъ*); оронимы (*Святая гора*); хоронимы (*Болгары, Пермьская*

земля и др.); агиотопонимы (*Кирилов монастырь, Ферапонтова пустынь* и др.); микротопонимы (*Фроловскые ворота, Беклемишовъ дворъ*).

В обоих летописных сводах значительная часть топонимического материала представлена ойконимами, которые отражают топографические особенности рельефа и ландшафта природных объектов, их географического расположения и присущей им флоры, а также характеристику почвы и грунта: ***город Киевъ*** (допускается первоначальная форма *Куява*, с основой kuj-, входящей в географический термин *куява* ‘крутой холм’), ***город Боровескъ***, ***город Галичь*** (восходит к праслав. основе *gal, представленной в русских диалектах, ср. *галый* ‘голый, безлесный’), ***город Кременець*** (в основе ойконима апеллятив *кремень* ‘разновидность кремнезема, твёрдый камень’): *«… възвратися и ста на Кременце задалеко от берега*» [НЛС]; ***город Опочка*** (от др.-русск. *опока* ‘меловой известняк, алебастр’); ***город Троки*** (от лит. trakas, trakai ‘место, где вырублен или выжжен лес’, ‘возвышенное сухое место’), ***город Устюг*** (название образовано по расположению в устье реки Юг): «*И оттоле поиде князь Василей на Устюгъ…*» [СЛС]; ***город Углечь Поле*** (возник на безлесной местности Верхневолжья и находится при изгибе (угле) Волги) [Нерознак 1983, Поспелов 2002]. Среди ойконимов имеется топонимический гапакс – ***город Ажелобицы*** (совр. Яжелбицы). По легенде, в основе названия лежит фраза Александра Невского «Я желаю биться», произнесенная им в 1238 году в Новгородской земле во время монголо-татарского нашествия): «*А князь велики тогды во Ажелобицахъ стоялъ…*» [СЛС].

В гидронимии также преобладают названия, указывающие на свойства и признаки водных объектов: ***река Шелонь***, ***река Сухона*** (в основе народный термин *суходон*, используемый на Севере для обозначения реки с песчаными, суглинистыми мелями и твёрдым дном), ***река Белева*** (из диалект. *белёв* ‘светло-серая супесь; подзолистая почва’; в названии дана характеристика цвета грунта дна или берегов реки), ***река Бетюкъ:*** «*Того же лѣта бой былъ с татары на Бетюцѣ…*» [СЛС] (первичная форма *Битюк* < тюрк. *бадук* ‘высокий’, имеется в виду высокий, крутой берег реки) [Нерознак 1983, Поспелов 2002].

В качестве мотивирующей основы для топонима могут выступать личные либо прозвищные имена, при этом антропотопонимы широко распространены в ойконимии и микротопонимии. В исследуемых текстах встречаются следующие названия: ***город Володимерь***, ***город Гороховець*** (уменьшительное производное с суффиксом -ьць от топонима *Горохов*, восходящего к прозвищному имени *Горох*); ***город Дмитровъ***, ***Дѣмон город*** (первый компонент образован от форм православного имени *Дементиан* или *Дамиан*); ***город Кашинъ*** (название в форме краткого прил. от прозвищного имени *Каша*): *«… а князь Василей убеже в Кашинъ…*» [СЛС]; ***город Козельскъ*** (топоним образован от прозвищного имени *Козел* с помощью суффикса -скъ); ***город Порховъ*** (как притяжательное прил. с суффиксом -овъ от личного имени *Порх*); ***город Ростиславль*** (совр. *Рославль* Смоленской области): «*… князь велики стоить под Ростиславлемъ со многими силами…*» [СЛС]; ***Беклемишовъ дворъ*** (двор на территории Кремля принадлежавший Беклемишевым – известному в XV в. роду землевладельцев): «*Мѣсяца апрѣля в 9 выгорѣ Москва город от*

Беклемишова двора» [СЛС]; ***Свиблова стрѣльница*** (башня московского Кремля вблизи боярского двора Свибловых) и др.

Отдельную группу названий составляют экклезионимы, в основе которых лежат личные имена основателей / церковнослужителей или имена святых, в честь которых были названы церкви и монастыри: ***Ондроньевъ манастырь*** (назван по имени первого игумена Андроника, ученика С. Радонежского); ***церковь святаго Иоана Предтечи***, ***Ферапонтова пустынь*** (была основана в конце XIV – начале XV в. Ферапонтом, сподвижником Кирилла Белозерского): «*поставили игумена Филофиа ис Ферапонтовы пустыни на Пермь во епископы*» [СЛС]; ***церковь Кузмы Демьяны на Которосли*** (церковь в Ярославле, получившая название в честь святых чудотворцев Косьмы и Дамиана) [Поспелов 2002].

Примечательно, что в основе номинации топообъектов могут лежать определенные события в социальной и экономической жизни. Например, возникновение летописного ойконима ***Бѣжицкой Верхъ*** связывают с преданием о беженцах из Новгорода. Город ***Волокъ Ламьски*** возник при волоке, соединяющем реку Лама с притоками Москвы-реки, тем самым открывая торговый путь из Новгорода в Ростово-Суздальское княжество и способствуя развитию культурных и экономических связей. Название города ***Суздаль*** связано с высокой зодческой культурой жителей древнего города. Река ***Куса*** получила название от башкирских кочевников, которые считали, что по этой реке удобно кочевать (*Куса* < башк. *кусеу* ‘кочевать’).

В летописях имеется ряд древних названий, связанных с языческими верованиями и обрядами. Гидроним ***Ильмерь*** (совр. Ильмень в Новгородской области) заимствован из финского языка, где означает ‘озеро, делающее погоду’ (из ilm ‘погода, воздух’, ‘дух погоды’ + järvi, järv ‘озеро’). Ойконим ***Кострома*** связан со славянской мифологией, где Кострома олицетворяла весну и плодородие, обряд «проводов весны», в котором соломенное чучело Кострому топили в реке или в озере [Поспелов 2002].

В Севернорусском и Независимом летописных сводах XV в. представлено значительное число фитотопонимов и этнотопонимов. Среди них: ***река Березыня***, ***река Листань*** (возникло из диалектного апеллятива *листвяник* ‘лиственный лес’), ***город Ореховець***, ***город Муромъ*** (от финно-угорского этнонима *мурома*), ***город Рязань*** (согласно одной из версий, топоним имеет первичную форму *Эрзань* < *эрзя* (мордовский этноним), ***город Казань*** (от этнонима *казан* (одно из булгарских племён) [Поспелов 2002].

Кроме того, в исследуемых текстах встречаются примеры топонимизации – процесса перехода имени нарицательного в разряд собственных имен. Например, ***город Волочекъ*** (от др.-русск. *вълъкъ, волок* ‘пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками и путь, по которому перетаскивают суда, грузы’), ***город Лукы Великые****: «И послаша къ нимъ въ Лукы въ Великые»* [НЛС], ***город Пьсковъ*** (первичная форма *Плесковъ* от др.-русск. *плесъ* ‘колено реки от одной луки до другой’), ***город Ржева*** (от др.-русск. *ржа* ‘болезнь колосового хлеба, покрывающегося рыже-бурой пылью’; или ‘рожь на корню, ржаная солома’), ***город Колуга*** (от др.-русск.

калуга < общеслав. kal'uža ‘лужа, топкое, заболоченное место, яма’) [Нерознак 1983, Поспелов 2002].

Тексты летописей фиксируют незначительное количество названий, содержащих цветовую характеристику: ***город Вороночь****: «На лѣто ходил … ко Пьскову, а был под Опочками да под Вороночем»* [СЛС] (возможно, восходит к основе *воронъ-* ‘вороной, чёрный’), ***город Вологда*** (от гидронима *Вологда*, заимствованного из финно-угорских языков в значении ‘белый’), ***город Белоозеро*** (от гидронима *Белое озеро* с белым цветом грунта), ***Золотые ворота*** (парадные ворота города Владимира, покрытые листами золочёной меди) и др.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Топонимическое пространство Севернорусского и Независимого летописных сводов XV века представлено 452 топонимическими единицами, среди которых могут быть выделены гидронимы, хоронимы, ойконимы, оронимы, агиотопонимы, инсулонимы и микротопонимы.

2. К основным принципам номинации топообъектов, отражающим лингвокультурологическую информацию, относятся названия по отличительным признакам географической среды (*города Галичь, Киевъ, Котельничь, реки Бетюк, Ока* и др.); по характеру ландшафта и по особенностям почвы и грунта (*города Опочка, Лукы Великые, реки Белева, Сухона* и др.); по цветовым характеристикам (*Бѣлоозеро, Вороночь* и др.); по наименованиям растительности (фитотопонимы) (*река Листань, города Боровескъ, Орѣховец*); по реалиям, связанным с религиозными представлениями (*Ондроньевъ манастырь*); отантропонимные наименования, включающие имена и прозвища основателей, исторических деятелей, названия народов и племён (*Ярославль, Козельск, Муромъ* и др.).

3. Топонимическая лексика является важнейшим компонентом языковой картины мира как индивида, так и целого коллектива, этноса [Фаткуллина 2015: 2]. В наименовании топообъектов реализуется рационально-логическое осмысление окружающей действительности и её ментальное бытие. В ойконимах и гидронимах сохраняется память об имени основателя, конкретного исторического деятеля, племени, первым заселившего территорию, и о его взаимодействии с другими племенами или этносами; отражаются определённые исторические события и исторические факты. Экклезионимы обнаруживают тесную связь с основными концептами христианского православного мировоззрения и особенностями русского менталитета.

Летописные своды XV в. с фотографической точностью воспроизводят топонимическое пространство древних славянских территорий, наглядно демонстрируют не только практический характер географических названий, состоящий в том, чтобы обозначить объект, указать его отличительные признаки, сориентировать носителя языка в пространстве, но также стремление дать топообъекту оценочную характеристику, репрезентируя соотнесенность с системой русско-славянского мировоззрения.

Литература

Беленов, Н.В. Русские летописи как источник по топонимии среднего Поволжья // Libri Magistri. 2017. Т. IV. С. 112-119.

Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Ерофеева, И.В. Лингвокультурологический подход к исследованию древнерусского текста // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 154. Книга 5. Казань, 2012. С. 17-22.

Леонович, О.А. Топонимы как источник культурологической информации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 1997. № 1/2. С. 16-20.

Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5071 (дата обращения: 13.02.2024) – НЛС.

Нерознак, В.П. Названия древнерусских городов. Москва: Наука, 1983. 207 с.

Пак, С.М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 1. С. 161-171.

Попов, П.А. Первые летописные упоминания о Воронеже в контексте комплексного изучения древней топонимии // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. Вып. № 4 (21), 2019. С. 88-99.

Поспелов, Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. Москва: Астрель: АСТ, 2002. 512 с.

Севернорусский летописный свод 1472 г. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5067 (дата обращения: 13.02.2024) – СЛС.

Соколова, Е.Н. Лингвокультурологический аспект изучения древнерусских топонимов // Когнитивные исследования языка. 2017. № XXX. С. 850-853.

Тельпов, Р.Е. Названия территорий средневековой Руси (по материалам синодального списка Новгородской первой летописи старшего извода) // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 261-264.

Фаткуллина, Ф.Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1174-1178.

Юкин, М.А. Древнерусские летописные ойконимы XIV–XVII веков с формантом *-*jь* // Филология и человек. 2015. № 1. С. 141-148.

М. М. Юновидова, студентка
Науч. рук.: С. Г. Шулежкова, доктор филол.наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(Магнитогорск, Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В СИНАЙСКОМ ЕВХОЛОГИИ

Аннотация. Автор рассматривает проблему вербализации концепта «Преступление» в общеславянском литературном языке Средневековья. Источником исследования послужил один из древнейших памятников старославянской письменности – Синайский евхологий, в котором отразился начальный этап трансформации славянского концепта «Преступление» под влиянием христианизации славян. Лингвокультурологическому анализу подвергаются старославянские наименования преступлений.

Ключевые слова: Синайский евхологий, концепт, язычество, нравственные ценности, христианизация.

В эпоху христианизации жизнь славян претерпела существенные изменения. На смену старому языческому мировоззрению пришло новое верование, повлиявшее не только на духовную жизнь средневекового общества, но и на государственное мышление правящей прослойки формирующихся славянских княжеств. Вместе с тем претерпевает трансформацию и языковая картина мира вчерашних язычников, в которой одно из ключевых мест занимает концепт «Преступление». В жизнь средневековых язычников христианство привносит новые представления о нормах и законах, что способствует развитию новой правовой системы. Светские законы испытывают серьёзное влияние Закона Божьего.

На современном этапе развития человечества концепт «Преступление» присутствует в концептосфере любого общества и народа. Он довольно хорошо изучен лингвистами, такими, как Ю. Г. Евтушок [Евтушок 2004], М. Е. Микаелян [Микаелян 2010] и Р. Р. Теплых [Теплых 2013: 157-161]. Однако сам процесс становления концепта «Преступление» в период христианизации славян, отражённый в старославянских памятниках, фактически не изучен. Между тем достаточно информативным источником по этой проблеме является Синайский евхологий.

Синайский евхологий, памятник общеславянского литературного языка раннего Средневековья, представляет собой глаголическое рукописное собрание молитв, особых церковных служб, переведённых с древнегреческого и древневерхнемецкого языков, а также «Заповедей святых отец», источниками которых послужили латинские тексты. Как пишет автор работы «Западнославянские памятники покаянной дисциплины в Древней Руси», в Синайском евхологии сохранилась древняя редакция христианских молитв, которые ещё не подвергались редактированию [Максимович 2005: 72-74]. Именно поэтому данный источник представляет для нас особый интерес в рамках анализа формирования концепта «Преступление» на ранних этапах его развития.

Результаты трансформации концепта «Преступление» на этапе христианизации можно наблюдать в ранних памятниках древнерусской литературы. Примечательно, что законы государственные и Закон Божий в восточнославянских рукописях тесно переплетаются. В них чётко прослеживаются два направления в развитии концепта «Преступление», каждое из которых обладает своим набором однословных и сверхсловных средств выражения, отражающих начальный этап трансформации славянского концепта «Преступление» под влиянием христианизации славян.

В «Этимологическом словаре современного русского языка» А. К. Шапошникова *преступление* определяется как «Преступление 2 – см. преступить; общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности. В рус. языке XI–XVII вв. изв. **перестоупленик, престоупленик, клятвопрестоупленик и законопрестоупленик.** Из *цслав.* **прѣстѫпленик,** приставочного производного от имени действия на *-лен-ие* по глаг. **прѣстѫпити.** См. Преступить» Исходя из этого нас также интересует

определение слова *преступить*: «*устар*. перейти, переступить через что-л.; *перен.* нарушить что-л., изменить чему-л. В рус. языке XI–XVII вв. изв. **перєстоупити** и **прєстоупити** «переступить». Из *цслав*. **прѣстѫпити,** приставочного производного от**стѫпити.** *См*. Ступить» [Шапошников 2010, т. 2: 207].

Средневековые славянские памятники свидетельствуют о том, что слово *преступление* используется писцами издревле; оно не случайно зафиксировано в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)»: «**Прѣстѫплєниѥ** – нарушение, проступок **о прѣстѫплєнии заповѣди б(о)жиѩ** Мар 436, 10» [СтСл 1994: 552]. При этом мы можем говорить, что уже в раннем Средневековье памятники свидетельствуют о наличии не одного, а двух значений у южнославянского слова **прѣстѫплєниѥ,** ибо так назывались разные типы нарушений и проступков – преступления против государственного закона и преступления против божьих заповедей.

Об употреблении языковой единицы **прѣстѫплєниѥ** свидетельствует и Синайский евхологий, где он употреблён в форме творительного падежа: **прѣстѫплєниємь** (Син евх 52v25 А, 66v9 ø). Мы можем, таким образом, говорить о том, что в ядерную зону старославянского концепта «Преступление» входила лексическая единица **прѣстѫпити.** От этого глагола образовывались соответствующие причастные формы, которые способны были субстантивироваться. Так, например, в Синайском евхологии употреблено причастие в форме **прѣстѫпльшии** в составе устойчивого словесного комплекса (УСК) **прѣстѫпльшии вєлѣниѥ** (Син евх 85г20 ø), обозначающего субъекта действия, совершающего противоправный поступок: **Прѣстѫпьшии вєлѣниѥ чиѥ (Ни възгѫшаи сѧ мноѩ иѫ прѣстѫпльшааго ти вєлѣниє· Нъ м(и)^(о)сръдънѭиѫ десницѫ простєръ· Приими м'нє заблѫждьшааго б(о)же· и помилоуи мѧ·** (Син евх 85а: 19-23). В Синайском евхологии, как и в других старославянских памятниках, имя концепта «**Прѣстѫплєниѥ**» было полисемантом. Оно обозначало не только ‘проступок, противоречащий христианским заповедям’, но и ‘проступок, противоречащий мирскому, светскому праву’. В силу того, что большинство старославянских памятников содержит тексты христианской тематики, более активно писцами X–XI вв. используются вербализаторы, в семантическую структуру которых входят семы, характеризующие всевозможные проступки, противоречащие Закону Божьему. Обычно они называются *грехами*. Не случайно фразеологический корпус общеславянского литературного языка содержит множество УСК-вербализаторов концепта «**Прѣстѫплєниѥ**», содержащих компонент **грѣхъ** или **грѣси**: **грѣхъ адама (адамовъ), грѣхъ имѣти, грѣхъ (нє) къ съмрьти, грѣси вольнии и невольнии, грѣси вьсєго мира, грѣси човѣчьсции, грѣхъ (нє) отъпоуститъ сѧ, грѣхъ творити, грѣхъ (грѣси) юности, грѣхъ (грѣси) нє прощении** и пр. Помимо названных выше предметных и процессуальных УСК, и в Синайском евхологии, и в других старославянских текстах активно используются наименования лиц, совершающих проступки, противоречащие христианским заповедям.

Доминантами этого ряда языковых единиц можно было бы признать лексему **грѣшьникъ** и УСК **грѣшьный (недостойный) рабъ божии.** Однако, когда в древних славянских текстах речь идёт о тяжких преступлениях, которые осуждаются не только Законом Божьим, но и мирским, светским правом, и для наименования самого преступного действия, и для совершающего противозаконные действия древние писцы использовали другие языковые средства: **доушегоубъ, доушегоубьць, оубити, оубийца, оубиѥниѥ, законъ прѣстѫпити, прѣстѫпьникъ, законопрѣстѫпьникъ.**

В ядро поля вербализаторов концепта «Преступление» в Синайском евхологии, основанного и на мирской основе и на христианских взглядах, мы относим лексическую единицу **прѣстѫплѥниѥ,** синонимичную единице **бєзакониѥ.** В том же памятнике встречается слово **бєзаконъноующии** (Син евх 74v13 А), называющее лиц, совершающих противозаконные действия. В связи с развитием христианских идей поле вербализаторов концепта «**Прѣстѫплѥниѥ**» расширяется. В него входит лексема **грѣхъ** [Комшина 2004: 84-86]. В Синайском евхологии ядерная зона концепта «Преступление» также содержит языковую единицу **грѣхъ** (Син евх 57r6 В 69v4 ø). В работе П. М. Комшиной указано, что «Отступление от божьих заповедей и заветов в древних славянских памятниках обозначалось лексемой **грѣхъ** ‘грех, проступок’, а человек, нарушающий законы божии, именовался не иначе, как **грѣшьникъ** ‘грешник’» [Комшина 2014: 84-86]. Значимость данной единицы для формирования концепта «Преступление» в Синайском евхологии подчеркивает частотность её употребления. Лексема **грѣхъ** входит в ряд устойчивых словесных комплексов (УСК) представленных в Синайском евхологии: **грѣхъ юности чиѭ (Помѧни щедроты твоѧ г(оспод)и· И мило(сти) твоѧ ѣко отъ вѣка сѫтъ· Грѣхъ юности моєѧ и невѣдѣниѣ моєго нє помѧни·** Син евх 74b: 18-22); **грѣховьна съмрьть (отъ в’сѣхъ оубо храни сѧ· wтъ нихъже въходитъ грѣховъная съмрътъ· Любодѣание· имьже с(вѧ)тыни тѣлесъная с’кврънитъ сѧ·** Син евх 89a: 7-11); **грѣхъ очищати сѧ (Wлє новоє зъваниє· Wлє даровании таинымѧ· Вътороє кръщениє приємˆєши д’нєсь братрє· И отъ грѣхъ своихъ очищаєши сѧ· и с(ы)нъ свѣтоу бываєши·** Син евх 90b: 14-18); **грѣхъ възмати (Ащє к’то мъздѫ вьзъмєтъ отъ кого· постити сѧ за нь· ащє вѣды сє сътворилъ єстъ· Да алъчетъ за сѧ· єлико и за оного· и єжє єстъ възмлъ· Да дастъ ницимъ· ѣко тоуждѫ грѣхы вьземˆєтъ·** Син евх 104a: 1-6); **грѣхы отъдати чиѭ (Б(о)жє имѣѩи власть· грѣхы отъдаѣти· и д(оу)шѧ с(ъ)па(са)ти· и тѣлєса цѣлѣти· твоєѭ благодѣтиѭ· Ави нынѣ ми^(о)сть твоѭ· на рабѣ твоємь сємь стражѭщиимь отъ нєдѫгъ·** Син евх 25a: 3-9).

В Синайском евхологии встречаются также УСК с компонентом **прѣгрѣшениѥ**: **прѣгрѣшениѥ вольноѥ и невольноѥ (остави грѣхы· і отъ дажди ємоу в’сє прѣгрѣшениє· Вольноє жє и невольноє· і прѣложи и· и причьти и· къ с(вѧ)тѣи цр(ь)к(ъ)ви твоєи·** Син евх 73b: 11-15); с компонентом **грѣшьникъ: грѣшьникъ избавити (···г(оспод)и· Ты єдинъ**

на съ свѣтъ приде грѣшъникъ ізбавитъ• Бжди мѧ с(ъ)п(а)сы• ізбави мѧ г(оспод)и б(о)же с(ы)не г(оспод)и• ѣкоже ты хощеши• ѣкоже ти любо• Син евх 72b: 10-14).

Все приведённые выше обороты включают в свою семантическую структуру общую интегральную сему ‘нарушение чего-либо’.

В околоядерной зоне поля вербализаторов концепта «**Прѣстжплѥніѥ**» текст Синайского евхология позволяет выделить несколько секторов. Первый из них – сектор с общей семой ‘хищение, насильственное присвоение чужой собственности’. В данную группу входят 4 лексемы со значением процессуальности: **грабити** (Син евх 44v23 Ø), **красти** (Син евх 53v3 A) / **оукрасти** (Син евх 102v6-7 A, 103v1A,102v4 B, 102v8 A), **татьба** (Син евх70v13ø). Второй сектор объединяет 6 языковых единиц с общей семой ‘лишить жизни кого-либо’: **избити** (Син евх 106r24 A), **погоубити** (Син евх 102v16 C, 103r5 D), **оудавити** (Син евх 103r17 A), **оубити** (Син евх 102r8 A), **оумрьтвити** (Син евх 78v23 ø), **прокажити** (Син евх 104r9-10 A). Глагол **проказити** может выполнять роль компонента УСК: **проказити отроча (нѣстъ лѣпо да именоуѣтъ сѧ х(ристо)въ рабъ• Аще котораа жена блждъ сътворьши• толи проказитъ отроча в’ себѣ• •і• лѣ$^{т(ъ)}$ да по$^{к(а)}$ет’сѧ• •б• о^{т} ни^{х} о хлѣ$^{б(ѣ)}$ о во$^{д(ѣ)}$•** Син евх 104a: 7-11).

Околоядерная зона христианского вектора развития концепта «**Прѣстжплѥніѥ**» представлена в Синайском евхологии гораздо шире. В неё входят 4 сектора. Первый сектор состоит из языковых единиц, объединённых семой ‘разврат телесный и неверность Богу’: лексемы **блждъ** (Син евх 38v16A, 37r9 A), способной выполнять роль компонента УСК: **содомъскъ блждъ (Аще которы причетьник(ъ) содомъскы блждъ сътворит• <…> да покает сѧ•** Син евх 102a:20-21); **блждолюбиѥ** (Син евх70v14-15); **любодѣаніѥ** (Син евх 89r9 ø, 89r9 ø); **похоть** (Син евх 99r18 A, 54r17E, 88v4 ø, 90v26 A, 103r21 D). Существительное может входить в состав ряда УСК как компонент: **похоть имѣти (А к’то похоть имы• ілн лжкавъствомь тоуждѣ женѣ прииме^{т}• •в• лѣ$^{т(ъ)}$ Да покает’сѧ• •а• о хлѣбѣ о во$^{д(ѣ)}$•** Син евх 103a: 21-23); **плътьныѣ похоти (оустави оустръм^ениѣ страсти• оугаси тѣлесъноє раждежениє• і жизни• Плътьскыѣ похоти отъжени• і дажди намъ небьдмщеѣ мыслиѣ• і трѣзвмщемь сѧ помышлениемь•** Син евх 38a: 4-9, **ѣко да бжденъ ти страшенъ сѫпостатомъ• нє побѣжденъ браньми• в’сеѣ сласти• И плътьныѣ похоти•** Син евх 99a: 15-18, **прѣзьрѧ помышлениѣ его• отъ плътъныхъ похотеи• тьщаньи• і льсти житиискыѣ• събери жє незамоудъно• помьнѣти благаа•** Син евх 100b: 19-24).

Второй сектор с общей семой ‘грех по отношению к ближнему’ включает в себя 4 лексемы: **гнѣвъ** (Син евх 91v22 F, 91v18 F, 61r20 F, 76r7), встречающуюся и в составе УСК: **Нє дати мѣста гнѣвоу (благотворѧ напасть дѣѭщимъ тебѣ• б(ог) моли за биѭщѧѣ тѧ по ланитѣ• нє даѭща мѣста гнѣвоу• Да бждеши чадо свѣтоу и дьни•** Син евх 89b: 3-7);

ѣрость (Син евх 91v15A, 89r15ø); **жѧдьнъ** (Син евх 43r2ø); **клєвєта** (Син евх 91v15-16 F 68r14ø).

Отдельный сектор формируют языковые единицы с общей семой ‘язычество’. В него входят лексемы: **нєчьствовати (нєчьствовавъшѧѩ)** (Син евх 52v3 A), **поганъ / погани** (Син евх 103v4, 23r5-6 B; Син евх 103v4 A), **хоулєниє** (Син евх 91v15 A).

Особняком стоит в поле вербализаторов лексема **гръдъıни** (Син евх 89r18 ø), обозначающая ‘горделивость, высокомерие’.

Таким образом, поле вербализаторов концепта «Преступление», зародившегося ещё до принятия славянами христианства, после Крещения значительно обогатился за счёт языковых единиц, характеризующих проступки, противоречащие христианским заповедям. Неудивительно, что в Синайском евхологии представлено больше вербализаторов, осуждающих отступление от христианской морали, нежели тех, что называют преступления против мирских законов. Синайский евхологий предостерегает верующих от поступков, противоречащих Закону Божьему. Описание в нём грехов должно было предостеречь верующих от небогоугодной жизни.

О том, как развивалось поле вербализаторов концепта «Преступление», можно судить по результатам, отражённым в современных славянских языках. Так, например, в словарях русского языка поле вербализаторов интересующего нас концепта отражает по преимуществу светское значение его имени. Даже в словаре В. И. Даля *преступать* означает ‘переступать, нарушать, выходить из пределов законов, своих прав, власти’, а *преступленье* – ‘самое дело, проступок и грех; беззаконие, злодеяние; поступок, противный закону’. «Проступок есть лёгкое нарушенье закона, а преступленье – более важное. За проступки полагаются взыскания распорядительные, а за преступления предают суду. *Преступный* – составляющий собою преступленье; соделавший преступленье. *Преступность* ж. – состн., качество по прил. *Преступник* м. преступник, *-ница* ж. – нарушитель закона, совершивший преступленье, виновный перед законами в важном нарушении их» [Даль, т. 3, 1998: 656]. В данном случае мы можем наблюдать явное превалирование характеристик светских нарушений закона, нежели грехов, связанных с отступлениями от божьих заповедей.

В словаре С. И. Ожегова наблюдается другая картина: преступление рассматривается как «1. Общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности. *Совершить преступление. Государственное преступление* (посягательство на интересы государства). *Должностное преступление. Преступления против человечества* (преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности: подготовка и ведение агрессивных войн, применение средств массового уничтожения людей, военные акции против мирного населения, грабежи, убийства и другие злодеяния, расизм, геноцид, апартеид). – На месте преступления застать (поймать, застигнуть) кого: 1) непосредственно и сразу после совершения преступления. *Убийца задержан на месте преступления*, 2) о том, кто застигнут во время нежелательного, осуждаемого поступка (разг.)»

[Ожегов 1999: 585]. Оценка же проступков против Закона Божьего в светском государстве ушла в сферу религиозной жизни, отделённой от жизни светской.

Литература

Большой толковый словарь русского языка [Текст] : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 534 с.

Большой фразеологический словарь старославянского языка / Научно-исследовательская словарная лаборатория МГТУ им. Г.И. Носова ; гл. ред. С.Г. Шулежкова ; ред. колл.: С.А. Анохина, А.А. Осипова, Н.В. Позднякова. Москва : ФЛИНТА, 2022. Т. 2: Въврьгн@ти въ тин@ – Дalти / дати слово. 560 с.

Гильтебрандт, П.А. Справочный и объяснительный словарь к Псалтири. München: Verlag Otto Sanger, 1993. 549 с.

Комшина, П.М. Ядерная зона вербализаторов концепта «Прѣстѫплєниє» в старославянских текстах X–XI вв. (опыт лексикографического описания) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. №. 3 (45). С. 84-86.

Микаелян, М.Е. Концепт Crime в современной англоязычной картине мира: структурно-репрезентационный и когнитивно-дискурсный подходы (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 191 с.

Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 23.01.2024)

Пенкова, П. Речник-индекс на Синайския евхологий. София: Изд-во проф. Марин Дринов, 2008. 400 с.

СБР 1999: Старобългарски речник: в 2 т. / отв. ред. Д. Иванова-Мирчева. Т. 1. А–Н. София: Изд-во ЕТ «Валентин Траянов», 1999. 1028 с.

Скляревская, Г.Н. Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 688 с.

СтСл 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

Син. евх: Nachtigal R. Euchologium sinaiticum. Fotografski posnetek; Tekst s komentajem. Lubljana, 1941–1942.

Теплых, Р.Р. Ядро семантического поля концепта «Преступление» // Вестник ВЭГУ. 2013. №. 6. С. 157-161.

Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://slovardalja.net/ (дата обращения: 01.03.2024).

Шулежкова, С.Г., Костина, П.М. Насильственная смерть как наказание за веру христову, отражённая в памятниках общеславянского литературного языка Средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. №. 1 (59). С. 212-222.

Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / Сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 2. 576 с.

РАЗДЕЛ VI
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК РАЗНЫХ НАРОДОВ

А. Е. Войтова, студентка
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

ПЕРЕВОДНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ БЕЛОРУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ

Аннотация. В статье рассматриваются переводные соответствия белорусских и немецких пословиц в аспекте их структурно-семантического моделирования. Выделяется пять типов межъязыковых соответствий белорусских и немецких пословиц, имеющих одну структурно-семантическую модель, однако различающихся лексической организацией (в одном компоненте, в парных компонентах, во всех компонентах, кроме парных, во всех компонентах кроме одного, всеми компонентами лексического состава).

Ключевые слова: паремиология, пословица, структурно-семантическая модель, лексический состав, перевод, белорусский язык, немецкий язык

Межъязыковое сопоставление пословиц, включая выявление и инвентаризация их структурно-семантических моделей представляет собой одно из активно развивающихся направлений современной паремиологии ([Паремиология 2015], [Паремиология 2020], [Паремиология 2021]), в том числе и на материале пословиц белорусского языка ([Алёшын, Іваноў 2022], [Вальтер, Иванов, Мокиенко 2015], [Петрушэўская 2021], [Alyoshin, Ivanov 2023]).

Сравнению белорусских и немецких пословиц посвящено немало исследовательских работ [Иванов, Петрушевская 2015], межъязыковые пословичные эквиваленты и соответствия описаны в белорусско-немецком паремиологическом словаре [Іваноў, Раманава 2006], а также в белорусско-иноязычном словаре [Петрушэўская 2020], в полилингвальном словаре пословиц европейских языков [Paczolay 1997]. Вместе с тем общие и специфические черты белорусских и немецких пословиц в плане их структурно-семантических моделей описаны весьма поверхностно, что затрудняет перевод пословиц с белорусского на немецкий язык (и наоборот – с немецкого языка на белорусский).

Цель исследования – выявить переводные соответствия пословиц в белорусском и немецком языках в рамках межъязыковой типологии их структурно-семантических моделей.

В качестве методологической базы исследования использованы основные положения теории языковой типологии пословиц ([Petrusheuskaya 2019], [Seliverstova 2020]), теории перевода пословиц ([Киндеркнехт 2007], [Балляр 2009], [Бредис, Иванов 2022]), теории сравнения пословиц белорусского и

других языков ([Ivanov, Feldman 2007], [Петрушевская 2015], [Петрушевская 2021]), в том числе немецкого языка [Романова, Иванов 2006], теории паремиологии белорусского языка ([Іваноў 2004], [Іваноў 2006], [Лепешаў 2006]), теории структурно-семантического моделирования белорусских пословиц [Іваноў, Петрушэўская 2021].

Фактическим материалом для исследования послужили белорусско-немецкий паремиологический словарь [Іваноў, Раманава 2006], толковый словарь белорусских пословиц [Лепешаў, Якалцэвіч 2011], полилингвальные словари пословиц [Paczolay 1997; Петрушэўская 2020].

Исследование показало, что при переводе пословиц с белорусского на немецкий язык (и наоборот) наибольший интерес вызывают лексические соответствия в рамках пословичных структурно-семантических моделей. Так, переводные эквиваленты пословиц делятся в этом плане на следующие разновидности.

1. Пословицы, различающиеся в одном лексическом компоненте, который является доминирующим в понятийном и образном содержании пословиц в одном из языков. Например, белорусская пословица *Муж і жонка – найлепшая сполка* (говорят, когда муж и жена одинаково думают, имеют согласие во мнениях и делах, одинаковые привычки, намерения и стремления) имеет аналог в немецком языке *Mann und Weib sind ein Leib* («Муж и жена одна тело»). Белорусская пословица *Цяснота – не крывота* (означает, что хотя мы можем быть близко или тесно связаны с людьми или находиться в ограниченном пространстве, это не должно вызывать противоречий или обид) имеет немецкий аналог *Eng, aber gemuetlich* («Тесно, но удобно»). Белорусская пословица *У страху вочы вялікія*, которая употребляется для описания физического выражения страха у человека) в немецком языке имеет аналог *Die Furcht hat tausend Augen* («У страха тысяча глаз»).

2. Пословицы, различающиеся в парных лексических компонентах, которые часто представлены пословичными биномами (комбинациями компонентов, представляющих ядро содержания паремиологических единиц). Например, белорусская пословица *Лепш сініца ў жмені, чым жораў у небе* (означает, что лучше иметь что-то небольшое и уверенное, чем надеяться на что-то большое и неопределённое) имеет аналог в немецком языке: *Besser ein Spatz in der Hand als eine Taube auf dem Dach* («Лучше воробей в руке, чем голубь на крыше»), где противопоставляются пословичные биномы «синица – журавль» в белорусском и «воробей – голубь» в немецком. Ещё одна белорусская пословица *Праца гадуе, а лянота марнуе*, в которой говорится о важности трудолюбия и отношения к работе, подчеркивается, что труд и настойчивость позволяют обеспечить себя и свою семью, достичь благополучия и удовлетворения от своих достижений, а лень и нежелание работать приводят к разочарованию, бедности и неуспеху, имеет немецкий аналог: *Fleiss bringt Brot, Faulheit Not* («Трудолюбие приносит хлеб, лень – нужду»), где противопоставляются пословичные биномы «воспитывать – (здесь) портить» в белорусском и «хлеб – нужда» в немецком.

3. Пословицы, различающиеся всеми лексическими компонентами, кроме парных, являющихся пословичными биномами. Например, белорусская пословица *Якая птушка, такое і гняздзечка* (означающая, что окружение или условия, в которых происходит работа, оказывают влияние на её итоговый результат или качество) имеет аналог в немецком языке: *Am Neste kann man sehen, was für ein Vogel drin wohnt* («По гнезду можно увидеть, какая птица в нём обитает»), где общими для пословиц обоих языков выступают лексические компоненты *птица* и *гнездо*, которые образуют пословичный бином «птица – гнездо».

4. Пословицы, различающиеся всеми лексическими компонентами, кроме только одного (двух), которые, будучи доминантными, совпадают в пословицах обоих языков. Например, белорусская пословица *Няпрошаны госць горш за татарына* (где говорится о незваном госте, который хуже заклятого врага, поскольку имеется в виду исторический период татарского ига над русскими княжествами) имеет аналог в немецком языке *Ungebetener Gast ist eine Last* («Незваный гость – обуза»). Белорусская пословица *З ваччу сышоў і з памяці звaліўся*, говорящая о том, что при удалении от кого-либо или прекращении взаимодействие с кем-либо, привязанность, а также эмоциональное влечение к этому человеку уменьшается или исчезает, имеет аналог в немецком языке: *Aus den Augen, aus dem Sinn* («С глаз долой – из сердца вон»).

5. Пословицы, которые различаются всем составом лексических компонентов, однако имеют тождественное или максимально близкое значение. Например, белорусская пословица *Дзеду міла, а ўнуку гніла*, содержащая указание на то, что вкусы и предпочтения каждого человека индивидуальны и могут различаться, имеет аналог в немецком языке: *Über den Geschmack lässt sich nicht streiten* («О вкусах не спорят»). Белорусская пословица *Якая матка, такое й дзіцятка* (дети обычно наследуют характерные черты, качества или поведение от своих родителей или близких родственников) имеет немецкий аналог: *Der Apfel fallt nicht weit vom Stamm* («Яблоко падает недалеко от дерева»). Белорусская пословица *З якім спазнаешся, такім станешся*, говорящая о том, что всегда есть влияние окружающих людей на поведение и характер человека, имеет аналог в немецком языке: *Mit Lahmen lernt man hinken, mit Saufern trinken* («С хромыми учатся хромать, с пьяницами – пить»).

Таким образом, существуют различия в структурно-семантическом моделировании пословиц на уровне их лексической организации в белорусском и немецком языках. Такие различия могут проявляться как в одиночных, так и в парных лексических компонентах, а также во всех или во всех без одного (двух) лексических компонентах пословиц. Полученная информация позволяет более объективно воспринимать межъязыковые вариации и моделирование пословиц в разных языках и обогащает сравнительный анализ паремиологических фондов белорусского и немецкого языков.

Литература

Балляр, М. Пословица и перевод // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2009. № 2. С. 38-63.

Бредис, М.А., Иванов, Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17-36.

Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2015. С. 209-214.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252-292.

Киндеркнехт, А.С. К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. 2007. № 10 (16). С. 3-10.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская, Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST – EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. С. 61-72.

Петрушевская, Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213-216.

Романова, Н.К., Иванов, Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. 2006. Вып. VII. С. 161-164.

Алёшын, А.С., Іваноў, Я.Я. Матэрыялы да ўкладання беларуска-шведскага слоўніка прыказак // Труды БГТУ. Серия 4. 2022. № 1 (255). С. 86-95.

Alyoshin, A., Ivanov, E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. № 1. Pp. 5-23.

Іваноў, Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік БДУ. Серыя 4. 2006. № 3. С. 103-109.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1. 2021. № 4. С. 44-52.

Іваноў, Я.Я., Раманава, Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Іваноў, Я.Я. Сацыялінгвістычныя параметры беларускіх прыказак (да праблемы вызначэння парэміялагічнага мінімуму і асноўнага парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы) // Мова і соцыум: зб. навук. прац. Магілёў: Брама, 2004. С. 201-224.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85-97.

Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. 279 с.

Лепешаў, І.Я., Якалцэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. 695 с.

Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

Seliverstova, E.I. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 198-212.

Э. М. К. Гусейнова, студентка
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ (МАТЕРИАЛЫ К ДВУЯЗЫЧНОМУ СЛОВАРЮ)

Аннотация. В статье рассматриваются соответствия азербайджанских и белорусских пословиц в лексикографическом аспекте. Выделяются аналогичные единицы, тождественные структурно-семантические модели пословиц, идентичные пословичные концепты и образы. Приводятся материалы к азербайджанско-белорусскому паремиологическому словарю.

Ключевые слова: паремиология, пословица, аналог, структурно-семантическая модель, концепт, образ, азербайджанский язык, белорусский язык, паремиологический словарь.

Сравнение пословиц на широком языковом материале даёт наиболее полные и адекватные представления об их внутреннем устройстве и семантике, а также об общем в разных языках (универсальном и интернациональном) и специфическом (уникальном). Именно поэтому современная паремиология как самостоятельная лингвистическая дисциплина основывается прежде всего на анализе пословичных фондов разноструктурных языков [Паремиология 2015; Паремиология 2020; Паремиология 2021].

Белорусские пословицы достаточно активно изучаются в сопоставлении с различными языками [Иванов, Петрушевская 2015]. На сегодняшний день опубликована серия паремиологических словарей белорусского и английского, немецкого, польского, русского языков: [Иванов 2001], [Іваноў, Раманава 2006], [Іванова, Іваноў 2007], [Иванов, Мокиенко 2007], [Англа-беларускі 2009]; разрабатываются словари пословиц белорусского и испанского языков [Иванов, Руис-Соррилья Крусате 2021], белорусского и шведского языков [Алёшын, Іваноў 2022]. Опубликована серия словарей крылатых выражений белорусского языка из иноязычных источников [Крылатыя выразы 2004], [Крылатыя выразы 2006; Іваноў 2011а], а также полилингвальный словарь пословиц белорусского и европейских языков [Петрушэўская 2020]. Определены межъязыковые паремиологические параллели, сходства и различия в пословицах белорусского и основных европейских языков ([Романова, Иванов 2006], [Ivanov, Feldman 2007], [Иванов, Петрушевская 2011], [Іваноў 2011б], [Alyoshin, Ivanov 2023]), установлены специфические особенности пословиц белорусского языка на широком европейском фоне ([Петрушевская 2015], [Петрушэўская 2021]).

Вместе с тем белорусские и азербайджанские пословицы никогда не сопоставлялись. В известном полилингвальном словаре европейских пословиц приводятся белорусские и азербайджанские пословицы на фоне 55 европейских языков [Paczolay 1997], однако специальное лексикографическое описание пословиц белорусского и азербайджанского языков отсутствует.

Цель исследования – выявить межъязыковые параллели, общие и специфические черты в пословицах азербайджанского и белорусского языков.

Методологической базой исследования выступили теория пословиц как единиц языка [Паремиология 2015], [Паремиология 2020], теория белорусских пословиц [Лепешаў 2006], теория внутреннего устройства белорусских пословиц [Іваноў, Петрушэўская 2021], [Іваноў, Петрушэўская 2022], теория сравнения и типологии пословиц разных языков ([Паремиология 2021], [Петрушевская 2021], [Petrusheuskaya 2019], [Seliverstova 2020]), теория лексикографического описания пословиц [Бредис, Иванов 2022]. В качестве фактического материала были использованы наиболее употребительные азербайджанские пословицы и пословицы белорусского литературного языка [Лепешаў, Якалцэвіч 2011].

В результате исследования установлено, что в азербайджанском и белорусском языках существуют максимально близкие по форме и содержанию пословицы (аналоги), которые делятся на универсальные, интернациональные и общие для ряда языков. Выявлены тождественные структурно-семантические модели, большинство из которых зафиксировано в некореллятивных по содержанию пословицах. Установлены общие концепты и образы, а также пословичные биномы (парные концепты и/или образы) в семантически кореллятивных и некореллятивных пословицах.

Обнаружено, что пословицы-аналоги встречаются в каждом из языков примерно в равной степени, тождественные структурно-семантические модели свойственны больше пословицам универсальным и интернациональным, идентичные концепты, образы, пословичные биномы не обнаруживают типологически значимых соответствий (имеющиеся совпадения в кореллятах пословиц каждого из языков количественно и качественно произвольны). В некореллятивных пословицах двух языков зафиксирован ряд идентичных концептов и образов (в том числе и биномов), имеющих универсальный характер.

Подготовлены материалы для словаря пословиц азербайджанского и белорусского языков, в рамках которого определены паремиологические межъязыковые аналоги, соответствия, эквиваленты. Напр.: Ac toyuq yuxuda darı görər – *Галоднай куме хлеб у галаве*; Adamı adam eyləyən adamdır – *Чалавек чалавекам трымаецца*; Ağac kötüyündən su içər – *Без каранёў і трава не расце*; Ağıl gözəllikdə deyil – *Прыгажосць розуму не надае*; Ağlamayan uşağa süd verməzlər – *Дзіця не плача, маці не разумее*; Ala qarğa suya düşər, amma qaz olmaz – *Як ні ганарыся варона, а да сокала далёка*; Allah kora necə baxar, kor da allaha elə baxar – *Які ад бога, такі і да бога*; Arxı adda, sonra bərəkallah alarsan – *Не кажы «гоп», пакуль не пераскочыш*; Asta vur, rasta vur – *Страляй рэдка, але трапна*; Atın kəmini tut, uzaq yola çıx – *Каня накорміш, далёка паедзеш*; Ayağını

isti saxla, başını sərin – *Трымай чэрава ў голадзе, галаву ў холадзе, а ногі ў цяпле*; Bizim də qapıya qar yağar – *Будзе і на нашай вуліцы свята*; Böyük tökəni kiçik yığar – *Што дарослыя гавораць, дзеці паўтараюць*; Çox bilən çox da çəkər – *Каму шмат дадзена, з таго шмат спытаецца*; Daş quyuya düşən kimi düşdü – *Як у ваду рынуў*; Dəlidən doğru xəbər – *Часам і дурань разумна гаворыць*; Doğru yalanı qovar – *Праўда заўсёды пераважыць*; Dövlətlinin xoruzu da yumurtlar – *Багатаму чэрці грошы куюць*; Eşitdiyinə inanma, gördüyünə inan – *Не вер чужым словам, вер сваім вачам*; Gec gələn qonaq olduğundan yeyər – *Позна прыйшоў, толькі косткі знайшоў*; Gec kəsər, karlı kəsər bir məzlumun ahı səni – *Бог доўга чакае, ды балюча б'е*; Gəldi əcəl, vermədi məcəl – *Кожны памрэ, як смерць прыйдзе*; Heç kəs öz ayranına turş deməz – *Ніхто пра сябе благога не скажа*; Hər gülməyin bir ağlamağı var – *Ранні смех – познія слёзы*; Hər kəs öz əməlilə dolanar – *Кожны сам сябе хлеб здабывае*; Hər quşun öz yuvası var – *Усякая птушка сваё гняздо беражэ*; Hər saatın öz hökmüvar – *Кожнаму дню свой клопат*; Hərə bir tük versə, kosa saqqallı olar – *З усіх па нітцы – голаму кашуля*; İki güləşənin biri basılar – *У полі дзве волі: чыя мацнейшая*; İki nəfər danışanda üçüncüsü sən olma – *Двум падабаецца, трэці не лезь*; İş adamı bəyan eylər – *Па працы і работніка відаць*; İslanmışın yağışdan nə qorxusu? – *Мокры дажджу не баіцца*; İt dəvəyə hürər, dəvə eşitməz – *Сабакі брэшуць, вецер носіць*; Kəsik başın zülfü üçün ağlamazlar – *Зняўшы галаву, па валасах не плачуць*; Köpək qocalanda qurda gülünc olar – *Старога сабаку не ваўком завуць*; Mollanın qarnı beşdir, həmişə biri boşdur – *Папоўскае чэрава з сямі аўчын пашыта*; Nə it yiyəsiyəm, nə gön yiyəsi – *Не наш конь, не наш і воз*; Oğru qaranlıq gecə istər – *Цёмная ноч злодзею як родная маці*; Övlad can yanğısıdır – *У каго дзеткі, у таго і бедкі*; Övlad könül meyvəsidir – *Дзеці – кветкі жыцця*; Pişik olmayan yerdə siçanlar ova çıxar – *Дзе няма коткі, там мышкі гарэзуюць*; Qapan it dişini göstərməz – *Маўчан-сабака цішком хапае*; Qaza atdım, qoza dəydi – *Хацеў у варону, пацэліў у карову*; Qırğı yerinə qarğa əyləşib – *Сокал з месца, а варона на месца*; Sərkərdə qoçaq olsa ordunu bada verməz – *Смелае войска сваім ваяводаю*; Söyüş qəlp puldur, yiyəsinə qayıdar – *Лаянка табе ж на каўнер вісне*; Söz var şirin bal kimi, söz də var acı zəhərmar kimi – *Іншае слова як мёд салодкае, другое – як палын горкае*; Sözün qısası yaxşıdır – *Лепш скажы мала, але добра*; Sürü ağsaxsız olmaz – *У сям'і не без выradка*; Ucuzdur var illəti, bahadır var hikməti – *Дорага ды міла, танна – але гніла*; Varın verən utanmaz – *Чым багатыя, тым і радыя*; Yalançının hafizəsi olmaz – *Падаруй хлусу, бог, цвёрдую памяць*; Yamanı yada salmaa – *Не памінай ліхам*; Yanan yerdən tüstü çıxar – *Няма дыму без агню, а агню без дыму*; Yayda işlə, qışda dişlə – *Што ўлетку назапасіш, то ўзімку ўжываць будеш*; Yer oturan kişi ilə şərəflənər – *Не месца ўпрыгожвае чалавека, а чалавек месца*; Yoldaşı yolda tanı – *У спадарожжы чалавека спазнаеш*; Yorulmuş eşşəyə palanı da yükdür – *Стомленаму каню і хамут цяжкі*; Ніжняя olunda boran olar, qar olar – *Для сябра сем вёрст не ваколіца*.

Подготовленные сопоставительные материалы могут быть положены в основу словаря пословиц азербайджанского и белорусского языков, что является перспективой дальнейшего исследования.

Литература

Алёшын, А.С., Іваноў, Я.Я. Матэрыялы да ўкладання беларуска-шведскага слоўніка прыказак // Труды БГТУ. Серия 4. 2022. № 1 (255). С. 86-95.

Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. 240 с.

Бредис, М.А., Иванов, Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5-29.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252-292.

Иванов, Е.Е. Руис-Соррилья Крусате, М. Принципы и структура испанско-белорусского паремиологического словаря // Труды БГТУ. Серия 4. 2021. № 2. С. 104-111.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: сб. науч. ст. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. С. 213-215.

Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. 242 с.

Иванов, Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001. Т. 1. 144 с.; Т. 2. 164 с.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. 192 с.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1. 2022. № 1. С. 75-79.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1. 2021. № 4. С. 44-52.

Іваноў, Я.Я., Раманава, Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011а. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філологічні студії. 2011б. Вип. 6/2. С. 53-63.

Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 1. З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. 136 с.

Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік. Ч. 2. З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / пад рэд. С.Ф. Івановай. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 208 с.

Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. 279 с.

Лепешаў, І.Я., Якалцэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. 695 с.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская, Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST – EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. С. 61-72.

Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Романова, Н.К., Иванов, Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. 2006. Вып. VII. С. 161-164.

Alyoshin, A., Ivanov, E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. № 1. Pp. 5-23.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85-97.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Петрушевская, Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213-216.

Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

Seliverstova, E.I. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 198-212.

В. В. Желудович, студентка
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ОБРАЗНАЯ ОБЩНОСТЬ СЕМАНТИКИ БЕЛОРУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ

Аннотация. Рассматриваются общие концепты и образы в белорусских и немецких пословицах по результатам межъязыкового сопоставления. Выделяется три типа межъязыковых сходств / различий концептуально-образного плана семантики в семантически коррелятивных белорусских и немецких пословицах (полное и частичное сходство, а также полное различие). Анализируются конкретные образы и концепты «Собака», «Волк», «Друг», «Труд», «Лень» в белорусских и немецких пословицах.

Ключевые слова: паремиология, пословица, семантика, концепт, образ, межъязыковое сравнение, белорусский язык, немецкий язык.

Межъязыковое сравнение в контрастивном и типологическом аспектах семантики перемиологических единиц, в том числе концептуально-образного плана содержания пословиц, являются одним из активно развивающихся направлений современной паремиологии [Паремиология 2020]; [Паремиология 2021], в том числе и на материале белорусского языка [Петрушэўская 2021].

Описанию белорусско-немецких пословичных соответствий посвящено немало исследований [Иванов, Петрушевская 2015], составлен белорусско-немецкий паремиологический словарь [Іваноў, Раманава 2006]. Следует

отметить, что белорусские и немецкие пословицы широко представлены и в полилингвальных паремиологических словарях [Paczolay 1997]; [Петрушэўская 2020]. Вместе с тем концептуально-образный план пословиц белорусского и немецкого языков ещё не подвергался сопоставительному описанию. Актуальным в этой связи является выяснение того, какие именно концепты и образы являются общими в семантически коррелятивных (тождественных либо близких по содержанию) белорусских и немецких пословицах.

Цель исследования – выявить и описать общие концепты и образы в семантически коррелятивных пословицах белорусского и немецкого языков.

Методологической основой исследования послужили теории языковой типологии пословиц [Петрушевская 2015]; [Petrusheuskaya 2019]; [Seliverstova 2020], теории семантического сравнения пословиц как класса афористических единиц в славянских и германских языках [Іваноў 2003б; Іваноў 2004], теории сравнения пословичных фондов белорусского и других языков [Іваноў 2003а]; [Ivanov, Feldman 2007]; [Петрушевская 2021]; [Петрушевская 2022а]; [Петрушевская 2022б]; [Alyoshin, Ivanov 2023], в том числе белорусского и немецкого языков [Романова, Иванов 2006]; [Вальтер, Иванов, Мокиенко 2015], общей теории пословицы [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019] и теории паремиологической подсистемы белорусского языка [Лепешаў 2006]; [Іваноў 2006], теории структурно-семантического моделирования белорусских пословиц [Іваноў, Петрушэўская 2021]; [Іваноў, Петрушэўская 2022].

Фактическим материалом для исследования послужили белорусско-немецкий паремиологический словарь [Іваноў, Раманава 2006], а также немецкие и белорусские пословицы в полилингвальных паремиологических словарях [Paczolay 1997; Петрушэўская 2020].

Исследование показало, что концепты и образы в белорусских и немецких пословицах, коррелятивных (идентичных или максимально близких) по своей семантике, могут совпадать полностью (бел. *Голад – найлепшы кухар*, ср. нем. *Hunger ist der beste Koch*; бел. *Які пан, такі і падпанак*, ср. нем. *Wie der Herr, so der Knecht*) либо только частично, как правило, в доминантных лексических компонентах (бел. *Воўк кожны год ліняе, а натуры не меняе*, ср. нем. *Der Wolf lässt wohl seine Haare, aber nicht seine Nicken*; бел. *Нязваны госць горшы за татарына*, ср. нем. *Ungebetener Gast ist eine Last*), а могут и полностью не совпадать, отражая тем самым национальную специфику пословичной картины мира (бел. *Арлу з савой не па дарозе*, ср. нем. *Pferd und Esel lassen sich nicht vor einen Pflug spannen*; бел. *Лепш варона злоўленая, як сокал пад небам*, ср. нем. *Besser Sperling in der Hand als die Taube auf dem Dach*).

Установлено, что в немецком языке достаточно много пословиц, которые содержат идентичные белорусским пословицам образы.

Так, образ собаки регулярно встречается в немецких и белорусских пословицах. Например, нем. *Bange Hunde bellen viel* и бел. *Маўклівы (ціхі) сабака спатайка кусае (хватае),* однако данные пословицы, несмотря на кажущуюся близость их содержания, имеют принципиально разный смысл, поскольку немецкая пословица использует образ собаки для отражения

нерешительности, боязливости (пословица указывает на то, что собаки могут лаять, чтобы маскировать свою слабость или отсутствие намерений). В белорусской пословице *Маўклівы (ціхі) сабака спатайка кусае (хватае)* образ собаки подразумевает, что собака, на первый взгляд, может быть спокойной и не представляющей угрозы, но в реальности она может укусить, когда никто этого не ожидает (пословица указывает на то, что собака может иметь скрытный характер, проявлять агрессию тайком).

Весьма часто в пословицах немецкого и белорусского языков встречается образ волка. Например, нем. *Der Wolf ändert wohl das Haar, doch bleibt er, wie er war* – бел. *Воўк кожны год ліняе, а натуры не меняе*, нем. *Der Wolf lässt wohl seine Haare, aber nicht seine Nicken* – бел. *Ваўка (воўка) як ні кармі, ўсё ў лес глядзіць.* Образ волка используют в обеих этнолингвокультурах для описания лицемерного, злого человека, таящего угрозу, а также такого человека, от которого не стоит ожидать ничего хорошего. В мифологии обоих народов считалось, что волк имеет отношение к нечистой силе, поэтому способен мгновенно отзываться на звук своего имени. И, чтобы его не накликать, люди старались не упоминать его имя, о чем свидетельствуют многочисленные немецкие и белорусские пословицы. Например, нем. *Wenn man den Wolf nennt, kommt er gerenn* – бел. *Аб воўку памоўка, а воўк тут* или *Пра воўка памоўка, а воўк з падналуску* или *Пра воўка памоўка, а воўк на парог* или *Пра воўка памоўка, а воўк у хатку.*

Регулярно в целом ряде пословиц немецкого и белорусского языков прослеживается образ друга. Например, нем. *Die alten Freunde halten in der Not*; *Ein Freund in der Not ist ein Freund in der Tat*; *Freunde erkennt man in der Not* – бел. *Сябры пазнаюцца ў бядзе*; *Той не можа быць другам, хто абыдзе ў бядзе кругам*; *У бядзе прыяцеля пазнаюць*; *У шчасці шмат прыяцеляў, а ў няшчасці няма ніводнага*; *Хто ў бядзе не быў, той праўдзівых прыяцеляў не знае*; *Шукай сабе сябра ў бядзе.* Образ друга в немецких и белорусских пословицах выражает схожие идеи о том, что настоящие друзья проявляются и остаются рядом в трудные времена, помогают, поддерживают, являются надежной опорой в сложные моменты жизни.

Не менее часто в немецких и белорусских пословицах встречаются образы труда (работы) и лени. Например, нем. *Arbeit gibt Brot, Faulheit gibt Not* – бел. *Праца чалавека корміць, а лянота псуе* или *Работы да поту – і яды ў ахвоту.* В данных пословицах противопоставляются труд и лень, подчеркивается необходимость работы для благополучия, говорится, что трудолюбие и усердие в работе приводит к улучшению материального благополучия. В пословицах обоих языков позитивно представлен образ труженика, который через свой труд добывает себе средства к существованию. В свою очередь, лень представлена только как негативный образ, который ведёт к нужде.

Можно сделать вывод о том, что совпадение образов в пословицах разного содержания является результатом случайного выбора и не может служить основой для межъязыкового сравнения, в то время как совпадение образов в содержательно сходных пословицах (в том числе и в пословицах с

идентичной структурной моделью) не является случайным: оно отражает избирательность каждой национальной пословичной картины мира в выражении объективной реальности, следовательно, может быть использовано в качестве значимого параметра при типологическом описании пословиц в разных языках.

Литература

Бредис, М.А., Ломакина, О.В., Мокиенко, В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34-43.

Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. С. 209-214.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252-292.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская, Ю.А. Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022а. Т. 12. № 3. С. 497-505.

Петрушевская, Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST – EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. С. 61-72.

Петрушевская, Ю.А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022б. № 3. С. 241-263.

Петрушевская, Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213-216.

Романова, Н.К., Иванов, Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. 2006. Вып. VII. С. 161-164.

Alyoshin, A., Ivanov, E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. № 1. Pp. 5-23.

Іваноў, Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік БДУ. Серыя 4. 2006. № 3. С. 103-109.

Іваноў, Я.Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў // Studia sławistyczne. 2003а. Т. 4. S. 49-55.

Іваноў, Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік БДУ. Серыя 4. 2004. № 1. С. 63–68.

Іваноў, Я.Я. Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologické štúdie. 2003б. Т. III. S. 43–60.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1. 2022. № 1. С. 75-79.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1. 2021. № 4. С. 44-52.

Іваноў, Я.Я., Раманава, Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. 279 с.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85-97.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

Seliverstova, E.I. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 198-212.

К. В. Кодинцева, студентка
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В БЕЛОРУССКО-АНГЛИЙСКОМ СЛОВАРЕ ПОСЛОВИЦ

Аннотация. В статье рассматриваются переводные соответствия белорусских и английских пословиц на фоне описания их национально-культурной семантики в рамках переводного двуязычного паремиологического словаря. Выделяется два вида пословичных образов по критерию их доминантности / нейтральности в содержательном плане белорусских и английских пословиц, а также три разновидности пословичных образов по критерию их национальности / интернациональности / универсальности в репрезентации языковой картины мира. В зоне лингвокультурологического комментария анализируются гастрономические образы хлеба и мёда в близких по семантике белорусских и английских пословицах.

Ключевые слова: паремиология, пословица, паремиологический словарь, национально-культурная семантика, зона лингвокультурологического комментария, белорусский язык, английский язык

Проблема отражения национально-культурной семантики пословиц в рамках двуязычного словаря остаётся актуальной до настоящего времени, поскольку принципы межъязыкового сравнения и лексикографического описания пословичных фондов разных языков мира еще формируются в современной паремиологии как самостоятельном направлении научного знания [Паремиология 2015]; [Паремиология 2020]; [Паремиология 2021].

Принципы сопоставления пословиц белорусского и других языков только начинают разрабатываться [Іваноў 2003]; [Романова, Иванов 2006]; [Ivanov,

Feldman 2007]; [Іваноў 2011б]; [Петрушевская 2022а]; [Петрушевская 2022б]; [Alyoshin, Ivanov 2023]; в том числе и принципы сравнения пословиц белорусского и английского языков [Иванов, Петрушевская 2011]. Способы и приёмы описания белорусских пословиц в двуязычных паремиологических словарях также ещё только начинают разрабатываться [Вальтер, Иванов, Мокиенко 2015]; [Иванов, Руис-Соррилья Крусате 2021]; [Алёшын, Іваноў 2022], в том числе на материале белорусского и английского языков [Петрушевская 2012]; [Іваноў, Максімава 2016]. На данный момент создано два полилингвальных словаря белорусского и европейских языков [Іваноў 2011а; Петрушэўская 2020]; определены параметры языковой и национально-культурной специфичности белорусских пословиц [Петрушэўская 2021].

Английские и белорусские пословицы описаны в паремиологическом переводном словаре [Англа-беларускі … 2009], где предложена оригинальная методика их межъязыкового сравнения на основе градации совпадения формы и содержания пословиц, которая была разработана и апробирована в серии переводных словарей пословиц на материале русского и белорусского языков [Иванов 2001]; [Иванов, Мокиенко 2007], белорусского и немецкого языков [Іваноў, Раманава 2006], белорусского и польского языков [Іванова, Іваноў 2007].

Однако характер и глубина описания национально-культурной семантики соответствий белорусских и английских пословиц в существующем словаре [Англа-беларускі … 2009] не отвечает современным требованиям сравнительной типологии пословиц, а также методики преподавания английского языка как иностранного в аспекте межкультурной коммуникации, хотя в новейших учебных пособиях по английскому языку для белорусов ([Василенко, Дубин, Книга 2023]; [Василенко, Иванов, Шестернёва 2023а]; [Василенко, Иванов, Шестернёва 2023б]) пословицы представлены достаточно широко.

Цель исследования – разработать образцы описания национально-культурной семантики пословиц в зоне лингвокультурологического комментария белорусско-английского паремиологического словаря.

В качестве методологической базы исследования использованы основные положения общей теории пословиц [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019], теории сравнительного описания и языковой типологии пословиц [Петрушевская 2015]; [Petrusheuskaya 2019]; [Seliverstova 2020], теории лингвокультурологического комментирования пословиц [Бредис, Иванов 2022]; [Иванов 2023]. В качестве фактического материала был использован англо-белорусский словарь пословиц [Англа-беларускі … 2009], а также белорусские и английские пословицы в полилингвальных паремиологических словарях [Paczolay 1997]; [Петрушэўская 2020].

В ходе проделанной работы установлено, что лингвокультурологический комментарий является весьма значимой зоной двуязычного словаря пословиц, поскольку только в ней могут быть репрезентированы основные национально-культурные особенности содержания межъязыковых пословичных соответствий и эквивалентов, используемых в них понятий и образов.

Содержание многих белорусских и английских пословиц имеет образный план, что отражено в их лексическом составе. Каждый образ обладает семантической двуплановостью, когда представление об одном фрагменте реальности (предмете, явлении, событии и т. д) передаётся через наименование иного фрагмента действительности. Образность в таком понимании не является обязательной чертой пословиц. Многие из них, как известно, безóбразны. Образность пословиц может быть полной (если она представлена в рамках целой пословицы) или частичной (если она представлена в отдельных лексических компонентах пословицы). Образы в лексических компонентах пословицы могут быть классифицированы по их роли в формировании общего её содержания (некоторые занимают ключевое место, играя центральную роль, в то время как другие являются нейтральными и находятся на периферии). Образы в пословицах также могут различаться по степени специфичности в репрезентации языковой картины мира (будь то этнокультурная уникальность или общность для разных лингвокультур_, отражая тем самым национальные, интернациональные или универсальные образы.

Рассмотрим в качестве образца лингвокультурологического комментария в белорусско-английском паремиологическом словаре два гастрономических образа – «хлеб» и «мёд», которые широко представлены в содержании пословиц обоих языков.

Так, в белорусской пословице *Садзіцца на хлеб і ваду* ключевыми образами являются *хлеб* и *вода,* подразумевающие лишение пищи, ограничения в еде в качестве наказания либо с целью экономии. Следует отметить, что образ хлеба, отожествляющий собой бедность или экономию присутствует и в других языках (является универсальным), напр.: англ. *To live on bread and water*; польск. *Zaciskać pasa i żyć na chlebie i wodzi**e***; чеш. *Zatáhnout opasek a žít na chlebu a vodě*; кит. *Jlè jǐnkù yāodài, chī miànbāo hē shuǐ guòrìzi* (‘Затяни потуже пояс, ешь хлеб и пей воду, чтобы жить’). Однако, как видно из примеров, к образам хлеба и воды в других языках добавляется образ пояса, также являющийся олицетворением ограничений в питании и трудностей в финансовом плане.

Гастрономический образ «хлеб» является одним из самых частотных образов в пословицах не только белорусского, но и английского языка. Английская пословица *Bread is the staff of life* (‘Хлеб – опора жизни’) имеет аналоги в белорусском языке: *Хлеб над панамі пан*; *Хлеб над усім пануе*; *Хлеб будзе, дык і ўсё будзе*. В данном случае пословицы превозносят ценность хлеба в жизни человека. Но почему в белорусском пословичном фонде уделяется столько внимания именно образу хлеба? Дело в том, что ранее (ещё совсем недавно по историческим меркам) жизнь белорусского народа полностью зависела от наличия хлеба на столе или, хотя бы, от возможности его вырастить, что было самым главным в жизни белорусов. Если обратить внимание на белорусские пословицы о хлебе, то можно понять, что данному продукту отводилось большое внимание; он вызывал почёт и уважение, напр.: *Як не стала хлеба, дык і нож не трэба*; *Хто ў неба глядзіць, той без хлеба сядзіць*; *Лепш хлеб з вадою, як з бядою*; *Не той багаты, хто мае срэбра і*

злата, а той, хто хлеб мае и под. Отношение англичан к хлебу существенно отличается от отношения к нему белорусов. Это можно наглядно увидеть в английских пословицах, напр.: *Hope is the poor man's bread* (‘Хлеб – надежда бедняков’), *Half a loaf is better than no bread* (‘Лучше полбуханки, чем ничего’). Здесь хлеб символизирует средство существования, мыслится как символ минимума, необходимого для жизни. «Хлеб» в английских пословицах символизирует не благополучие, не достаток, а бедность и нужду.

Ещё одним достаточно часто встречающимся образом в пословицах белорусского и английского языков является «мёд / *honey*». Так, белорусская пословица *На языку мёд, а ў сэрцы лёд* имеет точный английский эквивалент *A honey tongue, a heart of gall*. В пословицах обоих языков *мёд* / *honey* – символ сладости и добра, но акценты различаются. В белорусской пословице *мёд* подчёркивает влияние слов и выражений на коммуникацию и взаимоотношения между людьми. В английских пословицах с *honey*, помимо этого, обращается внимание также на то, что наслаждение моментом может привести к неприятным последствиям в будущем, например, *You can catch more flies with honey than with vinegar* (‘С мёдом ловится больше мух, чем с уксусом’), *The honey is sweet, but the bee has a sting* (‘Мёд сладок, но у пчелы есть жало’). В обоих языках *мёд* / *honey* выступает как символ предостережения от доверия к сладким обещаниям, которые потенциально могут привести к негативным последствиям.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие в белорусско-английском словаре пословиц зоны лингвокультурологического комментария позволяет более объективно, более глубоко понять не только внутреннюю форму пословичных образов, но и национально-культурную семантику пословиц каждого из языков, усвоить сходства и различия в образно-концептуальном пространстве пословичных картин мира двух народов.

Литература

Алёшын, А.С., Іваноў, Я.Я. Матэрыялы да ўкладання беларуска-шведскага слоўніка прыказак // Труды БГТУ. Серия 4. 2022. № 1 (255). С. 86-95.

Бредис, М.А., Иванов, Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5-29.

Бредис, М.А., Ломакина, О.В., Мокиенко, В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34-43.

Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. С. 209-214.

Василенко, Е.Н., Дубин, М., Книга, Ю.А. English. Perspective 1: учеб. пособие. Минск: РИВШ, 2023. 280 с.

Василенко, Е.Н. Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. пособие: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2023а. Ч. 1. 292 с.

Василенко, Е.Н. Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. пособие: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2023б. Ч. 2. 216 с.

Иванов, Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243-258.

Иванов, Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001. Т. 1. 144 с.; Т. 2. 164 с.

Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. 242 с.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: сб. науч. ст. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. С. 213-215.

Иванов, Е.Е., Руис-Соррилья Крусате, М. Принципы и структура испанско-белорусского паремиологического словаря // Труды БГТУ. Серия 4. 2021. № 2. С. 104-111.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская, Ю.А. Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022а. Т. 12. № 3. С. 497-505.

Петрушевская, Ю.А. Белорусские соответствия английских пословиц (лексикографический аспект) // Фразеология во времени и пространстве: сб. науч. тр. СПб.: СПбГУ; Greifswald: E.M.A.-Universität, 2012. С. 136-137.

Петрушевская, Ю.А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022б. № 3. С. 241-263.

Петрушевская, Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213-216.

Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Романова, Н.К., Иванов, Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. 2006. Вып. VII. С. 161-164.

Alyoshin, A., Ivanov, E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. № 1. Pp. 5-23.

Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. 240 с.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011а. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філалогічні студії. 2011б. Вип. 6/2. С. 53-63.

Іваноў, Я.Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў // Studia sławistyczne. 2003. Т. 4. S. 49-55.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. 192 с.

Іваноў, Я.Я., Максімава, В.А. Англійскія эквіваленты беларускіх прыказак (лексікаграфічны аспект) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015: сб. науч. статей. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. С. 191-196.

Іваноў, Я.Я., Раманава, Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85-97.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

Seliverstova, E.I. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 198-212.

А. А. Михайлов, студент
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

БЕЛОРУССКИЕ И ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ (ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Автор анализирует белорусские и французские пословицы как объекты лексикографического описания. Выделяются типологические сходства и различия в семантике и структуре этих пословиц. Акцентируется внимание на общих и специфических чертах белорусских и французских пословиц, которые обусловлены культурными, социальными, историческими факторами. Приводятся материалы для белорусско-французского двуязычного переводного паремиологического словаря.

Ключевые слова: паремиология, пословица, семантика, структура, паремиологический переводной словарь, белорусский язык, французский язык.

Сравнительная типология пословиц представляет в рамках современной паремиологии уже отдельное направление исследований [Паремиология 2020], [Паремиология 2021]. Активно изучаются и белорусские пословицы в сравнении с пословицами других языков [Иванов, Петрушевская 2015]. Разработаны принципы сопоставительного описания пословиц белорусского и других языков – русского [Іваноў 2003], [Ivanov, Feldman 2007], [Іваноў 2011б]; польского [Іваноў 2000], английского [Иванов, Петрушевская 2011], немецкого [Романова, Иванов 2006], шведского [Alyoshin, Ivanov 2023], вепсского [Петрушевская 2022а], тувинского [Петрушевская 2022б]. На фоне различных языков определена языковая и лингвокультурная специфика белорусских пословиц [Петрушэўская 2021]. Однако белорусские и французские пословицы сопоставляются только в единичных работах [Биндасова, Иванова, Филимонова 2008].

Развиваются и двуязычная, и полилингвальная белорусско-иноязычная паремиография. Созданы паремиологические белорусско-русский словари [Иванов 2001], [Иванов, Мокиенко 2007], белорусско-английский [Англа-беларускі 2009], белорусско-немецкий [Іваноў, Раманава 2006], польско-белорусский [Іванова, Іваноў 2007], а также полилингвальные словари

пословиц белорусского и европейских языков [Іваноў 2011], [Петрушэўская 2020]. Вместе с тем пословицы белорусского и французского языков сравниваются лишь в ряде полилингвальных словарях на широком фоне [Paczolay 1997; Петрушэўская 2020]. Отсутствует и белорусско-французский паремиологический словарь.

Цель исследования – установить основные сходства и различия в семантике и структуре белорусских и французских пословиц как базы для их описания в двуязычном переводном словаре.

В качестве методологической основы исследования использованы положения теории межъязыкового сравнения и языковой типологии пословиц [Петрушевская 2015], [Petrusheuskaya 2019], [Seliverstova 2020]; общей теории пословицы [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019]; теории паремиологии в белорусском языке [Іваноў 2004], [Лепешаў 2006], [Іваноў 2006]; теории семантических и структурных компонентов пословицы [Іваноў, Петрушэўская 2021], [Іваноў, Петрушэўская 2022] и методологии сопоставления пословиц белорусского и других языков [Петрушевская 2021]. Фактическим материалом для исследования послужил словарь белорусских пословиц [Лепешаў, Якалцэвіч 2011], словарь французских пословиц [Когут 2021], а также полилингвальные паремиологические словари [Paczolay 1997; Петрушэўская 2020].

Исследование показало, что белорусские пословицы содержат яркие образы и метафоры на основе переосмысления фактов повседневной жизни. Они тесно связаны с традициями и устным народным творчеством. Прямолинейность белорусских пословиц связана с их практическим содержанием, отражающим повседневный опыт и использующим образы из народного творчества. Белорусские пословицы не только служат средством передачи мудрости народа, но и отражают особенности белорусской культуры. Напр.: *Дзе многа на куце сядзіць, там мусіць мыш галодна быць; Добрае сена: каб пасаліў, то і поп з'еў бы; Дурной бабе і галава мяшае; З добрага цеста добрая паляніца, а з добрай дзеўкі добрая маладзіца; Каб яды, як на Дзяды, а рабіць, як у нядзелю; Калі хата гарыць, не да пацераў; Не дай Бог удаве чыніцца, а сіраце радзіцца; Не ўсякі той пан, у каго штаны навыпуск; Тады маці міла, як ногі мыла; Той не гаспадар, у каго вецер у павеці гуляе; Тырчаў на дарозе пень, пакуль за яго не чапляліся, а сталі чапляцца – пню не ўтрымацца; Што з лесу выйшла, тое ў лес і вярнецца* и т. п.

Особенности французских пословиц складывались под влиянием литературной традиции, истории и культурного наследия. Французский язык известен своей изысканностью, точностью и обилием выражений. Богатство грамматических структур и лексики в французском языке позволяет создавать формальные и структурированные выражения. Французские пословицы обладают высокой степенью абстракции, в них используются разнообразные языковые средства для передачи сложных понятий. Использование разнообразных выразительных средств порождает пословицы с глубоким смыслом и яркой образностью. Французские пословицы часто содержат архаичные элементы, которые сохраняют связь с историческими периодами и

традициями. Напр.: *À quelque chose malheur est bon; Après la pluie, le beau temps; Chacun voit midi à sa porte; Chassez le naturel, il revient au galop; Chose promise, chose due; Il ne faut pas mettre la charrue avant les bœufs; Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant de l'avoir tué; Quand le chat n'est pas là, les souris dansent; Qui vole un œuf vole un bœuf; Les paroles s'envolent, les écrits restent; Les promesses n'engagent que ceux qui y croient; Loin des yeux, loin du cœur; Les chiens aboient, la caravane passe; L'habit ne fait pas le moine* и т. п.

В результате исследования установлено, что белорусские параллели французских пословиц часто воплощают образы из сельской жизни и природы, представляя простые и наглядные картинки. Они отражают практический взгляд на жизнь, отражают народную мудрость о повседневных событиях. В свою очередь, французские параллели белорусских пословиц могут содержать образы из истории и культуры. Они отражают не только практический, но и философский взгляд на жизнь; в них часто выражаются абстрактные истины. В отношении языковых средств белорусские параллели французских пословиц часто кратки, в них используется, как правило, минимум слов для более точной и ясной передачи смысла. Французские же параллели белорусских пословиц более развернуты в структурном плане, за счёт чего они более содержательны, обогащены средствами выразительности. В белорусские пословицы часто включаются простые, но живые образы. В свою очередь, во французских пословицах нередко используются сложные метафоры, требующие знакомства с культурным контекстом. При этом пословицы обоих языков демонстрируют уникальные черты, которые отражают культурные, исторические и социальные особенности их носителей. Наиболее чётко это прослеживается при сопоставлении коррелятивных по своей семантике белорусских и французских пословиц.

В переводном белорусско-французском паремиологическом словаре пословицы могут быть представлены следующим образом, напр.: *Займі чорта ад варот, дык ён цераз плот = Prends le diable par la porte, et il reviendra par la fenêtre; Збродлівай кошцы хвост уцінаюць = Les chats affamés coupent leur queue; Зваранай рыбе вада не патрэбна =À poisson pourri, il n'est pas besoin d'eau; Згуба не загуба = Le malheur ne vient jamais seul; З пустога цэбра вады не набярэш = On ne peut pas remplir un seau vide; І няўмека пячэ (спячэ), калі з засека цячэ = Mieux vaut prévenir que guérir; І чорт літасць мае = Même le diable a de la compassion; Калі худ, не лезь на кут = Si le bonheur n'arrive pas le matin, il n'arrivera pas le soir; Каму па каму, а каму <дык> два камы = Chacun son tour; Кляні пана – пан сычае (таўсцее) або Пана клянуць, а пан таўсцее (тлусцее) = Les chiens aboient, la caravane passe; Кожнаму дразду па свайму гнязду = À chaque oiseau son nid; Кожны (Усякі) гад чужому грошу рад = Chacun pour soi, et Dieu pour tous; Крывая дарога каля простай сцелецца = Tout chemin mène à Rome; Купляй кабылу гарбатую, а жонку бяры лупатую, дык ніхто не звядзе = Mariage pluvieux, mariage heureux; Лепш кепскія скокі, чым добрыя хаўтуры = Mieux vaut les sauts du cheval que les fers du cheval; Лепш пад лаўкай пасядзець, але на харошага паглядзець = Mieux vaut être seul que mal accompagné; Лепш старожа, як варожа = Mieux vaut prévenir que guérir; Лесу*

без падлеску не бывае = Il n'y a pas de fumée sans feu; Любіш добрае, палюбі ж і злое = Aimez le bien, aimez le mal, aimez le diable; Маем тое, што маем = On n'a que ce qu'on mérite; Маеш дачку – трымай гарэлку ў глячку = Qui a fille à marier, a gendre à choisir; На бабіным (бабскім) языку кароста сядзіць = Sur la langue des femmes, une charogne s'assoit; На паследкі даюць аб'едкі = Les dernières bouchées sont pour l'appétit; На спадзевах яешню не спражыш = On ne fait pas cuire un œuf dans une omelette; Не будзе Гірша (-ы), <дык> будзе чорт іншы = Si ce n'est pas pire, ce sera un autre diable; Не было б тое, было б што другое = Il n'y a pas de mal en bien; Не дажыўшы да паўдня, не плануй вечар = On ne saurait bien dîner sans bâiller; Не дай Бог удаве чыніцца, а сіраце радзіцца = Nul ne peut dire ce que sera demain; Недаростку трэба падмостку = Il faut un appui pour un vieillard et un soutien pour un enfant; Не людзі выбіраюць бяду – бяда людзей выбірае = Le malheur choisit les gens; les gens ne choisissent pas le malheur; Не пад тую дудку пчолка скача, што чмель ладзіць = Il ne faut pas pousser mémé dans les orties; Не ўсё стрыжы, што расце = Tout ce qui pousse n'est pas de la laine; Не хвалі каня запрагаючы, а дзеўку выбіраючы = Ne vantez pas le cheval en l'achetant, mais en le montant; Не хваліся пабыўшы, а хваліся пажыўшы = Ne te vante pas après avoir mangé, mais après avoir digéré; Новы поп, дык новае і маленне = Nouveau prêtre, nouvelle messe; Няма лепшае справы ад свае хаты = Il n'y a pas de meilleur métier que le sien; Няма лепшай рэчы, як на сваёй печы = Il n'y a rien de mieux que chez soi; Няма таго, што раньш было = Rien n'est éternel sauf le changement; Няшчасце людзей лучыць = Le malheur des uns fait le bonheur des autres.

Межъязыковые сходства и различия белорусских и французских пословиц будут во всём своем многообразии отражены в двуязычном переводном словаре, над созданием которого в настоящий момент работает временный научный коллектив студентов и преподавателей МГУ имени А. А. Кулешова.

Литература

Биндасова, О.Ю. Иванова, С.Ф., Филимонова, И.Ю. Лексико-грамматическая организация французских и белорусских пословиц (сравнительный анализ) // Acta Germano-Slavica. 2008. Вып. 3. С. 144-159.

Бредис, М.А., Ломакина, О.В., Мокиенко, В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34-43.

Иванов, Е.Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилёв: Брама, 2001. Т. 1. 144 с.; Т. 2. 164 с.

Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2007. 242 с.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252-292.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь: сб. науч. ст. Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. С. 213-215.

Когут, В. Proverbes et dictons de France et leurs equivalents russes. М.: Антология, 2021. 240 с.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская, Ю.А. Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022а. Т. 12. № 3. С. 497-505.

Петрушевская, Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST – EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. С. 61-72.

Петрушевская, Ю.А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022б. № 3. С. 241-263.

Петрушевская, Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213-216.

Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

Романова, Н.К., Иванов, Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. 2006. Вып. VII. С. 161-164.

Alyoshin, A., Ivanov, E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. № 1. Pp. 5-23.

Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2009. 240 с.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. 192 с.

Іваноў, Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік БДУ. Серыя 4. 2006. № 3. С. 103-109.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011а. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філалогічні студії. 2011б. Вип. 6/2. С. 53-63.

Іваноў, Я.Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў // Studia sławistyczne. 2003а. Т. 4. S. 49-55.

Іваноў, Я.Я. Польска-беларускія парэміялагічныя паралелі // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. 2000. T. III. S. 33-54.

Іваноў, Я.Я. Сацыялінгвістычныя параметры беларускіх прыказак // Мова і соцыум: зб. навук. прац. Магілёў: Брама, 2004. С. 201-224.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1. 2022. № 1. С. 75-79.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1. 2021. № 4. С. 44-52.

Іваноў, Я.Я., Раманава, Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85-97.

Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. 279 с.

Лепешаў, І.Я., Якалцэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. 695 с.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

Seliverstova, E.I. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 198-212.

П. А. Никитин, студент
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

ПОСЛОВИЦЫ И АНТИПОСЛОВИЦЫ В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматривается отражение национальных и культурных стереотипов в пословицах и антипословицах на материале белорусского, русского и английского языков. Выявляются тенденции и особенности отражения стереотипов (традиционной народной мудрости и шутливых пародий на неё) в пословичной семантике. Устанавливаются источники и способы создания антипословиц.

Ключевые слова: паремиология, пословица, антипословица, культура, стереотип, картина мира, белорусский язык, русский язык, английский язык.

Пословицы – это неотъемлемая часть устного народного творчества и языка [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019]. В них выражаются народная мудрость, отражаются нравственные нормы и особенности мировоззрения. Пословицы выступают языковым средством передачи культурных ценностей и этнических стереотипов [Паремиология 2015]; [Паремиология 2020]; [Паремиология 2021]. Пословицы являются своеобразным зеркалом, в котором отражаются ценности и стереотипы различных народов [Paczolay 1997; Петрушэўская 2020]. Именно поэтому пословицы регулярно включаются в учебные пособия по изучению иностранного языка [Иванов, Петрушевская 2017; Голякевич, Зубрий, Иванов 2019]; [Василенко, Дубин, Книга 2023]; [Василенко, Иванов, Шестернева 2023]. Пословицы, как и другие устойчивые фразы, являются предметом лингвострановедения, в том числе и при изучении неродного языка в условиях близкородственного двуязычия, как, например, белорусского языка по отношению к русскоговорящим жителям Беларуси [Іваноў 2001].

Антипословицы, в свою очередь, представляют собой шутливые или пародийные переделки пословиц и широко распространены прежде всего в

современной интернет-коммуникации [Мокиенко, Вальтер 2008]; [Иванов 2009]. В антипословицах отражаются различные типичные ситуации, образы, концепты, которые по разным причинам не нашли выражения в составе единиц пословичного фонда, и поэтому содержание антипословиц является естественной частью паремиологической картины мира народа, например, белорусов и русских [Вальтер, Мокиенко 2005]; [Іваноў 2020], англичан и американцев [Mieder, Litovkina 1999].

Цель исследования – выявить место этнокультурных стереотипов в пословицах и антипословицах (на материале белорусского, русского и английского языков).

Так, исследование белорусских и русских пословиц показало, что во многих из них отражаются этнокультурные стереотипы, что обусловливает формирование и поддержание культурной идентичности в традиционном белорусском и российском социуме. Такие пословицы характеризуют традиции, нормы и ценности белорусов и россиян, служат культурным кодом, который преемственно передается из поколения в поколение. При этом этнокультурные стереотипы в пословицах передаются через образы и символы, которые часто являются ключевыми элементами культуры. Выражение этнокультурных стереотипов в пословицах, как правило, связано с социокультурным контекстом, поскольку стереотипы нередко возникают под влиянием исторических событий, межэтнических взаимодействий, а также различных политических и социальных факторов. Этнокультурные стереотипы и пословицы, в которых они отражаются, являются продуктом времени и обстоятельств, возникают под воздействием значимых событий и изменений в обществе. Этнокультурные стереотипы через пословицы оказывают воздействие на формирование представлений о мире, создают шаблоны мышления, влияют на иерархию ценностей, определяют отношение к тем или иным субэтническим или субкультурным группам внутри белорусского и российского общества [Иванов, Петрушевская 2015].

В свою очередь, стереотипы в белорусских и русских антипословицах направлены на изменение или преобразование традиционных пословичных стереотипов. Содержание антипословиц ориентировано на критику того, что выражено в пословицах, которые пародируются, на отрицание устаревших убеждений, на стимулирование путей их преодоления. Часто стереотипы в антипословицах используются как инструмент для выражения субкультурных конфликтов, когда отражение стереотипов в комическом ключе может быть попыткой одной субкультуры высмеять другую субкультуру с демонстрацией несогласия с определёнными её аспектами. Высмеивание или пародирование традиционных пословичных стереотипов в антипословицах может осуществляться различными способами (с использованием иронии, сарказма, гиперболы и др.) [Litovkina 2007; Вальтер, Мокиенко 2007; Боровая, Иванов 2009; Іваноў, Канавалава 2010; Іваноў 2013; Іваноў 2020].

В результате исследования установлено, что источниками антипословиц в белорусском и русском языках, являются, помимо собственно пословиц, еще и общеизвестные цитаты, афоризмы, девизы, слоганы, речевые формулы и т. д.

[Іваноў 2005; Іванова, Іваноў 2010]; [Іванова, Іваноў, Шпакоўская 2011]; [Никитина 2014]. При этом не всякая пословица может стать прототипом антипословицы, а только та, в которой заключена важная, социально значимая мысль, подвергаемая осмеянию, отрицанию или критике. Прототип антипословицы должен быть хорошо известен носителям языка, поэтому источниками антипословиц выступают самые популярные пословицы.

Наиболее типичными способами преобразования исходных пословиц в белорусских, русских и английских антипословицах являются замены, подстановки, удаления и вставки целых структурных частей, отдельных слов или даже частей слов [Litovkina 2007]; [Боровая, Иванов 2009]; [Иванов 2011].

В белорусских и русских антипословицах в сравнении с английскими антипословицами чаще используются замены и вставки отдельных слов, значительно реже – подстановки и удаления в исходных пословицах, напр.: бел. *Колькі ваўка ні кармі, а запіць дай!* (ср. *Колькі ваўка ні кармі, а ён усё ў лес глядзіць*); *Сэксу не загадаеш* (ср. *Сэрцу не загадаеш*); *Хто багатыя, тыя і рады* (ср. *Чым багаты, тым і рады*); рус. *Баба с возу – деду легче* (ср. *Баба с возу – кобыле легче*); *В гостях хорошо, а в лифте неудобно* (ср. *В гостях хорошо, а дома лучше*); *Одна голова хорошо, а две – мутант* (ср. *Одна голова хорошо, а две лучше*) и т. п.

В англоязычных антипословицах чаще используются замены отдельных слов и их сочетаний, а также подстановки новых структурных частей, напр.: *All roads lead to Rome, and all detours lead to profanity* (ср. *All roads lead to Rome*); *A bird in the hand is not to be trusted* (ср. *A bird in the hand is worth two in the bush*); *Discretion is the better part of indiscretion* (ср. *Discretion is the better part of valor*); *It will all come out in the wash... and don't get caught in the wringer* (ср. *It will all come out in the wash*) и т. п.

Таким образом, изучение этнокультурных стереотипов в пословицах и антипословицах помогает лучше понять мировидение каждого народа, узнать его основные предпочтения и ценности, что является весьма важным как для межкультурной коммуникации, так и для лингвострановедческого аспекта изучения и преподавания иностранного языка.

Литература

Боровая, И.И., Иванов, Е.Е. Типы русских антипословиц // Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. 2009. Bd. 17. S. 111-122.

Бредис, М.А., Ломакина, О.В., Мокиенко, В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34-43.

Вальтер, Х., Мокиенко, В. Русские антипословицы и их лексикографическое описание // Acta Ethnographica Hungarica. 2007. Vol. 52. № 1. S. 157-175.

Вальтер, Х., Мокиенко, В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005. 573 с.

Василенко, Е.Н., Дубин, М., Книга, Ю.А. English. Perspective 1: учеб. пособие. Минск: РИВШ, 2023. 280 с.

Василенко, Е.Н. Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. пособие: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2023а. Ч. 1. 292 с.

Василенко, Е.Н. Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. пособие: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2023б. Ч. 2. 216 с.

Голякевич, Н.Д., Зубрий, С.П., Иванов, Е.Е. Practical English Grammar: Morphology: учеб. пособие. Мн.: РИВШ, 2019. 268 с.

Иванов, Е.Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь. Мн.: Право и экономика, 2009. 72 с.

Иванов, Е.Е. Способы и средства деривации белорусских антипословиц // Фразеология и языковая динамика: сб. науч. тр. СПб.: СПбГУ; Greifswald: E.M.A.-Universität, 2011. С. 281-282.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252-292.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Курсовые работы по языкознанию (фразеология, паремиология, афористика английского языка): учеб. пособие. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 204 с.

Мокиенко, В., Вальтер, Х. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 381 с.

Никитина, Т.Г. Новый “статус” русских антипословиц // Вестник НовГУ. 2014. № 77. С. 87-89.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Іванова, С.Ф., Іваноў, Я.Я. Антыцытаты ў сучаснай беларускай мове // Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2010. S. 174-183.

Іванова, С.Ф. Іваноў, Я.Я., Шпакоўская, В.А. Парадыйныя, іранічныя і жартоўныя трансфармацыі крылатых выразаў (да складання слоўніка беларускіх антыпрыказак // Acta Germano-Slavica. 2011. Вып. 4. С. 52-61.

Іваноў, Я.Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў // Грани слова: к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 463-468.

Іваноў, Я.Я. Беларускія антыпрыказкі як з’ява нацыянальнай лінгвакультуры // Językoznawstwo. 2020. № 1 (14). S. 83-106.

Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб’ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 285-290.

Іваноў, Я.Я. Прыказкі і антыпрыказкі ў беларускай і іншых славянскіх і неславянскіх мовах // Славянские народы и их культуры: традиция и современность: сб. науч. статей. Гомель: ГГУ, 2013. С. 137-139.

Іваноў, Я.Я., Канавалава, І.С. Антыпрыказкі і праблема іх вывучэння ў сучасным беларускім мовазнаўстве // Веснік БДУ. Серыя 4. 2010. № 3. С. 11-15.

Litovkina, A.T. “Never do today what can be done tomorrow” – most frequent types of alteration in anglo-american and Russian proverb transformations // Europhras – 2005. Frazeologija v jezikoslovju in drugih vedah. Ljubljana, 2007. S. 451-471.

Mieder, W., Litovkina, A.T. Twisted wisdom: modern anti-proverbs. Burlington: The University of Vermont, 1999. 254 c.

Paczolay, G. European proverbs in 55 languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Е. А. Рупец, студентка
Науч. рук.: Е. Е. Иванов, доктор филол. наук, проф.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

НЕМЕЦКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ (ТИПОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются типологически значимые сходства и различия немецких и белорусских пословиц. Выделяются аналогичные единицы (максимально близкие по форме и содержанию), тождественные структурно-семантические модели пословиц, идентичные пословичные образы и концепты. Усьанавливается отличие пословиц-аналогов от коррелятивных по форме или содержанию пословиц в немецком и белорусском языках.

Ключевые слова: паремиология, пословица, провербиальная типология, пословицы-аналоги, пословичные модели, образы и концепты, белорусский язык, немецкий язык

Анализ общих и специфических характеристик пословиц в разных языках мира в аспекте языковой и лингвокультурной типологии является одним из приоритетных направлений современной паремиологии [Паремиология 2015]; [Паремиология 2020]; [Паремиология 2021], в том числе и межъязыкового сопоставления пословиц белорусского и других языков [Вальтер, Иванов, Мокиенко 2015]; [Іваноў 2016]; [Петрушэўская 2021]. Исследованию пословичных параллелей в белорусском и немецком языках посвящено немало работ [Иванов, Петрушевская 2015], создан белорусско-немецкий словарь пословиц [Іваноў, Раманава 2006]. Вместе с тем актуальным остается дифференциация общих черт в белорусских и немецких пословицах по степени межъязыковой общности.

Цель исследования – выявить типологические значимые сходства и различия пословиц белорусского и немецкого языков (на широком языковом фоне).

В качестве методологической основы исследования использованы теория межъязыкового сравнения и языковой типологии паремиологических единиц [Петрушевская 2015]; [Petrusheuskaya 2019]; [Петрушевская 2021]; [Seliverstova 2020], результаты сопоставительного анализа пословиц белорусского и других языков [Іваноў 2000; Іваноў 2003а]; [Ivanov, Feldman 2007]; [Іваноў 2011б]; [Петрушевская 2002а]; [Петрушевская 2002б]; [Alyoshin, Ivanov 2023]; в том числе белорусского и немецкого языков [Іваноў 2003б]; [Іваноў 2004]; [Романова, Иванов 2006]; теория структурно-семантического моделирования пословиц [Іваноў, Петрушэўская 2021]; [Іваноў, Петрушэўская 2022]; общая теория пословицы [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019]; теория белорусской паремиологии [Лепешаў 2006]; [Іваноў 2006]; теория немецкой фразеологии и паремиологии [Чернышева 1970]. Материалом для исследования послужили белорусские и немецкие пословицы из белорусско-немецкого словаря [Іваноў, Раманава 2006], словаря белорусских пословиц [Лепешаў, Якалцэвіч 2011], словаря немецких пословиц [Байер Х., Байер А. 1989], полилингвальных

паремиологических справочников [Іваноў 2011а]; [Paczolay 1997]; [Петрушэўская 2020].

Исследование показало, что все имеющиеся совпадения в пословичных фондах белорусского и немецкого языков могут быть разделены на аналоги (пословицы, тождественные по форме и содержанию) и корреляты (пословицы, тождественные по содержанию и очень близкие по форме).

Пословицы-аналоги в белорусском и немецком языках делятся на универсальные (встречаются в разных языках мира, напр.: бел. *Вока за вока, зуб за зуб* = нем. *Auge um Auge, Zahn um Zahn*), интернациональные (заимствованные из какого-либо одного языка во многие другие языки, напр.: бел. *Вочы – люстэрка душы* = нем. *Die Augen sind der Spiegel der Seele* заимствованы из лат. *Imago animi vultus est*), локальные (встречающиеся в ограниченном числе языков, которые культурно контактируют, а также генетически и/или ареально близкие, напр.: бел. *Адна бяда – не бяда* = нем. *Ein Unglück, kein Unglück*).

Универсальными пословицами-аналогами в белорусском и немецком языках являются следующие: *Дзе нянек многа, там дзіця бязнога = Zu viele Koche verderbenden Brei; У ціхім балоце чэрці растуць = Stille Wasser sind tief; Лепш пазней чым николі = Besser spät als nie; Апетыт прыходзіць падчас ежы = Der Appetit kommt beim Essen; Усякі пачатак цяжкі = Aller Anfang ist schwer; Хто не рызыкуе, той не выйграе = Wer nicht wagt, der nicht gewinnt'; Дзе воля, там і шлях = Wo ein Wille ist, ist auch ein Weg; Каб адзін раз не ўпасць, трэба сто раз падымацца = Wer einmal fällt, muss hundertmal aufstehen; Што пасеешь, тое і пажнеш = Was man sät, das wird man ernten; Каб добра навучыцца, трэба шмат працавать = Um etwas zu lernen, muss man viel arbeiten; Дзе воля, там і радасць = Wo Freiheit ist, da ist auch Freude; Чым багацейшы, тым болей лічыць = Je reicher man ist, desto mehr zählt man* и т. п. [Paczolay 1997].

К интернациональным пословицам-аналогами в белорусском и немецком языках относятся следующие: *Не дажыўшы да паўдня, не плануй вечар = Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben; Лёгка сказаць, цяжка зрабіць = Das ist bald gesagt, aber schwer getan; Кашы маслам не сапсуеш = Butter verdirbt keine Kost; Ад ляноты чакай бядоты = Nach Faulheit folgt Krankheit; Ратаваны з вады конь і лужыны баіцца = Gebranntes Kind scheut das Feuer; Бог дурня корміць = Die dümmsten Bauern haben die dicksten Kartoffeln; Голад – найлепы кухар = Hunger ist der beste Koch* и т. п. [Петрушэўская 2020].

Многие универсальные и интернациональные аналоги белорусских и немецких пословиц имеют национально-культурно маркированные варианты. Например, универсальная немецкая пословица *Ein Spatz in der Hand ist besser, als eine Taube auf dem Dach* ('Воробей в руке лучше, чем голубь на крыше') имеет аналог в белорусском языке *Лепш сініца ў руках, чым журавель у небе*. При этом в немецкой пословице компоненты *Spatz* 'воробей' и *Taube* 'голубь', а в белорусской – *сініца* 'синица' и *журавель* 'журавль' являются национально специфичными для данной пары языков.

Национально-культурная маркированность пословиц в немецком и белорусском языках является естественным отражением традиционной картины мира немецкого и белорусского народов. Однако если для универсальных пословиц-аналогов отражение в них национальной культуры носит онтологический характер, то появление этнокультурной маркированности в интернациональных пословицах обусловлено прежде всего аксиологическим фактором, определяющим этнолингвокультурную ассимиляцию пословичных заимствований в каждом из языков.

Пословичные корреляты в белорусском и немецком языках могут различаться по тождественности как структурно-семантических моделей, так и пословичных концептов и/или образов (среди которых также можно выделить универсальные, интернациональные, локальные).

Тождественные структурно-семантические модели имеют многие белорусские и немецкие пословицы, напр.: *Стары сябар лепш новых двух = Ein alter Freund ist zwei neue wert; Хто дбае, той и мае = Wer will haben, der muss graben; Усе дарогі вядуць у Рым = Alle Gewässer fließen ins Meer; Адным калом плота не падапрэш = Ein Einzelner ist kein Krieger im Felde; Не заўсёды свiтае, як певень спявае = Es ist nicht alles Gold, was glänzt; Які музыка, такая і музыка = Am Neste kann man sehen, was für ein Vogel darin wohnt; Як узарэш, так і збярэш = Gute Saat, gute Ernte* и т. п.

Идентичные концепты и образы также имеют многие белорусские и немецкие пословицы, напр.: *Старога вераб'я на мякіну не зловіш = Alte Krähen sind schwer zu fangen; Крумкачу і мыла не паможа = Am Raben hilft kein Bad; Яйка мудрэйшае (разумнейшае) за курыцу = Das Ei will klüger sein als die Henne; Падстрэленага сокала і варона носам дзяўбе = Den toten Löwen kann jeder Hase an Barte zupfen; Мядзведзь карове не брат* или *Воўк сабаку не радня* или *Качар курыцы не пара* или *Воўк казе не таварыш* или *Раўня як свіння да каня = Der Esel und die Nachtigall haben beide ungleichen Schall; І воўк сыты, і козы цэлыя = Die Ziege ist satt, und der Kohl unberührt; Капейка рубель беражэ = Der Groschen bringt den Taler; Калі хочаш ворага нажыць, дык грошы пазыч* или *Не пазычай, то не будзеш маць ворагаў = Beim Gelde hört die Freundschaft auf; Лепш біць (лічыць) свае вошы, чым лічыць чужыя грошы = Besser eigenes Brot als fremder Braten; Па рабоце майстра відаць = Das Werk lobt den Meister; Цярплівасць і праца ўсё перамагаюць = Fleiß bricht Eis* или *Beharrlichkeit überwindet alles; Скончыў работу – гуляй у ахвоту = Erst die Arbeit, dann das Vergnügen* и т. п.

Пословицы-аналоги отличаются от коррелятивных пословиц тем, что первые имеют одинаковые или максимально близкие форму и содержание (в этом смысле аналогичные пословицы в разных языках можно рассматривать как национальные варианты одной и той же универсальной или интернациональной пословицы), а вторые по форме и содержанию принципиально различаются. Даже если это различие минимально – всего в одном лексическом компоненте с тождественной структурно-семантической моделью (коррелятивные пословицы в разных языках не могут рассматриваться как национальные варианты одной и той же пословицы, – это разные

пословицы, которые отличаются в разных языках как своим образно-понятийным планом, так и формой).

Литература

Байер, Х., Байер, А. Немецкие пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1989. 392 с.

Бредис, М.А., Ломакина, О.В., Мокиенко, В.М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34-43.

Вальтер, Х., Иванов, Е.Е., Мокиенко, В.М. Белорусские пословицы в контексте европейской паремиологии (о русско-немецко-белорусском словаре пословиц с иноязычными параллелями) // Актуальныя праблемы філалогіі і методыкі выкладання філалагічных дысцыплін. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. С. 209-214.

Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе. М.: URSS: Ленанд, 2015. С. 252-292.

Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е.Е. Иванова, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Петрушевская, Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального во фразеологии и паремиологии белорусского языка // WEST – EAST. Scientific Journal of ISPOP. 2021. Vol. 5. № 1. С. 61-72.

Петрушевская, Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213-216.

Петрушевская, Ю.А. Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022а. Т. 12. № 3. С. 497-505.

Петрушевская, Ю.А. Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022б. № 3. С. 241-263.

Петрушэўская, Ю.А. Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2021. 220 с.

Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2020. 316 с.

Романова, Н.К., Иванов, Е.Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica. 2006. Вып. VII. С. 161-164.

Чернышева, И.И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.

Alyoshin, A., Ivanov, E. Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. 2023. Vol. 21. № 1. Pp. 5-23.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1. 2021. № 4. С. 44-52.

Іваноў, Я.Я., Петрушэўская, Ю.А. Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1. 2022. № 1. С. 75-79.

Іваноў, Я.Я., Раманава, Н.К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. 108 с.

Іваноў, Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік БДУ. Серыя 4. 2004. № 1. С. 63-68.

Іваноў, Я.Я. Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologické štúdie. 2003б. Т. III. S. 43–60.

Іваноў, Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. 2016. Вып. 3. С. 46-49.

Іваноў, Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік БДУ. Серыя 4. 2006. № 3. С. 103-109.

Іваноў, Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2011а. 164 с.

Іваноў, Я.Я. Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філалогічні студії. 2011б. Вип. 6/2. С. 53-63.

Іваноў, Я.Я. Польска-беларускія парэміялагічныя паралелі // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. 2000. T. III. S. 33-54.

Іваноў, Я.Я. Прынцыпы супастаўляльнага апісання афарыстычнай парэміялогіі беларускай і рускай моў // Studia sławistyczne. 2003а. Т. 4. S. 49-55.

Лепешаў, І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. 279 с.

Лепешаў, І.Я., Якалцэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2011. 695 с.

Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. 2007. Vol. 1. P. 85-97.

Paczolay, G. European Proverbs in 55 Languages. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. 528 p.

Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A: Humanity Science. 2019. № 2. P. 115-121.

Seliverstova, E.I. Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2020. Vol. 11. № 2. P. 198-212.

РАЗДЕЛ VII
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РАЗНОСИСТЕМНЫМИ ЯЗЫКАМИ (ПЕРЕВОД И ЗАИМСТВОВАНИЕ)

А. В. Берестовая, магистрантка
Науч. рук.: Е. В. Рубанова, канд. филол. наук, доц.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ АВСТРАЛИЙСКОГО СЛЕНГА (на примере сленгизмов 1778–1868 гг. возникновения)

Аннотация: В статье рассматриваются структурные особенности сленга австралийского варианта английского языка на примере сленгизмов, возникших с 1778 г. по 1868 г. Выявлены основные способы создания австралийского сленга указанного периода.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, сленг, австралийский сленг, заимствование, морфологическая деривация, семантическая деривация, рифмованная субституция.

Австралийский вариант английского языка неоднократно становился объектом лингвистических исследований. На его специфику, проявляющуюся на разных языковых уровнях, обращали внимание многие учёные: Г. А. Орлов, О. О. Кириллова, О. Б. Назарова, С. В. Евтушенко, О. А. Егорова, Т. В. Шуйская, О. Б. Назарова, И. В. Байсултанов, С. Б. Прядко, Е. М. Григорьева. Однако диахронический анализ структурных особенностей австралийского сленга не проводился, что обуславливает актуальность данного направления исследования.

В развитии субстандарта австралийского варианта английского языка выделяют три периода: ранний (1778–1868 гг.), средний (1869–1899), поздний (современный) (с 1900 г. по настоящее время) [Байсултанов 2005: 7].

Цель исследования – выявить структурные особенности австралийского сленга на разных этапах его развития. В данной статье рассматриваются особенности создания австралийского сленга раннего периода – с 1778 года по 1868 год. Фактический материал исследования включает 300 сленгизмов, отобранных из интернет-словаря Green’s Dictionary of Slang [6].

Как известно, к основным способам номинации английского языка можно отнести: звукоподражание, заимствование, словообразование (аффиксация, конверсия, сокращение, словосложение), семантическая деривация (за счёт метафоры / метонимии, расширения значения, сужения значения). Остановимся подробно на каждом способе номинации.

Так как сленгизмов, образованных с помощью звукоподражания выявлено не было, перейдем к рассмотрению заимствований в сленге австралийского варианта английского языка. Среди отобранного лексического

материала было выявлено семь заимствований. Из других иностранных языков было заимствовано четыре сленгизма, например, слово *bummer* произошло от немецкого *Bummler* ‘a man who goes about without aim and purpose, and lives on the fruits of other people’s labor’. Похожее значение в австралийском сленге наблюдается и сегодня ‘a tramp, a vagrant’, однако австрализм *bummer* шире по своей семантике. Слово *bosh* ‘nonsense, rubbish’ восходит к турецкому слову *bosh*, что означало ‘something empty or worthless’. Австралийское сленговое выражение *all sereno* представляет собой комбинацию из английского слова *all* и испанского слова *sereno*, что означает ‘satisfactory, well’. Выражение является эквивалентом английского выражения *all’s well*. Сленгизм *ball* в значении ‘a shot of liquor’ изначально появился в американском варианте английского языка. Из языков аборигенов заимствовано три сленгизма: *bingy* ‘the stomach’, *borak* ‘nonsense’, *burke* ‘to murder’.

Перейдем к рассмотрению морфологических способов образования сленгизмов австралийского варианта английского языка. К ним относятся аффиксация, сокращение, конверсия и словосложение.

Большую часть морфологических дериватов представляют сложные слова. В диссертации Е. М. Ефремовой «Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композитов в современном английском языке» предлагается разделить все сложные слова на двухкомпонентные слова-композиты и многокомпонентные слова-композиты. В свою очередь, многокомпонентные слова-композиты делятся на собственно многокомпонентные композиты (лексические единицы в расчленённом виде выполняющие номинативную функцию и тяготеющие к словосочетаниям), например, *ballpoint pen*, и слова-фразы (слова, совмещающие в себе признаки как слова, так и словосочетания и тяготеющие к синтаксическому уровню языка), например, *happy-go-lucky* [Ефремова 2012: 7-8].

С помощью словосложения было образовано 88 ранних австралийских сленгизмов. С точки зрения составности было выявлено 52 двухкомпонентных слова-композита (например, *agman* ‘a commercial traveller’, *bull-ring* ‘a police office’) и 19 многокомпонентных слов-композитов, среди которых 17 трёхкомпонентных слов-композитов (например, *band of hope* ‘lemonade’, *bit of stuff* ‘a young woman, usu. attractive and often enjoying herself’) и два многокомпонентных слова-композита, состоящих больше, чем из трёх слов / основ слов (например, *kick up a bobbery* ‘to cause trouble, to create a disturbance’, *chief cook and bottle-washer* ‘a street-seller of pastries’).

С помощью аффиксации было образовано 69 слов. Больше всего сленгизмов создано с помощью суффиксов *-ie, -y, -er*; изредка встречаются сленгизмы, образованные с помощью суффиксов *-o, -ness, -ee, -ity, -ish, -ate, -ing, -ese, -ite.*

С помощью суффикса *-y* были образованы 22 слова. Например, существительное *blacky* ‘a black person’ произошло от прилагательного *black*, существительное *bricky* ‘a bricklayer’ – от существительного *brick*, существительное *cabby* ‘a cab-driver’ – от существительного *cab*. С помощью суффикса *-ie* было образовано 12 слов, например, существительные *blackie* ‘a black person’, *brickie* ‘a bricklayer’. Среди отобранного лексического материала

выявлены два сленгизма, образованные с помощью суффикса *-ee*, например, *blackee* ‘a black person’.

С помощью суффикса *-er* было образовано 20 имен существительных. Например, существительное *absquatulator* ‘an escapee’ произошло от глагола *to absquatulate* ‘of people or animals, to leave, to run away, to abscond’, существительное *bonnetter* ‘one who smashes other people’s hats for amusement’ – от глагола *bonnet* ‘to pull or crush a person’s hat over their eyes, thus temporarily blinding them’.

Менее продуктивно образование существительных с помощью суффиксов *-o* (например, *beardo* ‘a bearded person’, *-ness*, например, *all-overishness* ‘nervous tension’), *-ese* (например, *bullockese* ‘the language or jargon of bullock-drivers’), *-ity* (например, *bungality* ‘stupidity’), *-ite*)например, *cabbagite* ‘a layabout’).

Кроме того, для образования прилагательных использовались суффиксы: *-ing* (*booming* ‘large’ от глагола *boom* ‘to advance keenly, to prosper’), *-ish* (*all-overish*); для образования глаголов – суффикс *-ulate* (например, *absquatulate* ‘of people or animals, to leave, to run away, to abscond’).

Среди отобранного фактического материала обнаружено пять фразовых глаголов. В настоящее время их рассматривают как слова, образованные с помощью послелогов, которые стоят в постпозиции по отношению к основному глаголу и превращаются в своего рода постфиксы, приближаясь по своей форме к аффиксам. Среди фразовых глаголов отмечены, например, слова *ball off* ‘to treat to a drink’, *buck up to* ‘to make advances, to coart’.

В ходе словообразовательного анализа установлено, что среди отобранного лексического материала с помощью конверсии было образовано четыре сленгизма: существительное *bolt* ‘a swift departure’ (с 1812 г.) – от глагола *to bolt* ‘to leave, to run off’ (1668 г.) в результате субстантивации; *cab* ‘to travel by cab’ (с 1836 г.) – от существительного *cab* (с 1823 г.) в результате вербализации; глагол *bange* ‘to rest, to sleep’ (с 1885 г.) – от существительного *bange* ‘a rest, a sleep’ (с 1847 г.) в результате вербализации; глагол *to barney* ‘to fight, to argue’ (с 1860 г.) – от существительного *barney* ‘a fight’ (с 1858 г.) в результате вербализации.

Среди ранних сленгизмов выявлены случаи сокращения. Все восемь сокращений являются простыми, а не инициальными (сложными) аббревиатурами (сокращениями). По формальному признаку установлены один аферезис (*Bay* от *Botany Bay*) и 7 апокоп (*cad* от *cadillac*, *cham* от *champagne*, *bull* от *bull’s-eye*, *bog* ‘a lavatory’ от *boghouse*).

К числу более редких морфологических способов образования новых слов относится удвоение (reduplication). Под удвоением понимают «образование новых слов путём удвоения основы, либо без каких-либо фонетических изменения, либо с изменением корневой гласной или согласной» [Арнольд 2012: 194]. Несмотря на то, что этот способ является достаточно редким, вявлено два примера удвоения в австралийском варианте английского языка: *chin-chin* ‘to leave, to run off’ и *chow-chow* ‘a Chinese person’.

Перейдём к рассмотрению тех сленговых слов и выражений, у которых наблюдались изменения в семантической структуре слова в результате семантической деривации, «процесса появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций, дополнительных значений, то есть процесса расширения семантического объёма слова, приводящего к возникновению семантического синкретизма, результатом которого является появление так называемой полисемии» [Тратникова 2015: 55].

В ходе исследования было выявлено 115 слов, у которых наблюдались некоторые изменения в семантической структуре в результате семантической деривации.

В результате расширения значения появились 60 сленгизмов, например, *chip* ‘money’ от значения ‘a dollar’; *bunyip* ‘an impostor, a pretender, humbug’ от значения ‘the Aboriginal name of a fabulous monster inhabiting the rushy swamps and lagoons in the interior of Australia’; *bit* ‘money’ от значения ‘in monetary contexts, esp. a coin of low denomination’.

В результате сужения значения образовались 13 сленгизмов, например, *brad* ‘a halfpenny, a cent’ от значения ‘cash money’; *bludget* ‘a female thief’ от значения ‘a street robber who uses violence’; *bug-hunter* ‘a street thief who specializes in snatching (drunken) men’s jewellery’ от значения ‘thief’.

Как результат метафорического переноса появились 25 сленгизмов, например, *baked* ‘exhausted; lit. or fig. finished’; *blinkers* ‘the eyes’; *absentee* ‘a convict (because he is absent from everyday life)’; *a choker* ‘a clerical collar’; *cake* ‘a gold nugget’.

Как результат метонимического переноса созданы 17 сленгизмов, например, *blue* ‘a police officer’ (смежность по цвету); *benjamin* ‘a coat or a waistcoat’ (изобретатель и изобретение); *boots* ‘the servant assigned to the cleaning of boots and other odd jobs’ (работник и предмет труда); *bully* ‘bully beef’ (животное и мясо этого животного).

В ходе исследования были выявены лексические единицы, образованные с помощью рифмованной субституции, «способа образования новых слов, при котором каждое подразумеваемое слово заменяется на рифмующееся с ним, но, в основном, далёкое с ним словосочетание с целью языкового кодирования звучащей речи» [Емельянов 2006: 8]. В ходе исследования было обнаружено два рифмованных сленгизма: *chevvy chase* для обозначения слова *face* и *chibby chase* также для обозначения лица.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство ранних сленгизмов образовано с помощью морфологической деривации (174). 88 сленгизмов являются результатом словосложения, что составляет 29 % от общего количества сленгизмов. Среди морфологических способов словообразования лидирует суффиксация (69), что составляет 22 % от всего объёма материала исследования. Самыми продуктивными суффиксами являются суффиксы *-y, -er, -ie*. 115 сленгизмов, что составляет 39 % от общего количества, возникли в результате семантической деривации (60 сленгизмов (21 %) – расширение значения, 25 сленгизмов (8 %) – метафорический перенос, 17 сленгизмов (6 %) – метонимический перенос, 13 сленгизмов (4 %) – сужение

значения). Менее продуктивны в образовании ранних сленгизмов австралийского варианта английского языка такие способы, как сокращение (8 сленгизмов, 3 %), заимствование (7 сленгизмов, 2 %), постфиксация (5 сленгизмов, 2 %), конверсия (4 сленгизма, 1 %), редупликация (2 сленгизма, 1 %), рифмованная субституция (2 сленгизма, 1 %).

Литература

Арнольд, И.В. Лексикология английского языка. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.

Байсултанов, И.В. Социальная дифференциация лексического субстандарта английского языка в Австралии: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2005. 20 с.

Емельянов, А.А. Английский рифмованный сленг: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2006. 20 с.

Ефремова, Е.М. Структурно-семантические и функциональные особенности многокомпонентных композитов в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2012. 19 с.

Тратникова, А.В. Понятие семантической деривации // Актуальные вопросы филологических наук: сб. тр. Казань: Казанский гос. ун-т культуры и искусств, 2015. С. 53-55.

Green’s Dictionary of Slang [Electronic resource]. Mode of access: https://greensdictofslang.com. Date of access: 12.03.2024.

И. А. Исаенко, магистрант
Науч. рук.: С. Ф. Доминикова, канд. филол. наук, доц.
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилёв, Беларусь)

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ДОСТИЖЕНИИ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация: В статье рассматривается роль переводческих трансформаций в достижении адекватности перевода художественного текста с русского языка на английский. Выделяются три основных вида переводческих трансформаций: лексические, грамматические и стилистические. Даётся подробная характеристика каждого вида переводческих трансформаций.

Ключевые слова: переводческие трансформации, лексические трансформации, грамматические трансформации, синтаксические трансформации

Задача любого перевода – достижение наиболее точного соответствия текста перевода исходному (переводимому) тексту. Это особенно актуально при переводе художественного текста, так как этот перевод требует не столько достоверности содержания, сколько передачи образно-эмоциональной составляющей произведения, его художественных особенностей. Решению этой задачи способствует использование широкого спектра переводческих трансформаций.

Переводческая трансформация – это технический приём перевода, состоящий в замене регулярного соответствия нерегулярным (контекстуальным), а также само языковое выражение, получаемое в результате применения такого приёма. Если говорить об адекватной мере трансформации, то эта мера должна «находится посредине между буквализмом и вольностью» [Латышев 2005: 46].

Прибегая к применению переводческих трансформаций, необходимо следовать критериям, во-первых, мотивированности трансформации (трансформация должна быть мотивирована необходимостью достижения равноценности регулятивного воздействия исходного текста и переводного текста), во-вторых, минимальности трансформации (из ряда возможных трансформаций предпочтительнее та, которая решает задачу достижения равноценности регулятивного воздействия исходного текста и переводного текста за счёт минимальных отступлений от семантики и структуры оригинала), и, в-третьих, ограниченности меры переводческих трансформаций (мера трансформаций определяется тем, насколько в данном акте двуязычной коммуникации проявляется расхождение коммуникативных компетенций носителей исходного языка и носителей переводного языка. Чем больше это расхождение, тем большая мера трансформаций необходима).

Переводческие трансформации делятся на следующие типы: категориально-морфологические (преобразования на уровне частей речи); синтаксические (изменения синтаксических функций, членов предложения, трансформация типов предложения, например, из личного в безличное); лексические (в процессе перевода некоторые лексемы исходного высказывания заменяются не системными (словарными) лексическими эквивалентами переводного языка, а некоторыми контекстуальными эквивалентами, т. е. эквивалентами только в данном конкретном случае).

К «специфическим» переводческим трансформациям относятся такие, как антонимический перевод (средство выражения исходного языка заменяется противоположным по значению средством выражения переводного языка); конверсная трансформация (в переводе описывается то же самое отношение между субъектом и объектом, что и в оригинале, только с другой стороны); деметафоризация (нечто сказанное «не напрямик», а с помощью иносказания, метафор и т. п., в переводе выражено напрямую – с помощью прямых значений слов и словосочетаний); метафоризация (противоположный приём); экспликация (придание содержанию более конкретной по сравнению с оригиналом формы выражения); импликация (противоположный приём) [Латышев 2005: 46].

К трансформациям приходится прибегать в тех случаях, когда перевод с помощью подстановок невозможен либо не может дать оптимальный результат.

Наибольшим разнообразием при переводе характеризуются лексические трансформации, к которым обычно относят дифференциацию и конкретизацию значений, генерализацию значений, смысловое развитие при переводе (имеющее такие разновидности, как замена процесса его причиной, замена процесса его следствием, замена причины процессом, замена следствия

процессом, замена следствия причиной, замена причины следствием), антонимический перевод, целостное преобразование (когда при переводе словосочетания, смысловой группы или даже законченного высказывания не представляется возможным оттолкнуться от словарных или контекстуальных значений отдельных слов, а необходимо понять смысловое значение всего переводимого целого и «перевыразить» его по-русски словами, подчас очень далёкими от слов подлинника), добавление слов при переводе (расширение, конкретизация), опущение слов при переводе [Рецкер 1982: 61].

Грамматических трансформаций значительно меньше, к ним относятся изменение порядка слов, изменение структуры предложения (полное и частичное), замена частей речи и членов предложения, добавление слов, опущение слов [Рецкер 1982: 61].

Переводческие трансформации могут пониматься как приёмы перевода, которые также делятся на лексические (к которым относят конкретизацию понятий, генерализацию понятий, антонимический перевод, смысловое развитие, компенсацию) и грамматические (включающие перестановки, замены форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, добавление, опущение, объединение предложений, членение предложений). Отдельно выделяются приёмы, используемые для передачи безэквивалентной лексики: транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, приближённый перевод [Сдобников, Петрова 2007].

Существует и логико-семиотический подход к характеристике переводческих трансформаций, согласно которому основными их видами являются: 1) опущение – изъятие тех или иных элементов исходного текста в силу их избыточности с точки зрения переводного языка; 2) добавление – обратный процесс, требующий распространения какого-либо свёрнутого с точки зрения переводного языка в оригинале языкового оборота; 3) изменение порядка слов – перестройка синтаксического целого в переводе по сравнению с оригиналом (*A man entered the room – Ein Mann kam in den Raum. – В комнату вошёл человек*); 4) изменение грамматических форм оригинала по сравнению с переводом; 5) конкретизация – выбор в качестве соответствия единице иностранного языка единицы переводного языка, более узкой по своему значению (*to have a meal – позавтракать, пообедать, поужинать; schlucken – глотать (пищу), сглотнуть (нервно)*); 6) генерализация – процесс, когда более узкой по своему значению единице иностранного языка соответствует более широкая семантическая единица переводного языка (*Walmart – недорогой магазин; Gefertigt aus guten Ideen – Сделаны с умом*); 7) антонимический перевод – это перевод, при котором в иностранном языке и переводном языке есть единицы, находящиеся в антонимических отношениях, т. е. обозначающие противоположные понятия (чаще всего антонимия сводится к наличию–отсутствию отрицания); 8) смысловое развитие – выраженное содержание в переводе соотносится с содержанием оригинала чаще всего как причина и следствие или наоборот; 9) целостное переосмысление высказывания, связанное с переводом различного рода фразеологизмов, при этом, исходя из

значения фразеологизмов иностранного языка, либо подбирается соответствующий фразеологизм в переводном языке, либо характерная для фразеологизмов образность снимается и даётся перевод, в котором остаётся лишь значение соответствующего фразеологизма (*You're a pain in the neck – Ты головная боль – От тебя одни неприятности*); 10) метонимический перевод, когда оригинал и перевод соотносятся как часть и целое или как соотнесённые по смежности понятия [Тюленев 2004].

Адекватный перевод невозможен без учёта стилистической стороны подлинника. При сравнении стилистических приёмов выявляются полные совпадения, частичные совпадения и несовпадения их функций [Алимов 2005]. Так, эффективен приём аллитерации (повторения первого звука или буквы в последующих словах), например: ***W**et and **w**indy **w**eather* (англ.) – ***П**лохая **п**ромозглая **п**огода*. И в английской, и в русской поэзии можно проследить тесную связь между эпитетом и определяемым словом (*Black Book, Silent Sea, Criminal Case, Twisting Twine; Дождливый день, Красная кровь, Громкий голос* и т. д.). Сохранение аллитерации при переводе таких названий почти невозможно и совершенно необязательно. Использование аллитерации в разных языках показывает, что функции стилистического приёма не всегда совпадают.

Повтор является стилистическим приёмом более распространённым в английском языке, чем в русском. Такие слова, как *stop, listen* и др. могут повторяться в контексте подряд по несколько раз: *Stop! Stop! Stop!* или *Listen! Listen! Listen!* В русском языке в таких случаях лучше использовать какое-нибудь усиление: *Перестаньте! Сию минуту перестаньте! Да перестаньте же!* Повтор довольно часто используется в стилистических целях в газетной публицистике.

Во всех эмоционально окрашенных стилях речи употребляются метафоры (например, *тяжёлый взгляд*) и метонимии (например, *еда – стол*). Существуют значительные расхождения в употреблении метонимий в английском и русском языках. Приходится обращаться к основному значению слова, которое породило метонимический перенос.

При переводе широко используются синонимы. Разница между синонимами стилистическая в сфере употребления, в оценке одного и того же явления и в фразеологических связях с другими словами. Синонимы дают возможность выбрать более подходящее слово из целого ряда слов, поэтому наиболее часто используются в новейших учебных пособиях по английскому языку как основному иностранному для лингвистических факультетов [Василенко, Дубин, Книга 2023]; [Василенко, Иванов, Шестернева 2023]; [Шевцова 2023].

Таким образом, для достижения адекватности при переводе с одного языка на другой необходимо использовать переводческие трансформации. Основными видами переводческих трансформаций являются лексические, грамматические и стилистические. Каждый из перечисленных видов трансформаций включает ряд подвидов, применение которых обеспечивает

точность в передаче смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.

Литература

Алимов, В.В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2005. 160 с.

Василенко, Е.Н., Дубин, М., Книга, Ю.А. English. Perspective 1. Минск: РИВШ, 2023. 280 с.

Василенко, Е.Н. Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. English. Developing Speaking and Writing Skills: учеб. пособие: в 2 ч. Минск: РИВШ, 2023. Ч. 1. 292 с.; Ч. 2. 216 с.

Латышев, Л.К. Технология перевода: учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 320 с.

Рецкер, Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. М.: Просвещение, 1982. 159 с.

Сдобников, В.В., Петрова, О.В. Теория перевода: учебник. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

Тюленев, С.В. Теория перевода: учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 336 с.

Шевцова, А.К. Стилистика = Stylistics: учеб.-метод. пособие. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2023. 168 с.

П. К. Ковалева, студентка
Науч. рук.: Г. В. Напреенко, канд. филол. наук, доц.
Кемеровский государственный университет
(г. Кемерово, Россия)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ТЕСТОВ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении лексических и грамматических особенностей китайских и русских официально-деловых текстов, которые впоследствии могут быть учтены в переводе с китайского на русский язык. В процессе выполнения данной работы были проанализированы различные виды деловой коммуникации (переписка с работодателем, обсуждение предложения о работе, соглашение об арбитраже, запрос коммерческого предложения, договор с субподрядчиком), особенности их оформления; обозначены лексическая и грамматическая специфика анализируемых текстов и способы их перевода.

Ключевые слова: лексические особенности перевода, грамматические особенности перевода, официально-деловые документы, переводческие трансформации, китайско-русский перевод.

Цель исследования – выявление лексических и грамматических особенностей при переводе официально-деловых текстов с китайского на русский язык и дальнейшее их применение в процессе перевода.

Научная новизна работы связана с систематизацией знаний о лексических и грамматических особенностях при переводе официально-деловых текстов с китайского на русский язык.

Автором проанализированы особенности официально-делового стиля текстов на китайском и русском языках. Документы для анализа были взяты из

работы Г. Б. Корец [Корец 2010: 224], где представлен китайский образец и готовый перевод на русском языке, кроме того были привлечены документы на китайском языке, взятые из открытых источников.

Перевод официально-делового текста с китайского языка на русский язык является сложным и ответственным заданием, требующим учета лексико-грамматических особенностей обоих языков. Нами рассмотрены важные аспекты, связанные с переводом официально-делового текста с китайского на русский язык: различия в лексике, грамматике и стиле обоих языков, а также культурные особенности и контекст перевода. Глубокое понимание обозначенной специфики является ключевым для достижения точности и качества перевода.

Официально-деловой стиль 事务文体 [Shìwù wéntǐ] – один из самых функциональных и востребованных в современном китайском языке. Данный стиль входит в группу письменно-книжных стилей и используется при написании деловых писем, составлении официальных документов – приказов, распоряжений, контрактов, заявлений, а также законодательных актов, международно-правовых и торговых соглашений.

С учётом проанализированного теоретического и практического материала нами были переведены пять документов официально-делового стиля: переписка с работодателем, обсуждение предложения о работе, соглашение об арбитраже, запрос коммерческого предложения, договор с субподрядчиком.

К *лексическим* особенностям при переводе с китайского языка на русский язык относятся:

– калькирование: 军事 [Jūnshì] «*военные дела»,* 执行本命令 [Zhíxíng běn mìnglìng] «*исполнять приказ*» и т. д.;

– использование специальной лексики и фразеологии: 额外奖金 [Éwài jiǎngjīn] «*дополнительные бонусы*», 仲裁法 [zhòngcái fǎ], «*арбитражная комиссия*» 仲裁委员会 [zhòngcái wěiyuánhuì], 政府 [zhèngfǔ] «*правительство*», 解放军 [jiěfàngjūn] «*освободительная армия*», 主权 [zhǔquán] «*суверенитет*»;

– использование номенклатурной лексики, наличие которой характерно для официально-делового стиля, по мнению О. Н. Кондратьевой [Кондратьева 2019: 12], например: 货物 [huòwù] «*товары*», «*услуги*» 服务 [fúwù], «*стороны*» 双方 [Shuāngfāng];

– наличие шаблонов и клише: 尊敬的刘先生 [Zūnjìng de liú xiānshēng], что переводится как *«Уважаемый / дорогой господин Лю!»*. Кроме того, встречаются логические текстовые скрепы (вводные слова). Например, 依照 [yīzhào] «*согласно…; в соответствии с…*» и 根据 [gēnjù] «*базироваться на..., основываться на…*». Эти конструкции взаимозаменяемы, и для того, чтобы в тексте документа не было повторения, используются синонимы;

– полная или частичная замена слов в предложении: 防务职责 [fángwù zhízé] переводится как «*оборона*» и «*долг*», но на русском языке это будет

звучать как *оборонных обязанностей*; слово 县 [xiàn], что в переводе означает *«уезд»*, не характерно для официально-делового стиля, так как является архаизмом, поэтому оно заменено на слово *«округ»;* также слово 局 [jú] – *«бюро»* в китайском предложении является нормированным элементом делового письма, но в русском языке оно потеряло свою значимость.

Автором статьи охарактеризована синтаксическая структура исследуемых текстов. В статье Ю. И. Злобиной, М. О. Сорокиной, Лю Ваньси «Перевод официально-деловых документов с китайского на русский язык» говорится о том, что перевод с китайского языка на русский осложняется особенностями грамматических систем данных языков» [Злобина 2022: http].

Перевод официально-деловой переписки с китайского на русский язык представляет собой определённую сложность в силу особенностей грамматического строя этих языков. В то же время, с точки зрения деловой культуры, исследуемые языки схожи, так как официально-деловой стиль характеризуется нейтральной тональностью в обоих языках [Ли Янь 2020: http].

Так, к *грамматическим* особенностям при переводе с китайского языка на русский язык относятся:

– замена простых неосложнённых предложений на предложения с причастными и деепричастными оборотами: <…> 陈中同道为榜样，刻苦练习，锁意进取 <…> [Chén zhōng tóngdào wèi bǎngyàng, kèkǔ liànxí, suǒ yì jìnqǔ] «*Следовать примеру товарища Чэнь Чжуна, преодолевая трудности, тренироваться, не приклоняя волю, стремиться вперед*». При ориентации на отдельные слова из предложения (такие, как 刻苦练习 [kèkǔ liànxí] и 锁意进取 [suǒ yì jìnqǔ]) перевод будет выглядеть примерно так: «*преодолевать трудности тренироваться*», «*непреклонная воля стремиться вперед*»;

– добавление союзов и предлогов для лучшего понимания смысла текста документа: 戒骄戒躁 [jièjiāo jièzào]. Если переводить данные слова по отдельности без скрепления их союзами, то получится так: «*не зазнаваться не проявлять излишней поспешности*». Для русского перевода важно наличие союзов и предлогов не только в деловом письме, но и пре переводе текстов других жанров и стилей.

Перевод официально-делового текста с китайского языка на русский язык представляет собой сложный процесс, связанный с рядом лексико-грамматических особенностей обоих языков. Важно учитывать не только различия в лексике и грамматике, но и культурные особенности и традиции каждой страны. Переводчик должен быть внимательным к деталям и хорошо владеть обоими языками, чтобы добиться наилучшего результата.

Таким образом, в процессе выполнения данной работы были выявлены некоторые особенности в структурировании текстов официально-делового стиля китайского и русского языков, рассмотрены и проанализированы различные виды деловой коммуникации, что позволило обозначить

лексические и грамматические приёмы адекватного перевода деловых документов.

Литература

Злобина, Ю.И., Сорокина, М.О., Лю Ваньси. Перевод официально-деловых писем с китайского на русский язык: некоторые устойчивые выражения и клише [Электронный ресурс] // МНКО. 2022. № 1 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-ofitsialno-delovyh-pisem-s-kitayskogo-na-russkiy-yazyk-nekotorye-ustoychivye-vyrazheniya-i-klishe (дата обращения: 10.04.2023).

Ли Янь, Халяпина Л.П. Анализ лингвистических особенностей в бизнес-коммуникации на китайском и русском языках [Электронный ресурс] // Современное педагогическое образование. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-lingvisticheskih-osobennostey-v-biznes-kommunikatsii-na-kitayskom-i-russkom-yazykah (дата обращения: 15.04.2023).

Кондратьева, О.Н. Жанры официально-деловых текстов. Часть 1: Жанровые и стилистические характеристики документных текстов. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2019. 156 с.

Корец, Г.Б. Китайский язык. Деловая переписка. М.: Живой язык, 2010. 224 с.

РАЗДЕЛ VIII
СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКА НАГАЙБАКОВ, ПРАВОСЛАВНОГО ТЮРКСКОГО ЭТНОСА

Д. А. Баймурзина, студентка
Науч. рук.: С. Г. Шулежкова, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ СВЕТСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАЗДНИКОВ В НАГАЙБАКСКОМ ЯЗЫКЕ[2]

Аннотация. Объект исследования автора – наименования праздников нагайбаков, которые компактно проживают на Южном Урале. В статье характеризуются названия светских и религиозных праздников. Установлено, что наряду с однословными названиями религиозных праздников и связанных с ними ритуалов, которые обычно имеют тюркское происхождение, нагайбаки используют и сверхсловные обозначения. Светские праздники (*Новый год, День рождения* и прочие) также обозначаются в нагайбакском языке особыми словами и выражениями, которые являются, как правило, кальками русских наименований. Они употребляются наряду с русскими эквивалентами. Анализ наименований праздников в нагайбакском языке помогает исследователю расширить представление о своеобразии этнической культуры нагайбаков.

Ключевые слова: светские праздники, религиозные праздники, культура нагайбаков, обычаи, традиции.

Нагайбаки – это малочисленный народ, проживающий на территории Челябинской области, преимущественно в Нагайбакском, Верхнеуральском и Чебаркульском районах. Оказавшись в окружении тюркских народов, в отличие от татар и башкир, нагайбаки исповедуют не ислам, а православие, и говорят они не на татарском, не на башкирском, а на особом тюркском языке. Хотя судьба и не была к нагайбакам благосклонна, этот народ, ещё в XVIII веке указом императрицы Анны Иоанновны переведённый в казачье сословие, переживший годы репрессий после Октябрьской революции и Гражданской войны, смог сохранить свою идентичность [Шулежкова 2022: 50]. Нагайбаки очень ценят родственные связи, любят веселиться, ходить в гости и отмечать знаменательные даты. Светские и религиозные праздники являются неотъемлемой частью культуры нагайбаков. Они играют важную роль в сохранении и передаче потомкам этнических традиций и обычаев, а своеобразный язык служит надёжным их хранилищем.

[2] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-20045, https://rscf.ru/project/23-18-20045/

В нагайбакском языке можно найти слова и выражения, которые являются названиями светских и религиозных праздников, наименований ритуалов, связанных с каждым из них, а также праздничных развлечений, блюд, нарядов [Шулежкова 2015: 10]. Отметим в данной статье только два из всех светских праздников – *Новый год* и *День рождения*.

Как и все граждане нашей страны, нагайбаки изобретательно и весело празднуют Новый Год. По-нагайбакски этот праздник называется *Җаңа́ Җылгы́* [Барышникова 2015: 33]. Существуют специальные слова и фразы, связанные с празднованием Нового года, а также бытовые наименования, которые употребляются не только в повседневной жизни нагайбаков, но и в торжественных, праздничных ситуациях. Так, например, если мы захотим обратиться к новогоднему столу, то с лёгкостью можем использовать слова *азы́к,* что означает ‘продукты’, ‘еда’ [Там же: 4]; *әзерләнергә́*, что в переводе с нагайбакского языка означает ‘готовить’ [Там же: 14]. Ни один Новый год не обходится без наряженной ёлки. У нагайбаков лесную красавицу принято называть *щыршы́* [Там же: 103].

Для поздравления с *Новым годом*, пожелания счастья и процветания нагайбаки используют слова *котларга́* ‘поздравлять’ [Там же: 57], *озак көткән* ‘долгожданный’ [Там же: 71] и *шатлы́к* ‘радость’ [Там же: 102]. Для описания праздничной атмосферы у нагайбаков есть такие слова, как: *беешé́ү* ‘перепляс’ [Там же: 19], *шая́н* ‘шутник’ [Там же: 102] и *бизәргә́* ‘украшать’ [Там же: 21].

День рождения (Тыуган көн) [Там же: 96] – также очень важное праздничное событие в жизни нагайбаков. Слова и фразы, связанные с этим праздником, знает каждый носитель нагайбакского языка. Они могут представлять собой поздравление, например, *котларга́* ‘поздравлять’ [Там же: 43]; описывать элементы праздничного поведения, например, *җырларга́* ‘петь’, форму проведения праздника, например, *кищ утыры́у* ‘вечеринка’ [Там же: 56], *уе́н* ‘забава’ [Там же : 172].

Такое отражение светского праздника в нагайбакском языке свидетельствует о значимости дней рождения в традициях нагайбаков и подчёркивает важность родственных связей в их общественной жизни.

Кроме светских, нагайбаки высоко чтят православные праздники, которые занимают важнейшее место в жизни этноса, о чём свидетельствуют лексико-фразеологические данные. Нагайбаки отмечают все важные христианские праздники: *Рождество (Қодайның тыуған көнен)* [Шулежкова, Барышникова 2023: 202], *Пасху (Олы́ көн)* [Там же: 207], *Троицу (Торисынны)* [Там же: 202], *Покров день (Пыкрауны)* [Там же: 202] и другие.

Покров день является одним из самых любимых нагайбаками праздников. По традиции православные в этот день ходят в храм. Церковная служба начинается вечером 14 октября и продолжается до самого утра. Во время молитвы *(иман)* [Там же: 199] верующие просят Богоматерь *(Изге Қыз Мәрее)* [Там же: 199] о заступничестве, помощи в делах, здоровье и обретении душевного покоя. После службы прихожане раздают милостыню нищим и спешат за праздничный стол. Нагайбачки 14 октября пекут особые пирожки, которые так и называются «покровские пирожки» *(пыкрау пиругы)* [Вдовина

2008: 4]. Едят такие пирожки горячими или холодными, макая их в растопленное сливочное масло (*Пыкрау пиругын ашыйлар эссе, сыуык булса да, эрегэн сыер маена манып*) [Шулежкова, Барышникова 2023: 216]. Угощаясь пирожками, нагайбаки пьют чай и желают друг другу счастья и благополучия (*Пирук ашаганда нагайбаклар щэй эщэлэр, бер берсенэ багыт, исэннек телейлэр*) [Там же: 216]. В праздничных христианских торжествах участвуют все нагайбаки, от стариков до малых детей (*Бар нагайбаклар да, картлардан алып балаларга щаклы*) [Там же: 215]. Стол на *Покров* (*Пыкрауны*) богатый, но если праздник выпадал на среду или пятницу, то постный [Там же: 212].

Ещё одним любимым праздников нагайбаков является *Рождество* (*Кодайның тыуган көнен*) [Там же: 202] , которое отмечается в ночь с 6-го на 7-е января. Как описывает С. И. Вдовина, празднование Рождества у нагайбаков начинается ранним утром. Местные ребятишки собираются вместе, ходят от избы к избе и стучатся в окна хозяйкам (*Иртүк балалар, җыелышып, өйдән өйгә җөрейлэр*) [Вдовина 2008: 67]. Всенощная служба в честь наступления Рождества начинается около 23:00 в Сочельник, 6-го января. Длится она около четырёх часов и, как правило, заканчивается в 2 часа ночи. На праздничную службу в церковь нагайбаков приглашает колокольный звон (*Бэйрэм көнне щиркәүгә қыңғырау тауышлары щақыра)* [Шулежкова, Барышникова 2023: 204]. После торжественного богослужения нагайбаки всей семьёй собираются за большим и пышным столом. Женщины и мужчины наряжаются в лучшие одежды (*Қатыннар белән ирлэр үзләренең иң әйбәт кеемнэрен кеялэр*) [Там же: 204]. В этот день устраиваются казачьи соревнования, люди поют, пляшут под гармонь (*Бу көнне қазақ җарышлары була, қалықлар җырлый, беей гармун уенына*) [Белоруссова 2017: 67].

Нагайбаки сохранили глубинную память о своём дохристианском языческом прошлом. В этом можно убедиться, изучая пословицы и поговорки нагайбакского этноса [Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019]. Вера нагайбаков имеет много языческих оттенков. Особое место в их культуре занимают языческие праздники, которые отмечались коренным народом во все времена. Следы языческих верований сохранились и по сей день. Празднование *Масленицы* (*Май бэйрэмé*) [Шулежкова, Барышникова 2023: 205] и *Колядок* (*Нардугáн*) [Атнагулов 2017: 465] нашли свое отражение в нагайбакском языке. Как и славянки, нагайбакские девушки во время святок гадают на женихов (*Урыс қызлары шикелле нагайбак қызлары Нардуганда җөзек салалар, кем аның кеяүе булыр*) [Шулежкова, Барышникова 2023: 206]. В святочные дни ряженые нагайбаки ходят по домам, восхваляя хлебосольных и высмеивая жадных хозяек (*Пипарайлар өй саен җөрейлэр, мақтап җомартны, көлеп саран қуҗалардан*) [Атнагулов 2017: 229].

Масленица (*Май бэйрэмé*) представляет собой праздничную неделю перед Великим Постом, которая выпадает на конец февраля – начало марта и связана с *Проводами зимы*, одним из самых любимых праздников нагайбаков (*Май щабыу – нагайбакларның арада иң җаратқан бэйрэме*) [Шулежкова, Барышникова 2023: 204]. В эту неделю все православные народы устраивают много мероприятий, включая народные гуляния, спортивные соревнования;

хозяйки традиционно пекут главное блюдо праздника. Центральным элементом масленицы являются блины, которые символизируют круговорот времени и обновление жизни. Праздничное застолье в этот день обычно широкое, приглашают в гости (*куна́к*) [Барышникова 2015: 57] родных и близких, друзей и молодожёнов (*Май щабыуда қунаққа көтәләр җәш кеяү белән киленне, туғаннар белән ощрашалар*) [Там же: 102].

Таким образом, нагайбакский язык свидетельствует о том, что светские и религиозные праздники играют важную роль в культуре нагайбаков, способствуют поддержанию ритуалов и традиций, обеспечивающих сохранение идентичности малого коренного народа, проживающего в многоконфессиональном и многоязычном Южно-Уральском регионе.

Литература

Атнагулов, И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: дисс. … д-ра ист. наук. Магнитогорск, 2017. 467 с.

Барышникова, О.И. Нагайбако-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / под ред. С.Г. Шулежковой . Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. 112 +175 с.

Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. Толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского языка / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. 157 с.

Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами / Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ ист. антропологии и и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; под ред. канд. филол. наук, доц. Н.В. Поздняковой. Москва: ФЛИНТА, 2023. 276 с.

Белоруссова, С.Ю. Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 28 с.

Вдовина, С.И. Соты памяти народной. Челябинск: ООО «АЛИМ», 2008. 224 с.

Шулежкова, С.Г. Нагайбаки. Кто они? // Барышникова, О.И. Нагайбако-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. С. 10-20.

Шулежкова, С.Г. Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. № 3. С. 49-54.

Шулежкова, С.Г., Барышникова, О.И. Русско-нагайбакский разговорник. Москва: ФЛИНТА, 2023. 252 с.

А. Ю. Босова, студентка
Н. В. Позднякова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ФЕМИНИТИВЫ В ЯЗЫКЕ НАГАЙБАКОВ[3]

Аннотация. Автор статьи на основе анализа лексико-фразеологического материала характеризует положение женщины в семье и общественной жизни малочисленного тюркского этноса – нагайбаков, которые являются потомственными казаками, исповедующими православие.

Ключевые слова: нагайбаки, нагайбакский язык, феминитивы, женщина, семья.

Семья – важнейшая ячейка любого этноса. Она, с одной стороны, воспитывает ребёнка как личность, формируя основные ценностные ориентиры и духовные установки, а с другой – является отражением общества в целом, его нравственных устоев. Не является исключением и нагайбакский народ – особая этнорелигиозная группа, сформировавшаяся в результате взаимодействия различных культур и религий. Отличительными чертами нагайбаков являются православие и принадлежность к казачеству, что послужило основой осознания ими себя как особой этнической группы [Белоруссова 2015: 18-20]. Сословные и религиозные особенности накладывают отпечаток на семейные отношения, на устройство семьи и распределение ролей внутри неё и, как следствие, на положение женщины не только в кругу родных, но и в обществе в целом.

В работе музыковеда-этнографа XIX в. С. Г. Рыбакова говорится об уважении к женщине в нагайбакской семье: «семейныя узы прочны, деспотизма надъ женщинами нетъ» [Рыбаков 1897: 212]. Е. А. Бектеева в этнографическом очерке о нагайбакском народе особое внимание уделяет семейным нравам и обычаям: «Женщины у нагайбаковъ находились прежде почти въ состоянiи рабства, хотя и не въ такой степени, какъ у киргизовъ и татаръ; такъ, напримѣръ, невѣстка должна была надѣвать и снимать обувь всѣмъ домашнимъ. Теперь же, благодаря проникшему къ ним просвѣщенiю, женщины пользуются уваженiемъ» [Бектеева 1902: 169-170]. Изменение положения женщины может быть обусловлено влиянием религии. По мнению историков, нагайбаки принимали христианство в два этапа: одни крестились в XVI в. во время правления Ивана Грозного, другие – в XVIII в. [Атнагулов 2017: 46].

Подтверждением этнографических изысканий может стать язык, в лексико-фразеологическом пласте которого отражены основные представления нагайбаков о роли женщины в семье.

Материалом исследования послужили «Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами» О. И. Барышниковой, С. Г. Шулежковой

[3] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-20045, https://rscf.ru/project/23-18-20045/

[Барышникова, Шулежкова 2023] и сборник пословиц и поговорок нагайбакского народа [Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019].

«Закрытость» нагайбакского общества отражается на составе лексической группы, называющей женщин в семейной иерархии. Так, лексема *қыз* одновременно обозначает «девочку, девушку, невесту и дочь»; следовательно, в восприятии нагайбаков нет дифференциации маленькой девочки, девочки-подростка и невесты: во всех возрастных категориях она воспринимается как ‘часть родительской семьи, ребенок’.

Новый статус и соответственно новое именование (*қатын*) девушка приобретает, вступая в брак и отделяясь тем самым от родителей. Лексема *қатын*, по данным словарей, также имеет два значения – «1. Женщина. 2. Жена» [Барышникова, Шулежкова 2023: 140], что говорит о неделимости этих двух понятий в сознании нагайбаков: после замужества женщина воспринимается в рамках отношений с мужем. С другой стороны, женщина внутри той же отдельной семьи рассматривается с точки зрения материнства и именуется словами *ана* – «1. Мать» [Там же: 20], *инә* – «1. Мать» [Там же: 103] и *нәнәү* в значении «Мама, мать» [Там же: 164].

Третье поколение женщин в нагайбакском языке на лексическом уровне представлено шире. Женщину пожилого возраста вообще обозначает лексическая единица *қарщық* – «Старуха, старушка» [Там же: 139], а в рамках семейных взаимоотношений она может обозначаться лексемой *әбей* – «1. Бабушка» [Там же: 62] или лексемой *җырақай* – «Бабушка с материнской стороны» [Там же: 95].

Таким образом, на лексическом уровне нагайбакского языка для обозначения женщин используются *феминитивы* с точки зрения широкого подхода к этому термину, то есть это существительные, в значении которых содержится семантический компонент ‘лицо женского пола’. К феминитивам в рамках этого подхода относятся как производные существительные, в которых показатель женского пола выражен формально, то есть с помощью суффиксов, присоединяемых к обозначениям лиц мужского пола, так и непроизводные, где семантический компонент содержится непосредственно в корне [Фуфаева 2020: 115]. Однако в нагайбакском языке значение лица женского пола выражается в корне и коррелирует с наименованиями лиц мужского пола, в которых значение также выражает корень. Все лексические единицы, относящиеся к нагайбакским феминитивам, входят в тематическую группу «Семья» и дифференцируются с точки зрения возрастной категории и с точки зрения родственных отношений.

Феминитивы, выражающие принадлежность к полу вообще, в нагайбакском языке являются многозначными словами. Они одновременно обозначают лиц женского пола разного возраста, статуса и не выходят за рамки тематической группы «Семья». Феминитивы же с одним значением, как правило, именуют женщин с точки зрения семейных взаимоотношений.

Фразеологический единицы, называющие лиц женского пола в нагайбакском языке, по сравнению с лексическими обычно эмоционально окрашены. Представления народа, особенности его мировоззрения

аккумулируются в пословицах, которые являются источником информации о национальной картине мира. Нагайбакский народ не исключение. Как отмечает С. Г. Шулежкова, «язык в лаконичных паремиях, пословицах и поговорках, как и в легендах, сказках, преданиях, при отсутствии письменности передавал из поколения в поколение представление нагайбаков о добре и зле, о верности и долге, о любви к родной земле, о семейных ценностях» [Шулежкова 2019: 6]. Поэтому для более полной картины, репрезентирующей отношение к женщине в нагайбакской семье, нами были отобраны те пословицы, в которых отражены народные представления о роли женщины в семье и обществе.

Особо выделяются пословицы о женщинах одной возрастной группы – *қатын (*жены / женщины) и *ана* / *инә (*мать*)*. Рассмотрим их подробнее.

В нагайбакских пословицах отражаются различные свойства *жены / женщины*, её роли в семейных отношениях. Так как жена всегда «пришлый» элемент в нагайбакской семье, то и отношение к ней формировалось по мере её адаптации, становления в новой для неё социальной роли. При этом отношение к жене во многом зависело от мужчины и его личных качеств.

В семье между супругами устанавливаются взаимозависимые отношения: как жена находится в зависимом положении по отношению к мужу *(Ашлық җирендә, қатын ирендә = Урожай от земли (зависит), а жена от мужа)*, так и муж зависит от жены *(Ир – баш, қатын – муен = Муж – голова, жена – шея)*.

Личная характеристика женщине даётся с точки зрения её отношений с мужем, и место женщины в целом определяется рядом с мужчиной. Следовательно, качества женщины проявляются непосредственно в браке и хорошей женщина может быть только рядом с хорошим мужем *(Әйбәт ир белән қатын да әйбәт = За хорошим мужем и жена хороша)*.

Назначение мужчины-нагайбака неразрывно связано с Отечеством, казачьей службой. В этом состоит его счастье и главное достоинство. Для женщины же семья – основное предназначение, и её главная задача – быть надёжным тылом для мужа *(Ир бағыты ил белән, қатын бағыты ир белән = Счастье мужчины с Отчизной, счастье женщины – с мужем)*.

В пословицах закреплены представления нагайбаков о положительных и отрицательных качествах *жены / женщины*. Одним из главных положительных черт женщины является хозяйственность, поэтому хорошая жена должна уметь вести быт *(Қатын уңса – қазна, уңмаса – қаза = Умелая жена – богатство, а неумелая – горе),* следить за домом *(Жүнне қатын өен сақлый, ә җүнсезе җиңе белән щәщеп бетерә = Добрая жена дом сбережёт, а худая рукавом растрясёт)*. Как следствие, женщина берёт на себя множество обязанностей, выполняет всякую работу, постоянно трудится *(Қатын – қызның эшен тауық та щүплəп бетмәс = Дела у женщин и куры не склюют*).

Иметь рядом с собой жену, отвечающую за домашние дела, хозяйство, быт – счастье для мужчины *(Әйбәт қатын да майлы (итле) аш – шуннан да әйбәтне эзләмә = Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи)*. Это подтверждается и этнографическими материалами. Так, из очерка Е. А. Бектеевой мы узнаём о роли женщины и её труде. Она трудится наравне с

мужчиной дома и в поле: «В полевых работахъ и дома по хозяйству она не уступаетъ мужчинѣ в силѣ и трудолюбіи» [Бектеева 1902: 174].

Главным отрицательным женским качеством в нагайбакских пословицах признаётся злость / злоба, которая вредит семейным отношениям, негативно влияет на мужчину *(Усал қатын ирен ақылдан жаздыра = Злая жена сведёт мужа с ума)*. Такая жена воспринимается как воплощение самого страшного зла *(Усалдан да усал усал қатын = Всех злее злых злая жена)* и приравнивается в разрушительной силе к катастрофе *(Уттан, сыудан, усал қатыннан Қодай сақласын = От пожара, от потопа и злой жены, Боже, сохрани)*. Ревность – ещё одно осуждаемое качество женщины, которое, правда, не препятствует её реализации в качестве хорошей жены *(Әйбәт қатын да, бик көнщән = Хороша жена, да ревнива)*.

По представлениям нагайбаков, каждый мужчина получает в жёны именно ту женщину, которую заслуживает, так как брак предопределён Богом и не зависит от человека *(Үлем дә қатын – қодай биргәнщә = Смерть да жена Богом суждена)* [Анохина, Позднякова 2023: 230].

Когда замужняя женщина становилась матерью, то и отношение к ней существенно менялось. Проследим, как в пословицах отражено отношение к материнству и его социальной роли.

Матери в нагайбакских пословицах отводится важнейшая функция – воспитание детей *(Бала өщен атайның – җөрәге, инәйнең беләге ауырта = За ребёнка у отца – сердце, у матери руки болят)*. Это объяснимо: пока отец был занят на государственной службе, дети полностью оказывались на «руках» женщины. Именно это подчёркивается и в поговорке *Ата – беләк, инә – җөрәк = Отец – плечо, мать – душа*.

Материнская любовь проявляется в беспокойстве и душевных переживаниях, способности разделить боль ребёнка *(Улының бармағы ауыртса, инәсенең җөрәге ауырта = Если у сына палец болит, у матери сердце болит)*. Мать не делит детей, для неё все важны и любимы в равной степени *(Инәгә бар бала да бер, җөрәкне җара = Матери все дети равны – одинаково сердцу больны).* Любовь матери безусловна, душой она всегда привязана к своему ребёнку *(Ананықы – балада, баланықы – далада = Материнское сердце в детках, а детское – в поле)*.

Таким образом, по представлению нагайбаков, мать, на чью долю выпало воспитание и формирование личности ребёнка, занимает в его жизни более важное место, чем отец *(Атасыз җарты җанғыз, ә инәсез бөтеннәй/бөтә җаңғыз = Ребёнок без отца – полсироты, а без матери – полный сирота)*.

Итак, мы видим, что *жена* и *мать* воспринимаются нагайбаками по-разному. Если жене отводится второстепенная роль рядом с мужем, от которого она зависит, то мать, напротив, занимает главенствующую позицию по отношению к детям и по отношению к их отцу. Счастье жены заключается в муже и успешном браке, тогда как счастье матери, однозначно, в детях. Обязанности жены и матери во многом схожи: жена заботится о муже, мать заботится о детях, что напрямую связано с ролью женщины в нагайбакской семье.

Литература

Анохина, С.А., Позднякова, Н.В. Представления нагайбаков о Боге на материале пословиц и поговорок с компонентом Қодай (Бог) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 4. С. 228-232.

Атнагулов, И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей. Челябинск: Абрис, 2018. 432 с.

Барышникова, О.И, Шулежкова, С.Г. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами. М: Флинта, 2023. 276 с.

Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. 157 с.

Бектеева, Е.А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губерніи) // Живая старина. Периодическое изданіе отдѣленія этнографіи Русскаго географическаго общества. 1902. № 2. С. 165-181.

Белоруссова, С.Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестник Челябинского гос. университета, 2015. № 24. С 17-24.

Рыбаков, С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб: типография Императорской Академии наук, 1897. 330 с.

Фуфаева, И.В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М: Primus, 2020. 304 с.

Шулежкова, С.Г. Без языка и колокол нем (вместо предисловия // Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. С. 6-12.

Д. А. Новиков, аспирант
Науч. рук.: С. Г. Шулежкова, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ВОЕННЫМ ДЕЛОМ, В ЯЗЫКЕ НАГАЙБАКОВ, ПОТОМСТВЕННЫХ КАЗАКОВ[4]

Аннотация. В статье поднимается проблема идентичности нагайбаков, коренного народа, проживающего на Южном Урале. Автор в ходе анализа лексики, связанной с военным делом, затрагивает вопросы, касающиеся сохранения родного языка и традиций уникального этноса в современных условиях, когда искусственные ограничения и социокультурные изменения могут оказать негативное влияние на культуру малочисленного народа и даже грозят ему растворением в соседних нациях.

Ключевые слова: лексема, нагайбаки, тюркский язык, нагайбакский язык, казачество.

О нагайбаках, их смелости и военных умениях до сих пор существуют легенды. Даже Наполеон, несмотря на свой страх перед ними, заявлял, что с полком нагайбаков он легко захватил бы весь мир. Нагайбаки всегда отличались хорошей военной подготовкой. Сабит Ахматнуров в книге «Казаки

[4] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-20045, https://rscf.ru/project/23-18-20045/

Золотой Орды» отмечает, что первым атаманом Нагайбакского казачьего войска был назначен Василий Иванович Суворов, отец будущего генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. В 1745 году Суворов-старший уступил это место Андрею Ермекину. А во время Отечественной войны 1812 года между Российской и Французской империями казаками-нагайбаками командовал атаман Яков Серебряков. Примечательно, что Серебряков подготовил всех казаков станицы, могущих действовать оружием. Также нагайбаки отличаются самоотверженностью. Именно казаки-нагайбаки были ударной силой в сражениях под Лейпцигом, в «битве народов», а в марте 1814 года они уже прошли по Франции [Ахматнуров 2017: 107-109].

В знак памяти о заграничных походах и победах нагайбаки несколько казачьих поселений назвали по-иностранному. Поэтому на карте Нагайбакского района можно найти названия таких населённых пунктов, как *Париж, Фершампенуаз, Арси, Берлин, Лейпциг, Варна, Порт-Артур, Кассель, Требия*. В 1926 году, как пишет в своей книге «Народы Среднего Поволжья и Приуралья: история и культура» А. А. Хабибуллин, жители этих населённых пунктов были выделены переписью в качестве самостоятельного народа [Хабибуллин 2008: 203]. Тогда насчитали 11,2 тысячи нагайбаков. В 2010 году их стало на 3 тысячи меньше, а по данным последней Всероссийской переписи населения, проведённой в 2021 году, численность нагайбаков сократилась ещё на 3 тысячи и составила 5719 человек [Касс 2023: http].

Нагайбаки имеют уникальную идентичность, связанную с их религией, социальными обычаями и языком. Нагайбакский язык является частью тюркской языковой семьи. Однако в настоящее время он находится под угрозой исчезновения. В целях сохранения языков малых коренных народов, включая нагайбаков, Правительство Российской Федерации утвердило план мероприятий на 2022–2032 гг., объявив Международное десятилетие языков коренных народов [Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р]. Это вызвано проблемами неиспользования малыми народами своего языка в повседневной жизни и отсутствием системы обучения на родном языке. Для нагайбаков же ситуация особенно тревожная, потому что у них нет своей письменности.

Нагайбакский язык отличается богатством и красотой своих слов и фраз. Он мелодичен, экспрессивен, способен выражать глубокие эмоции и чувства своих носителей. Сегодня сотрудники Словарной научно-исследовательской лаборатории МГТУ им. Г.И. Носова активно работают над сохранением нагайбакского языка. Данный народ обладает богатым устным наследием, которое передаётся поколениями через сказания, песни и легенды [Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019]; [Барышникова, Шулежкова 2020].

Как отмечалось выше, нагайбаки по сей день являются искусными воинами. В нагайбакском языке сохранилось множество лексем и фразеологических единиц, связанных с военно-земледельческим укладом жизни нагайбаков-казаков и подтверждающих их смелость и военные умения.

В лексической системе нагайбакского языка можно выделить несколько тематических групп, отражающих уникальность потомственного казачества

нагайбаков. Это единицы, называющие 1) элементы снаряжения и амуниции казаков, 2) виды их холодного и огнестрельного оружия, 3) коней и связанных с уходом за ними предметов; наименования 4) казачьих подразделений и офицерских чинов; 5) способов ведения боевых действий и пр. Но центральное место в лексической системе занимает лексема *‘қазақ’*, которое, как и в русском языке, обозначает «представителя военного сословия, обязанного нести службу в особых военных частях со своим снаряжением, оружием и конём» [Ефремова 2000: 307]. В нагайбакском языке для казаков есть и одобрительные наименования казаков, отличавшихся храбростью и ловкостью при участии в боевых действиях: *суғышщы* – ‘боец, воин’; *батыр / баты* – ‘герой’; *жқайдақ / ат менгән кеше* – ‘всадник, ездок’. Врага, противника, недруга нагайбаки называют словом *дошман.*

Наименования элементов снаряжения и амуниции казаков-нагайбаков подчёркивают культурную и языковую особость, отличающую казаков-нагайбаков от донских, кубанских, оренбургских или сибирских казаков. Одежда нагайбака-казака достаточно практична, но вместе с тем для неё характерна «народность», что проявляется в её уникальном дизайне. Костюмы отличаются эстетичностью и оригинальностью, приспособленностью под разные времена года и погодные условия. Казачья одежда обязательно подчёркивает связь с военным делом.

В гардеробе казака была и есть как военная форма, так и повседневная одежда. Большое влияние на снаряжение и амуницию имела кавказская народность. Лишь в середине XIX века у всех казачьих войск в России была утверждена унифицированная официальная форма. В языке нагайбаков можно найти лексемы, которые называют составляющие элементы военной одежды: *өс-баш* – ‘экипировка, обмундирование, одежда’; *чекмень / щикмән* – ‘зипун, армяк’ («в старину у крестьян: кафтан из толстого сукна» [Ожегов 1994: 46]); *камзул* – ‘камзол’ («воинское и придворное платье, обыкновенно из сукна, бархата или атласа, с отложным или стоячим воротником, иногда без рукавов» [Брокгауз и Ефрон 1895: 203]); *кальсон* – ‘кальсоны’ («предмет мужского нательного белья, длинные нижние штаны» [Ожегов 1994: 638]); *купты* – ‘кофта’; *билбау / эзәр / эщкелбау* – ‘кушак, пояс’ («пояс, обычно из широкого длинного куска материи или шнура» [Ефремова 2000: 384]); *қаеш* – ‘ремень’; *итек* – ‘сапог’; *тун* – ‘тулуп’ («долгополая меховая шуба, обычно не крытая сукном» [Ушаков 2008: 694]); *пурашқы* – ‘фуражка’; *бүрек* – ‘шапка, папаха’; *щалбар* – ‘брюки, шаровары’; *урауыщ / урағыщ* – ‘портянки’; *ыштан / балақ* – ‘штаны, штанина’.

Традиционный костюм казаков состоял из зипуна, шаровар, чекменя, кереи и архалука. Рубашки, особенно *бешмет* и *русская,* были важной частью гардероба и вышивались как обереги. Казаки предпочитали сапоги из бычьей кожи или галоши из кожи (чирики) и шерстяные валенки зимой. Головные уборы, такие как папаха и фуражка, также были неотъемлемой частью костюма казаков.

Казачье оружие (*қорал*) отличалось широким разнообразием. В различные временные периоды в употреблении казаков были пики, сабли,

ятаганы, чеканы, кинжалы, винтовки, пистолеты и, конечно же, шашки. Последнее для казаков является бóльшим, чем просто оружием для защиты родины от захвата вражескими противниками. Они являются предметом гордости воина.

В нагайбакском языке есть лексемы, называющие вооружение, при помощи которого казаки-нагайбаки сражались и защищали Россию. С глубокой древности известны кинжалы и ножи, но в России традиции владения подобным оружием не было, за исключением служащих войск, сражавшихся на Кавказе, и, прежде всего, казаков. У казаков получили распространение кинжалы и ножи самой различной длины и формы, причём длина некоторых кинжалов позволяла наносить не только колющие, но и рубящие удары. Так, в языке нагайбаков есть слово *пыщақ*, которое обозначает ‘нож’, также встречается слово *пәке / пике* – ‘нож складной’.

Казачья шашка – это символ мужества и боевого духа. В нагайбакском языке для обозначения данного вида оружия используется слово *қылыщ* – ‘шашка, сабля, клинок, меч’. *Қылыщ* – неотъемлемая часть казачьего образа жизни и культуры, а её использование требует определённых навыков и физической подготовки. Она часто ассоциируется с прочностью, мужеством и преданностью, присущими казачьему духу. Шашки успешно применялись во время различных военных конфликтов и становились символом силы и солидности казачества.

Среди лексем, называющих оружие (*пыщақ, қылыщ*), в нагайбакском языке встречается слово *щуқмар*. В переводе на русский язык данное слово обозначает ‘булава’. Трёхтомный «Казачий словарь-справочник» сост. Г. В. Губаревым и А. И. Скрыловым толкует данное слово как «деревянный стержень с металлической шишкой (яблоком) на верхнем конце; в древности служила оружием, но позднее стала употребляться как знак военной власти» [Губарев 1966: 81]. Также в нагайбакском языке есть единицы *бүкән, күсәк / щуқмар таяқ* – ‘дубина’, вступающие в синонимичные отношения со словом *щуқмар*.

Казаки всегда тщательно подходили к подбору вооружения и экипировки, так как от этого напрямую зависела их жизнь. Впервые о стрелковом оружии для казаков заговорили лишь в начале XIX века. В 1832 году в Туле была создана первая, именно казачья винтовка. В нагайбакском языке встречаются слова *мылтық* – ‘винтовка’ и *мылтық – ‘ружьё’*. Отличительной чертой казачьих винтовок было наличие короткого *приклада* (нагайбак. *төйтә*), укороченный ствол с медным надульником, изменённое крепление ремня и более широкий шомпол (для удобства заряжания с седла). Позднее казачьи винтовки подверглись доработкам и усовершенствованию [Пономарев 2021: http].

Конь для казака – это не просто животное, олицетворяющее силу и свободу, но и верный спутник в битвах и походах. Веками человек и лошадь находились в симбиозе, дополняя друг друга и создавая непревзойдённую связь.

В нагайбакском языке есть несколько языковых единиц со значением ‘конь’: *айғыр* – ‘конь, жеребец’; *ат* – ‘лошадь, конь’. Казака, восседающего на коне, нагайбаки называют *атлы қазақ – ‘конник, казак на лошади’*.

Конь для казака должен быть особенным: обладать выносливостью и стойкостью, способностью преодолевать большие расстояния, скакать по бескрайним степям и горным породам. Но не только физические качества важны. Помимо этого, конь для казака должен быть верным партнёром. Он должен слушаться своего ездока, отвечать на его мановения и доверять ему. При отсутствии этой связи никакая езда не могла быть успешной.

Конские принадлежности являются неотъемлемой частью экипировки казака-всадника. От правильного и качественного обмундирования зависит комфорт и безопасность как животного, так и его наездника.

Одной из основных принадлежностей является *эяр – ‘седло’*, специальное оборудование, на котором сидит конник. Оно должно быть правильно подогнано к спине лошади и обеспечивать равномерное распределение нагрузки. Под седло или под седелку казаки подкладывали *эяр кеезе / ыңғырщақ кеезе* – ‘потник’ («войлок, подкладываемый под седло или под седелку» [Ушаков 2008: 505]).

Важной составляющей конских принадлежностей является *җөгән – ‘узда’*. Она состоит из поводьев, уздечки и других элементов. Правильный выбор узды позволяет наезднику, в том числе и казаку-нагайбаку, контролировать движение лошади. Также на узду для ограничения области зрения у лошади казаки надевали *гүзелдерек* (шоры).

Находясь в постоянном движении, казаки ходили в разведку, нападали на вражеские отряды и обозы. Возникнуть перед противником внезапно, стремительно атаковать, мгновенно исчезнуть и появиться в другом месте, где враг не ждёт, – таковой всегда была тактика казаков. Для этого копыта у коня должны быть под защитой. В исследуемом языке *подкова* обозначается лексемой *дағa*.

Кроме слов, непосредственно связанных с казачьим ремеслом, нами были выявлены языковые единицы, которые используются нагайбаками как в военном деле, так и в повседневной жизни: *җигәргә* – ‘запрячь’; *қамщы / щыбырқы / щыбырқы* – ‘бич, кнут, плеть, плётка’, *щыбырқы сабы* – ‘кнутовище’; *күнәк / турсық* – ‘бурдюк’; *арқан / қанат* – ‘канат’; *җул қапщығы – ‘котомка’*, *тәмәке җанщығы* – ‘кисет’.

К числу казачьих относится и тематическая группа слов со значением ‘противостояние’: *армия / ғаскәр / щиреү* – ‘армия’; *атыу* – ‘обстрел’; *суғыш / җау / қаражау / бәрелеш* – ‘битва, бой, война, драка, сражение, столкновение, стычка, схватка’; *көрәшеү / көрәш / җиңешеү* – ‘борьба’; *суғышырға* – ‘воевать, драться, сражаться’; *атып җибәрергә* – ‘выстрелить’; *җалланырға* – ‘завербоваться’; *суғышып алырға / җауларға* – ‘завоевать’; *жиңеү / отыш* – ‘победа, успех’, *җиңеүче* – ‘победитель’, *җиңәргә / җиңеү / өстен қалыу / җауларға* – ‘победить, одолеть’. Данные лексемы выделяют нагайбакский язык среди языков тюркской семьи и позволяют отразить культурное и языковое своеобразие.

Нагайбакский язык нуждается во всестороннем исследовании лингвистов, так как он находится на грани исчезновения. Исследователи должны поставить перед собой задачу не допустить «вымирания» уникального нагайбакского языка, на котором держится идентичность нагайбакского этноса.

Данный обзор свидетельствует об оригинальности нагайбакского языка, обладающего своеобразным словарным составом. Пока совсем немного работ, посвящённых нагайбакскому языку. Это русско-нагайбакский словарь [Барышникова 2015], словарь говора нагайбаков [Теряков 2015], русско-нагайбакский словарь [Минеевы 2017], нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами [Барышникова, Шулежкова 2023]. О. И. Барышникова и научные сотрудники Словарной лаборатории МГТУ им. Г.И. Носова сегодня прилагают усилия по сохранению нагайбакского языка и готовят издание краткого учебника нагайбакского языка, что позволит организовать обучение нагайбакских детей родному языку в образовательных учреждениях поселений, где проживает этот немногочисленный народ.

Литература

Ахматнуров, С.С. Казаки Золотой Орды. Москва: Алгоритм, 2017. 283 с.

Барышникова, О.И. Русско-нагайбакский словарь; Нагайбакща-урысща сузлек. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. 173 + 125 с.

Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. Әйтем тиктән әйтелмей // Пословица недаром молвится: толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского народа. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. 157 с.

Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами. Москва: ФЛИНТА, 2023. 276 с.

Барышникова, О. И., Шулежкова, С.Г. «О тебе душа страдает…» : нагайбакские частушки с переводом на русский язык. Магнитогорск: Магнитогорский Дом Печати, 2020. 154, [1] с.

Брокгауз, Ф.А., Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. [Т. 14]. Санкт-Петербург: Семеновская типо-литография (И.А. Ефрона), 1895. 480 с.

Губарев, Г.В. Казачий словарь-справочник. Том 1. Выпуск 2. США: Кливленд, Охайо, 1966. 162 с.

Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц: в 2 т. Москва: Рус. яз., 2000.

Касс, А. Этническая перегруппировка: как поменялось соотношение народов России [Электронный ресурс] // News.ru, 11.01.2023. URL: https://news.ru/society/etnicheskaya-peregruppirovka-kak-pomenyalos-sootnoshenie-narodov-rossii/ (дата обращения: 31.03.2024).

Минеев, П.М. Русско-нагайбакский словарь. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский тематический словарь. Челябинск: Цицеро, 2017. 270 с.

Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

Пономарев, И. Винтовка донская, карабин казачий… [Электронный ресурс] // Северо-Донское казачье войско, 21.01.2021. URL: https://kazakseverdon.ru/2021/01/21/винтовка-донская-карабин-казачий/ (дата обращения: 31.03.2024).

Теряков, И.Г. Словарь говора нагайбаков / Нагайбәк сөйләше сүзлеге. Казань: Астория, 2015. 263 с.

Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. Москва: Дом Славянской кн., 2008. 959 с.

Хабибуллин, А.А. Народы Среднего Поволжья и Приуралья: история и культура: учебное пособие. Казань: Меддок, 2008. 337 с.

А. А. Орликова, студентка
Науч. рук.: С. Г. Шулежкова, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

НАИМЕНОВАНИЯ ВИДОВ ОДЕЖДЫ НАГАЙБАКОВ: КРАСОТА И ПРАКТИЧНОСТЬ[5]

Аннотация. В центре внимания автора – тематическая группа наименований видов одежды в языке одного из малочисленных коренных народов Южного Урала. С опорой на записи, сделанные во время экспедиций в места компактного проживания нагайбаков, а также на данные нагайбакско-русских и русско-нагагайбакских словарей, устанавливается тесная связь между формой, кроем, вышивкой, цветовой гаммой женской нагайбакской одежды с менталитетом этноса, его традициями и культурой. Лингвокультурологический анализ лексического материала, проводившийся с учётом тенденций, происходивших в социальной и культурной жизни бесписьменного тюркского народа, придерживающегося православного вероисповедания, позволил автору прийти к выводу о том, что традиционные нагайбакские наряды, символическое значение отдельных элементов одежды, несмотря на изменяющуюся моду, способствуют сохранению идентичности нагайбаков как особого этнического образования.

Ключевые слова: идентичность этноса, нагайбакская одежда, традиционный наряд, символизм украшений.

Проблема уникальности в современном мире стоит достаточно остро. Многие говорят о необходимости самовыражения в обществе: человек должен выделяться из толпы. Но большинству привычнее не привлекать к себе излишнего внимания, пряча где-то глубоко в душе свою индивидуальность. Нагайбаки долгие годы добивались официального признания их самостоятельным этносом наряду с другими этническими группами Российской Федерации. Исследователь формирования идентичности нагайбаков С. Ю. Белоруссова в автореферате своей диссертации пишет: «В 1993 г. нагайбаки были включены в перечень коренных малочисленных народов РФ», но добавляет: «… до сих пор их этничность находится в состоянии движения и преобразования» [Белоруссова 2017: 9]. В 2000 году этот новый государственный статус был подтверждён особым Постановлением Правительства [Постановление 2000: http].

Одним из главных способов самовыражения любой этнической общности является одежда. Но для нагайбаков это не просто «способ» индивидуального самовыражения. Одежда для них – неотъемлемая часть культуры и традиций. Каждая деталь, каждый элемент традиционной одежды нагайбаков обладает символическим смыслом. Форма, покрой, вышивка, цветовое решение, украшения связаны с многогранной историей этноса. Одежда нагайбаков отличается изысканным дизайном и роскошными узорами, которые передают

[5] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-20045, https://rscf.ru/project/23-18-20045/

национальный колорит и традиции культуры. Она также отличается высокой практичностью и рассчитана на особенности резкоконтинентального климата Южного Урала, учитывает сферу деятельности мужчин и женщин, а также привычный уклад жизни семьи. Материалы, использующиеся при изготовлении национальной одежды и обуви нагайбаков, обеспечивают комфорт и защиту человека в любых погодных условиях. Благодаря сочетанию красоты и практичности одежда нагайбаков привлекает внимание культурологов, этнографов, дизайнеров, модельеров, а наименования видов одежды не могут не вызывать интереса у лингвистов. Не случайно объектом исследования данной работы стала тематическая группа языковых единиц, которые служат вербализаторами нагайбакского концепта «Одежда».

«Нагайбаки испокон веков были служивыми казаками» [Белоруссова 2017: 120]. А это означает, что традиционная одежда для нагайбакских мужчин – форма Оренбургского казачества. Под неё надевалась рубаха-косоворотка, или *күлмәк* из пестряди – разновидности грубой ткани. Брюки (*щалбар*) [Барышникова, Шулежкова 2023: 252] изготавливались из сукна. Этот материал отличается прочностью, плотностью и согревающими свойствами, что особенно важно в условиях суровой уральской зимы. На голове у нагайбакских казаков мы можем увидеть один из древнейших головных уборов – *папаху* из чёрного каракуля и *фуражку* (*пурашкы*). В качестве обуви на службе использовались *сапоги* (*итекләр*), а в быту *галоши* (*кәушләр*), *лапти* (*чабаталар*), плетённые из древесного лыка, берёсты или пеньки. Зимой мужчины и женщины обували *киската* [Барышникова 2015: 56]; [Барышникова, Шулежкова 2023: 116] из валяной шерсти, для нас – *валенки*.

В отличие от мужчин, чей выбор в одежде в первую очередь обусловливался удобством, практичностью и комфортом, женщины-нагайбачки выбирали ещё и красоту, яркий цвет (*төс* [Барышникова 2015: 92]) своего наряда: белый (*ақ* [Барышникова, Шулежкова 2023: 15]), голубой (*зәңгәр* [Там же: 99]), жёлтый (*сары* [Там же: 184]),), позолоченный (*алтын жөгерткән*), алый (*ал* [Там же: 17]), или красный *қызыл* [Там же: 150]).

Как в любом отдельном этносе, одежда женщин нагайбакского народа в быту и в праздники имеет свои особенности. В повседневной жизни носят рубаху туникообразного покроя, известную как *күлмәк* [Там же: 123]. Эта рубаха выполнена из тёмно-красной пестряди с мелкой чёрно-белой или сине-чёрной клеткой. Голова покрывалась шёлковым платком (*җаулық* [Там же: 77]), а зимой шалью (*шәл* [Там же: 247]), которую вязали самостоятельно.

Помимо вязания, нагайбачки занимались и другими видами рукоделия, такими, как вышивка (*щигеш* [Там же: 257]), шитьё (*тегеү* [Там же: 207]), ткачество (*суғыу)* и плетение. Они изготавливали разнообразные предметы, включая одежду, постельное белье, ковры, сумки и даже украшения. Рукоделие – важная часть культуры и быта нагайбакского народа. Оно позволяет женщинам проявить свою творческую натуру и передавать уникальные традиции и навыки из поколения в поколение. Изделия, выполненные своими руками, не только служат практической цели, но и имеют символическое значение, отражая культурные особенности народа. Рукоделие у

женщин нагайбакского народа до сих пор остаётся не только способом самовыражения, но и важной частью их жизни и культуры.

На праздники поверх рубашки-косоворотки летом надевался шёлковый, а зимой шерстяной *жилән* (камзол с рукавами или без) и длинное платье, поверх которых был *алщупрәк* [Барышникова, Шулежкова 2023: 20] – узорный фартук.

Важно отметить, что рубаха и платье в нагайбакском языке именуются одним и тем же словом – *күлмәк.* Вероятно, это связано с тем, что назначение у данного элемента одежды в женском гардеробе было одно и то же.

Ещё одной отличительной особенностью женского наряда нагайбачки является *щәщ-кабы* (*щәщ-үргещ*) – длинная лента в монетах, покрывающая всю косу и подчеркивающая натуральную красоту лица и волос представительницы прекрасного пола. Конечно, это не единственное украшение. Женщины носили цепи, браслеты (*беләзек),* пёстрые повязки на голову – *бәй* и серьги, именуемые созвучным с русским обозначением нагайбакским словом – *сырға*.

«Цементирующими факторами культуры нагайбаков, помимо принадлежности их предков к казачьему сословию и особой тюркской разновидности их языка, стало православие» [Шулежкова 2015: 2]. Поэтому неотъемлемым священным символом для нагайбаков был крест. В украшениях, так же, как и в одежде, мужчины были гораздо скромнее и в основном каждый из них носил, помимо нагрудного креста (*қащ* [Барышникова, Шулежкова 2023: 141]), только перстень – (*қашлы балдақ* [Барышникова 2015: 16]). Символика креста, используемая в украшениях и одежде нагайбаков, является неотъемлемой частью их культурного наследия и отражает веру и принадлежность к православной церкви: нагрудный крест остается основным элементом, подчеркивающим православную веру и культурные особенности.

Главное сходство в мужской, женской и даже детской одежде мы можем увидеть в зимний период. «Этнической территорией нагайбаков с 1736 по 1843 гг. являлось Восточное Закамье, а с 1843 года по настоящее время – Южное Зауралье. Оба региона в соответствии с физико-географическим районированием Урала относятся к территории Южного Приуралья [Атнагулов 2015: 5]. В условиях суровой зимы важно было утеплиться как можно лучше, поэтому в качестве верхней зимней одежды использовались либо шуба (*тун* [Барышникова, Шулежкова 2023: 222]), либо тулуп, называвшийся так же – *тун*, которые шились преимущественно из овчины. Оба вида этой зимней одежды подпоясывались кушаком (*билбау, эзәр*). Выбор овчины для изготовления зимней одежды легко объяснить: овечий мех был и остаётся наиболее доступным для жителей Южного Урала; к тому же, он относится к числу износостойких и практичных. Кроме того, овчина хорошо держит тепло, и человек в овчинном тулупе не мёрзнет даже при температуре ниже 35 градусов по Цельсию.

Исследование показало, что одежда нагайбаков сочетает в себе как красоту, выражающуюся в разнообразии цветов, узоров и украшений, так и практичность. Она является не только символом национальной культуры и традиций, но и функциональной одеждой, способной защитить от суровых погодных условий. Нагайбакская одежда привлекает внимание своими

уникальными вышивками, красивыми расцветками и изысканными фасонами. Одновременно она обладает прочностью, удобством и устойчивостью к износу. Нагайбаки находят в своей одежде истинное удовольствие и гордость за свою культуру. Это подтверждает важность сохранения и продвижения нагайбакской одежды как части национального наследия.

Наше исследование показало, что одежда нагайбаков – прекрасный образец гармоничного сочетания красоты и практичности. Она не только отражает богатую культурную историю нагайбаков, но и представляет собой функциональную одежду, которая может быть оценена и принята в различных сферах жизни. Одежда нагайбаков является неотъемлемой частью их культуры и традиций. Не вызывает сомнения необходимость сохранять и продвигать являющуюся живым свидетельством уникальности нагайбаков национальную одежду, а также нагабакские обозначения видов одежды как неотъемлемую часть языка данного этноса.

Литература

Атнагулов, И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика: монография. Изд. 2-е с изм. и доп. Магнитогорск, 2015. 376 с.

Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами. Москва: Флинта, 2023. 276 с.

Барышникова, О.И. Нагайбако-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / Научно-иссл. словарная лаб. ИТЦ; гл. ред., автор вступит. ст. проф. С.Г. Шулежкова; ред. ст. науч. сотр НИСЛ А.А. Осипова. Магнитогорск: МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. 175+125 с.

Белоруссова, С.Ю. Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв: специальность 07.00.07 «Этнография, этнология, антропология»: Автореферат на соискание кандидата исторических наук / С.Ю. Белоруссова; Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург, 2017. 27 с.

Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/181870/ (дата обращения 20.03.2024).

Шулежкова, С.Г. Нагайбаки. Кто они? // О.И. Барышникова. // Русско-нагайбакский словарь // Науч.-исслед. Словарная лаб ИТЦ: гл. ред. проф. С.Г. Шулежкова; ред. канд. филол. наук, ст. науч. сотр НИСЛ А.А. Осипова. Магнитогорск: Изд-во МГТУ им. Г.И. Носова, 2015. С. 10-20.

С. А. Садельян, студентка
С. Г. Шулежкова, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
(г. Магнитогорск, Россия)

ВЕРОВАНИЯ НАГАЙБАКОВ, ОТРАЗИВШИЕСЯ В ИХ ЯЗЫКЕ[6]

Аннотация. В статье поднимается проблема функционирования и способов выражения верований нагайбаков, отразившихся в их своеобразном тюркском языке. С опорой на данные нагайбакско-русского и русско-нагайбакского словарей, на сведения, полученные во время экспедиций в места компактного проживания нагайбаков, анализируются особенности религиозного мировосприятия малого этноса и его влияния на древние традиции. При использовании сопоставительной методики описания языкового материала обнаруживаются языческие следы в православном мировоззрении нагайбаков, отмечается синтез религиозных представлений нагайбаков, подчёркивающий комплексный характер мировоззрения этноса, сложившегося в условиях длительного проживания в поликонфессиональном окружении.

Ключевые слова: нагайбакский язык, религиозные представления, православие, христианская лексика.

Нагайбаки – коренной малочисленный народ, проживающий преимущественно на территории Челябинской области, в Нагайбакском, Верхнеуральском и Чебаркульском районах. В ходе исторического развития нагайбаки сформировали три территориальные группы. По характеру размещения на конец XIX – начало XX вв. первая группа населяла Троицкий уезд Оренбургской губернии (такие посёлки, как Попово, Варламово, Краснокаменский, Болотово, Ключеский); вторая группа жила в Верхнеуральском уезде той же губернии (в посёлках Кассель, Остроленко, Фершамппенуаз, Париж, Требия, Астафьевский); третья группа занимала территории в Оренбургском и Орском уездах Оренбургской губернии (посёлки Неженское, Ильинское, Аллабайтальское, Гирьяльское). Группы Орского и Оренбургского уездов из-за тесных контактов с татарами-мусульманами утратили свою нагайбакскую идентичность [Атнагулов 2017: 5-8]. Судьба первых двух групп была иная. Им удалось сохранить свою самобытность до наших дней.

Вера занимает большое место в мировоззрении нагайбаков, и главная её особенность – комплексный характер. С одной стороны, нагайбаки – православный этнос, который свято чтит христианские традиции. С другой стороны, они тесно контактировали с мусульманскими народами, что не прошло для малочисленного народа бесследно. Кроме того, нагайбаки издревле хранят ряд языческих суеверий и обрядов. Эти три фактора отражены в лексико-фразеологическом составе нагайбакского языка.

[6] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-20045, https://rscf.ru/project/23-18-20045/

Для наименования религиозных понятий, потусторонних персонажей, форм общения с потусторонними силами, в том числе с Господом Богом у нагайбаков существует множество слов и сверхсловных языковых единиц, корни которых можно отыскать в общетюркском фонде и в русском языке. Веру, которая занимает большое место в жизни нагайбаков, они называют лексемой *ден*. Всевышнего они могут обозначать словами *Қодай* [Барышникова 2015: 56] и *Тәгалә*, а также сверхсловной языковой единицей *Тәңер бабай.* Обращаясь в молитвах к христианскому Богу, нагайбаки чаще всего называют его *Қодай* в тех случаях, когда православные упомнают Иисуса Христа: «*Эй Қодай, сақла безне әмжәрлықа!»* («О, Господи Боже, сохрани нас и помилуй»); «*Без җәзыклы мәндәләр өщен, безнең җәзыкларны кищерер өщен, алар Қодайдан телән җырлыйлар*» («За нас, грешных рабов, чтобы искупить грехи наши, они поют молитву Господу»).

Русскому православному слову *молиться* в нагайбакском языке соответствуют глаголы *сорарға* и *үтенергә*. Молятся нагайбаки на родном языке, упоминая ангелов и святых или обращаясь к ним: «*Иртә торып тышқа щықсам, пәрештәләр җырлыйлар күктә*» = «Встав утром, вышел во двор – на небе поют ангелы»; «*Херубимнар, серапимнар, күк щиреүе көщләре Михаил Архангел белә*н» = «Херувимы, серафимы с силами небесного воинства Михаила Архангела». Потусторонние силы упоминаются и в пословицах нагайбаков: «*Ощтымақта да берүзеңә бик қыен*», что переводится как: «И в раю жить тошно одному» [Барышникова, Осипова, Шулежкова 2019: 99]

Нагайбаки отмечают все главные христианские праздники. Для этих праздников у них существуют особые названия на родном языке: Рождество Христово – *Кристосның (Қодайның) тыуған көне*; Пасха – *Олы көн*; Троица – *Торисын*; Покров – *Пықрау*; Благовещение – *Теләк теләү*; Крещение – *Қащманыу*; Прощёное воскресение – *Прущтый*.

Важным для нагайбаков был и остаётся родительский день – один из религизных праздников. В этот день обязательным обрядом является посещение кладбища. В году есть несколько родительских дней. В этот день принято прибрать могилу, помянуть почившего, оставить на могилке дары – конфеты, кусочек хлеба, букетик цветов.

Троица (*Торисын*) – древний праздник. Он проводится обычно в первое воскресенье июня и отличается тем, что деревенская молодёжь с песнями отправляется в лес и приносит оттуда накануне «завитые» венки из березовых веток. Эти ветки девушки бросают в воду и по ним гадают о предстоящем замужестве или об исполнении загаданного желания, а вечером устраивают молодежные игрища, водят хороводы [Герасимова, Михайлова 2015: 9]. Некоторые элементы этого праздника уже забылись, а в наши дни, например, в Фершампенуазе сохранился обычай на Троицын день ходить на кладбище, на могилы родственников и близких. Но, по настоянию священника все меньше и меньше нагайбаков посещают могилы в день Троицы, а делают это накануне, т. е. в субботний день.

Петров день (*Питрау бәйрәме*) – праздник, во время которого в деревнях начиналась кипучая деятельность. С этого праздника начинался сенокос. У

нагайбаков существовало и существует по сей день поверье, что с Петрова дня можно собирать ягоды. С утра женщины и дети отправлялись в лес и собирали ягоды. К вечеру в каждом доме пекли пирожки из свежих ягод. В этот день в старину вся молодежь выходила гулять, качаться на качелях, водить хороводы. Даже если праздник как таковой не отмечается, пироги в Петров день пекут и в наши дни.

В Покров день (*Пыкрау*) нагайбаки раньше пели молитвы, посвящённые Богоматери. Обязательно в этот день пекли и по сей день пекут пироги с начинкой из свежемолотого зерна [Герасимова, Михайлова 2015: 10].

Старики-нагайбаки часто вспоминают праздник *Нардуган*, соответствующий русским *Святкам*. В течение двух недель перед Рождеством молодые нагайбаки раньше устраивали игрища, ходили ряженными, а то и одевались в лучшие свои одежды, отправлялись друг к другу в гости, угощались. Ряженые старались не пропускать ни одного дома.

Народный праздник *Сабантуй* широко празднуется и в наши дни. В летнее время молодёжь устраивает игры на природе. Считалось, что если встретились и познакомились молодые на *Сабантуе*, то это очень хорошая примета. *Сабантуй* (‘праздник плуга’) – это народный праздник, который подводит черту сельскохозяйственным посевам, и к нему долго готовятся. Раньше девушки всю зиму своими руками делали подарки к Сабантую – ткали, шили, вышивали. Каждой хотелось, чтобы именно её работа получила всеобщее одобрение, именно её полотенце стало наградой лучшему. В этот праздник проводятся различные состязания, игры, в которых участвуют все – от мала до велика. Сабантуй является одним из самых значимых праздников в жизни нагайбаков. Главная цель праздника – отметить успешное завершение посевной.

Целый блок языковых единиц характеризует один из важнейших для православных верующих обрядов – Крещение. Крещение (*Щуқындырыу / Щуқыныу*) [Барышникова, Шулежкова 2023: 259]. Это таинство, знаменательное событие в жизни нагайбака. Тематический блок «Крещение» состоит из слов и сверхсловных единиц, называющих не только процесс принятия человека в число верующих, приобщения к церкви, но и место крещения, его участников, обретающих новый церковный статус после завершения обряда: крестница – *щуқындырған қыз*, крёстная мать – *жәшинәй*, крёстный отец – *жәшәтей*, крёстный сын – *щуқындырған малай*. *Щиркәу* (нагайбакский вариант русского заимствования *церковь*) [Там же: 258] означает культовое сооружение, предназначенное для собрания христиан, совершения богослужений и религиозных обрядов. В церковь чаще ходят женщины-нагайбачки. Мужчины ходят реже.

Главным символом православия нагайбаки считают крест (*крис*) [Барышникова 2015: 93], который имеет сакральный смысл благословения (*бакиллек*) [Барышникова, Шулежкова 2023: 32], бессмертия (*улемсез*) [Там же: 241], души (*жан*) [Там же: 41].

Принадлежность нагайбаков к православию отражена и в домашнем убранстве. В каждом нагайбакском доме до сих пор есть почётный *красный угол,* в котором помещаются иконы (*тәре*) [Там же: 210].

В нагайбакском языке причудливо звучат заимствованные слова из русского языка, которые содержат отсутствующий у нагайбаков звук [ц]. Трудно узнать в нагайбакском слове *щиркәу* лексему *церковь*. И всё потому, что исконному нагайбакскому языку чужды звуки [*ц*] и губно-зубной славянский [*в*]. Если в русском слове [*в*] находится не в начале слова перед гласным, а стоит после гласного, то в нагайбакском языке он заменяется неслоговым губным [ү]: например, рус. Петров день – нагайб. *Питрау бәйрәме* [Шулежкова 2022: 51-52].

Нагайбаки сумели сохранить глубинную память о своём дохристианском языческом прошлом. Их вера имеет много языческих оттенков. Традиции нагайбаков берут своё начало с языческих времен. Страх перед катаклизмами, явлениями природы присущ каждому человеку. Нагайбаки, как и другие народности, искали помощи у языческих богов, у природы. К числу языческих ритуалов, например, относится «поклонение луне». При новолунье, увидев новую луну, говорят (со слов Киртьяновой Зои Яковлевны, с. Фершампенуаз): «С благоговейным трепетом, с молитвой на устах взываю к Луне младой: “Даруй провести мне эти времена в благополучии”». Поклонение Солнцу выражается тем, что вечером при закате просят вылечить от глазных болезней, от утомления, от сглаза. [Вдовина 2008: 41]. В нагайбакском языке встречаются обращения к таким мифическим существам, как нечистый, домовой (*албасты*) [Барышникова, Шулежкова 2023: 18], гадалка или знахарь (*күрәзә*), русалка (*сыу кызы*) [Барышникова 2015: 164], кикимора (*убыр* или *убырлы*) [Барышникова, Шулежкова 2023: 230], водяной (*сыу эясе*) [Там же: 198].

Следы языческих верований сохранились в некоторых нагайбакских обычаях. Эти обычаи описаны в книге «Соты памяти народной» [Вдовина 2008]. Например, входя в дом, гость-нагайбак здоровается с домовым, хотя до этого уже здоровался с хозяевами. Также в обычаях до сих пор сохранились отзвуки поклонения баннику, водяному. Поклонение баннику выражается в некоторых ритуальных действиях нагайбаков в бане. Зайдя в баньку, сразу надо вылить воду на раскаленные камни и попросить у банного духа хорошего пара. Когда выходишь из бани, необходимо за собой ополоснуть пол чистой водой. С баней. связана целая система обрядов, частично сохранившихся. Назовём некоторые из них. Обряд *уле мущасы* – это очищение водой, которое совершается в бане, протопленной в среду перед «чистым четвергом» на страстную неделю для омовения усопших, а также после каждых похорон родственника. Другой банный обряд (*Килен мущасы*) совершается перед свадьбой, когда со стороны невесты на девичнике топится баня. Обряд *Җегет мущасы* требует, чтобы баня топилась во время мальчишника, устраиваемого перед свадьбой. *Килен мущасы* – это баня, которую топит невеста после свадьбы. Обряд, когда топят баню в день рождения ребёнка, имеет название *Бәбей мущасы*.

Многие обряды в культуре нагайбаков связаны с водой, поэтому поклонение водяному занимает отдельное место в этом комплексе традиций. При случае, если птица выводит только одного птенца, то его садят в старую галошу и отправляют плавать по реке, то есть отдают водяному. С водой связан и обряд *Щук буткасы*, который проводится во время засухи на берегу реки.

Религия – неотъемлемая часть мироощущения нагайбаков, которая оказывает влияние на все сферы жизни народа. В этой работе были представлены слова и обороты, которые нагайбаки используют как в повседневной жизни, так и при совершении сакральных действий. Языческие и православные традиции, а также обряды помогают нагайбакам сохранить свою этническую идентичность уже три столетия.

Литература

Атнагулов, И.Р. Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI веков: становление и трансформация идентичностей. Челябинск: АБРИС, 2018. 436 с.

Барышникова, О.И. Нагайбако-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2015. 112 с. + 175 с.

Барышникова, О.И., Осипова, А.А., Шулежкова, С.Г. Толковый словарь пословиц и поговорок нагайбакского языка / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: ЗАО «Магнитогорский Дом печати», 2019. 157с.

Барышникова, О.И., Шулежкова, С.Г. Нагайбакско-русский словарь с грамматическими пометами / Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ ист. антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; под ред. канд. филол. наук, доц. Н.В. Поздняковой. Москва: ФЛИНТА, 2023. 276 с.

Белоруссова, С.Ю. Динамика этничности нагайбаков в XVIII –XXI вв. автореферат дис. ... канд. ист. наук: Санкт-Петербург, 2017. 26 с.

Вдовина, С.И. Соты памяти народной. Челябинск: ООО «АЛИМ», 2008. 224 с.

Герасимова, М., Михайлова, А.С. Культура и традиции: прошлое, настоящее... Будущее? // География и экология в школе. 2015. № 10. С. 8-23.

Шулежкова, С.Г. Русский след в лексико-фразеологической системе нагайбакского языка // Гуманитарно-педагогические исследования. Магнитогорск, 2022. С. 49–54.

РАЗДЕЛ IX
ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

Е. А. Горностаева, студентка
Науч. рук.: О. В. Дорфман, канд. пед. наук
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ НА ИНТЕГРАТИВНОЙ ОСНОВЕ (МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ УРОКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА И МУЗЫКИ)

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем современной методики – проблеме организации интегрированных уроков. Подчёркивается значение межпредметной интеграции в образовании на основе аналогии. Автор приводит пример интегрирования уроков русского языка и музыки при изучении публицистического стиля речи в основной школе.

Ключевые слова: мотивация, межпредметная интеграция, урок музыки, урок русского языка, публицистический стиль.

В содержании обучения любой школьной дисциплины имеется ряд тем, диктующих педагогу неизбежность обращения к другим, как правило, смежным наукам. Традиционной формой организации такой работы является интегрированный урок. Реализация межпредметных связей в условиях образовательного учреждения является фундаментом системного мышления и целостного мировоззрения для обучающихся. Межпредметные связи выступают в качестве неотъемлемого элемента образовательного процесса, поскольку способствуют становлению у школьников системного подхода к познанию окружающего мира. Учитель выполняет важную миссию – выступает проводником в увлекательном путешествии по различным научным дисциплинам, раскрывая их взаимосвязи и взаимовлияния [Грызулина 2006: 178].

Цель данной статьи заключается в обосновании целесообразности использования межпредметной интеграции на уроках русского языка через аналогию при изучении публицистического стиля.

М. Р. Львов выделил аналогию как своеобразный метод обучения. Использование приёма аналогии при объяснении или изучении какого-либо понятия подразумевает сравнение, уподобление существенных признаков или явлений с наглядным примером или уже со знакомым понятием, также обладающим сходными признаками.

Рассмотрим следующий учебный текст: *Особенности публицистического стиля определяются его задачей – воздействовать, повлиять на мысли,*

чувства, поведение, поступки читателей и слушателей. Публицистические произведения посвящаются актуальным общественным вопросам. Эти произведения часто встречаются в газетах (репортаж, интервью, очерк и др.), в выступлениях по радио и на телевидении [Ладыженская 2014: http].

Авторы учебника выделяют воздействующий потенциал публицистического стиля, что тождественно влиянию на человека музыки – именно этот потенциал может послужить основой интеграции уроков русского языка и музыки.

Влияние музыки объясняется воздействием вибрации звуков, что приводит к изменения эмоционального фона человека. Специалисты в области психологии считают, что классическая музыка более благоприятно, чем любая другая, влияет на организм человека и его психоэмоциональное состояние. Исследователи утверждают, что в большинстве классических произведений содержится огромный заряд положительной энергии, которая благотворно влияет на сердечно-сосудистую, нервную и даже пищеварительную системы. Классическая музыка может расслаблять и успокаивать, а также стимулировать мыслительную и физическую активность [Беляева 2023].

Музыка в стиле барокко (Бах, Корелли, Вивальди и Гендель) отлично подходит для работы и активных действий. Она дарит ощущение безопасности и стабильности. На уроке можно прослушать цикл из четырёх концертов «Времена года», который стал самым известным сочинением А. Вивальди, чтобы выявить настроение, создаваемое композитором, и средства его создания. Так, в завершающем цикл сонете Вивальди гениально описывает начало зимы, когда народ сначала мерзнет от зимней стужи, затем греется у домашнего очага и ликует, катаясь на коньках по застывшему льду. Зима вступила в свои права, окутала природу снегом и сковала стужей озера, но даже в её стремлении всё и всех заморозить люди находят наслаждение. Тихая, спокойная, умиротворяющая мелодия заставляет задуматься, предаться мечтам и насладиться дуновением северного ветра, звучащего в пассажах сольной скрипки [Ливанова 2015].

Помимо закономерности воздействия музыкальных инструментов на человеческий организм существует музыкальная тональность. Композитор, как никто другой, способен оценить роль тональностей, как средства музыкальной выразительности, наделяя своё произведение «характером» и полифонией эмоций. С одной стороны, музыкальные тональности являются отражением эмоционального состояния человека, с другой – ощутимо влияют на него [Николаенко 2021]. Концерт № 4 «Зима», в котором частой употребительной тональностью становится фа-минор (лат. F-moll), в большей степени, чем мажор, предусматривает снижение уровня ситуативной тревожности.

Работа по выявлению музыкального инструментария подготовит к осознанию школьниками воздействующих возможностей публицистического текста.

Публицистический стиль представляет собой уникальное сочетание двух противоположных тенденций – экспрессивности и стандарта. Это обусловлено спецификой функций, выполняемых публицистикой, – информирования и

убеждения, эмоционального воздействия. Экспрессивность публицистического стиля проявляется в стремлении автора выразить субъективное отношение к описываемым событиям и фактам. Автор не только информирует аудиторию, но и формулирует своё мнение.

Эмоционально-экспрессивный характер публицистического стиля обусловлен необходимостью воздействия на массового читателя или слушателя. Автор использует различные риторические приёмы, яркие образы и языковые средства, чтобы привлечь внимание аудитории, вызвать у неё определённые эмоции и убедить в своей правоте.

Книга «Земля родная» Д. С. Лихачева, написанная в 1983 году, представляет собой публицистический труд, посвящённый анализу истории Древней Руси. Для работы на уроке подходит глава «Учиться говорить и писать». Д. С. Лихачев использует в тексте побудительные и восклицательные высказывания – синтаксические средства языка, позволяющие усилить воздействие на читателя: *«Думает!»; «Тургенев говорил о русском языке: «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»; «Посмотрите, послушайте…»; «… поверьте мне, я это знаю, а не просто предполагаю»; «… обращайте внимание на свой язык. Говорите правильно, точно и экономно. Не заставляйте окружающих выслушивать свои длинные речи, не красуйтесь в своем языке: не будьте самовлюбленным болтуном»; «…прежде всего, следите, чтобы ваши выступления не были длинными. Следите за временем…».* Учащимся необходимо найти эти средства, выявить их роль в тексте.

В публицистическом стиле нередко можно увидеть цитаты из литературных произведений, афоризмы, пословицы и поговорки. Некоторые из них представлены в главе «Учиться говорить и писать»: *«Чтобы научиться ездить на велосипеде, надо ездить на велосипеде»; «...нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»*. Также в тексте представлены слова и выражения, выступающие в переносном значении: *«А ведь бывает и так, что человек не говорит, а “плюётся словами”»; «словами-плевками»; «храбрец»* и *«мудрец».*

Публицистический стиль – это динамичный и многогранный стиль, который сочетает в себе экспрессивность и стандарт, эмоциональное воздействие и информирование. Он служит средством передачи общественно значимой информации, формирования общественного мнения и отражения социальных проблем своего времени.

В нашем случае предметами аналогии становятся два явления: текст и музыка. Речь и музыку объединяют звук, интонация и смысл. Почему музыка может говорить, как речь, а слово звучать, как музыка? Ответ на это вопрос лежит и в объективной природе самого звука, и в субъективной природе восприятия. Многое зависит от движения сигналов в наших нейронах и затрагивания сразу нескольких областей, мышления и эмоциональной реакции, физического воздействия самого звука на организм. К примеру, это и интонации мелодии, которые вызывают определённые чувства, заложенные в нас природой, и одновременно – мыслительный процесс, осмысление

услышанного, чувствуемого. К примеру, общий звуковой сигнал в виде речи и музыки поступает через наш слух, и анализируется одновременно и смысл, и тон. Исследователи указывают на то, что в чтение речевого и музыкального текстов, звуков-фонем, нот и звуков-графем задействуются похожие процессы [Мира 2023].

Усвоение темы на уроках русского языка (публицистический стиль) достигается через конкретизацию его существенных признаков в другом понятии (влияние музыки на человека). В том, что музыкальное сопровождение влияет на состояние человека, можно убедиться опытным путём, то есть второе явление более понятно для обучающихся.

Изложение сути и смысла одного языка через другой язык или способ передачи информации – это всестороннее развитие и открытие интеллектуальных способностей: словом описать картину, действием передать смысл сказанного, звуком нарисовать образ – и это ещё один уровень интеграции, поскольку в мире все эти виды информации сосуществуют [Мира 2023].

Интеграция смежных учебных предметов является действенным инструментом повышения эффективности образования, среди родственных учебных дисциплин выступает многообещающей стратегией для совершенствования образовательных систем. Однако она становится возможной только при соблюдении определённых условий: родство наук; совпадающие или общие объекты изучения; общие закономерности; общие теоретические концепции. В результате такой интеграции возникают новые учебные предметы, которые объединяют знания и навыки из нескольких дисциплин. Это позволяет обучающимся получить целостное понимание взаимосвязанных тем и развить более глубокое концептуальное мышление [Чилингарова 2018].

Интегративный подход к образованию представляет собой ряд преимуществ, среди которых выделим развитие межпредметных связей и улучшение навыков решения проблем. Ведь интеграция способствует формированию понимания обучающимися взаимосвязи между различными предметными областями, что позволяет им видеть целостную картину мира, развивает их критическое мышление и навыки решения проблем [Благов 2014].

Несмотря на преимущества, интегративное обучение сопряжено с определёнными трудностями: прежде всего – со сложностями разработки учебных материалов. Создание интегрированных учебных материалов становится одной из сложнейших задач для педагога, поскольку требует модернизации традиционных методов обучения как средств повышения мотивации и качества обучения в условиях ФГОС.

В целом, интеграция учебных дисциплин является полезным инструментом повышения эффективности образования. Она создаёт возможности для более глубокого концептуального мышления и укрепления межпредметных связей.

Литература

Беляева, И.Н. Роль музыки в развитии духовного потенциала подрастающего поколения [Электронный ресурс]. URL: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/rol-muzyki-v-razvitii-duhovnogo-potencia.3441614/ (дата обращения: 20.02.2024).

Благов, Ю.В. Теоретические основы реализации интегративного похода в образовательном процессе. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-realizatsii-integrativnogo-podhoda-v-obrazovatelnom-protsesse/viewer (дата обращения: 27.02.2024).

Грызулина, Ю.В. Приём аналогии как средство активизации межпредметных связей в обучении русскому языку. Москва: МГУ им. Н.П. Огарева, 2006. 92 с.

Ладыженская, Т.А. Русский язык. 7 класс. Учебник. – Москва: Просвещение, 2014. 223 с. (дата обращения: 17.02.2024)

Ливанова Т. Инструментальный концерт и музыка для скрипки соло. [Электронный ресурс]. URL: https://studfile.net/preview/4043492/page:47/ (дата обращения: 25.02.2024).

Мира, К. Звуковизуализация, музыкальное видение и звукопись [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2023/09/30/1318 (дата обращения: 29.02.2024).

Мира, К. О чём говорит музыка. Информатика звука [Электронный ресурс]. URL: https://proza.ru/2023/09/28/46 (дата обращения: 24.02.2024).

Николаенко, Я.Н. Влияние минорных тональностей на психофизиологические параметры человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.psymaker.com/downloads/ppt/4/RU/VIBRA2021_22ru.pdf (дата обращения: 24.02.2024).

Русский язык. 7 класс. Учебник для общеобразовательных организаций. В 2 ч. Ч. 2 [М. Т. Баранов и др.]. Москва: Просвещение, 2019. 143 с.

Чебунина, О.Н. Взаимосвязь музыки и речи [Электронный ресурс]. URL: https://infourok.ru/vzaimosvyaz-muzyki-i-rechi-5147252.html (дата обращения: 17.02.2024).

Четверикова, Г.М. Духовно-нравственное воспитание детей средствами классической музыки на музыкальных занятиях в дошкольных образовательных учреждениях. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-detey-sredstvami-klassicheskoy-muzyki-na-muzykalnyh-zanyatiyah-v-doshkolnyh-obrazovatelnyh/viewer (дата обращения: 20.02.2024).

Чилингарова, Д.Н. Интегрированный урок как средство повышения эффективности обучения в современной школе. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2018. 284 с.

Д. А. Гришина, студентка
Науч. рук.: О. Е. Чернова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

СООБЩЕСТВО «ВКОНТАКТЕ» КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. В статье доказывается актуальность и необходимость использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебно-воспитательном процессе. Популярным инструментом ИКТ признаётся социальная сеть «ВКонтакте». Автор рассматривает образовательные возможности социальной сети, использование которых помогает учителю развивать познавательную активность школьников.

Ключевые слова: социальная сеть, «ВКонтакте», информационно-коммуникационные технологии, ИКТ, медиаобразование.

Одной из главных задач современной общеобразовательной школы является повышение качества обучения и воспитания. Решение этой задачи непосредственно связано с использованием в учебно-воспитательном процессе разнообразных форм, методов и средств, среди которых важное место занимают информационно-коммуникационные технологии, позволяющие организовать учебную и воспитательную работу на качественно новом уровне.

Информационные-коммуникационные технологии (ИКТ) – это обобщающее понятие, обозначающее методы, способы и алгоритмы сбора, хранения, обработки, представления и передачи информации. ИКТ всё глубже проникают в жизнь современной школы, а информационная компетентность всё более определяет уровень образованности современных школьников. Ученик должен уметь самостоятельно и активно работать с информацией, относиться к ней критически и применять её в зависимости от целей и задач своей деятельности. Современный учитель, в свою очередь, должен научить ученика этому. Очевидно, что, используя только традиционные методы обучения, решить эту проблему невозможно. Поэтому в последнее время ИКТ перешли из вспомогательных средств обучения в разряд ведущих. Одной из популярных форм учебной работы является использование возможностей социальных сетей для образовательных целей.

Преимущества использования социальных сетей в медиаобразовательных целях следующие:

1) следование тенденциям времени;

2) нахождение особого подхода к молодёжи (молодёжь «живёт» в социальных сетях);

3) привлечение аудитории как к детским средствам массовой информации, так и ко всему процессу медиаобразования;

4) удобство и эффективность в использовании социальных сетей как средства коммуникации и средства массовой информации;

5) возможность сделать процесс медиаобразования практически непрерывным за счёт работы медиапедагога дистанционно и наличия обратной связи;

6) использование сразу всех видов медиа (тексты, аудио, видео, фото);

7) использование социальных сетей как практического материала (при этом как положительного, так и отрицательного) в процессе медиаобразования.

При выборе площадки для работы школы всё чаще обращаются к сети «ВКонтакте». Почему именно эта социальная сеть? «ВКонтакте» в 2024 году по праву является самой популярной соцсетью в России (данные Mediascope за декабрь 2023 г.). Ежемесячно на этот сайт заходит 85 % населения РФ, второе место у «Telegram» (68 %), потом следуют «TikTok» (55 %) и «Одноклассники» (43 %) [Васильев, 2024: http].

По данным «Cross Web Mediascope», «ВКонтакте» в июле 2023 г. показала рекордные цифры месячной аудитории – 87,6 миллиона

пользователей. Аналитики подсчитали, что этот показатель вырос на 4,1 миллиона пользователей по сравнению с прошлым годом. Самыми популярными сервисами на площадке названы «VK Клипы» (миллиард ежедневных просмотров), лента новостей и рекомендаций (прирост активности пользователей на 37 % за год), мессенджер и «VK Mini Apps» [Васильев, 2024: http].

Сообщество в «ВКонтакте», или по-другому «паблик», – это открытая для всех страница, которая используется для публикации информации о каком-либо продукте, услуге, личности, бизнесе и т. д. Сообщество в социальных сетях представляет собой группу людей, объединённых одними взглядами, идеями, интересами или событиями, являющихся пользователями одной и той же социальной сети. Сообщество может быть посвящено определённой теме, например, вышивке, книгам или школьным новостям. Записи на стену паблика добавляют только администраторы и редакторы; подписчики могут лишь предлагать новости. Сообщество предназначено для прочтения и комментирования другими пользователями сети Интернет, содержит регулярно добавляемую информацию, которую владелец сообщества предоставляет пользователям сети.

Школьное сообщество может включать в себя объявления, дополнительную информацию к урокам, сведения о жизни школы в целом и отдельные результаты учеников и учителей, полезные ссылки на различные конкурсы и многое другое. Школьное сообщество как информационный ресурс и образовательный инструмент может быть успешным и востребованным в том случае, если он выполняет новые образовательные функции, а не просто дублирует существующие. Не имеет смысла создавать сайты и другие интернет-ресурсы, являющиеся дубликатом «бумажных» пособий. Также нет смысла дублировать информацию с одного интернет-ресурса в другой, никак её не видоизменяя. Это не привносит в учебный процесс ничего нового и не будет работать эффективно.

Преимущества использования сообществ «ВКонтакте» состоят в том, что оно помогает учащимся получить больше информации по изучаемой теме, усиливает интерес к процессу обучения. Новизна технологий является одним из мотивирующих факторов в обучении. Мотивация детей при использовании сообществ обусловлена не только технологическими возможностями, но и тем, что они сами могут управлять процессом своего обучения, занимаясь активным поиском информации и получая комментарии от других людей. Сообщества выводят выполняемые задания за рамки учебного процесса и взаимоотношений «учитель-ученик», позволяя всем желающим оценить и прокомментировать работы детей.

Использование сообществ открывает новые возможности для работы в классе и за его пределами. При традиционной организации обучения из-за недостатка времени на занятиях не у всех обучающихся есть шанс высказаться и быть услышанными. Для учителей опубликованные работы учащихся – это возможность сделать выводы о том, как учащиеся трансформируют и усваивают полученную информацию. Для обучающихся подобная

публикация – это возможность ещё раз обратиться к своим работам и переосмыслить их, обогатив, таким образом, свой учебный опыт.

В сообщество «ВКонтакте» ежедневно заходят много человек. Просматривают новости, видео, фотографии, прослушивают выпуски радио. Учащиеся выкладывают новостные заметки, репортажи, статьи на стену группы и получают отклик читателей каждый день. Это стимулирует и мотивирует ребят на написание материалов, на создание радио- и видеосюжетов, которые также выгружаются в группу. Группа «ВКонтакте» – это своеобразный виртуальный архив, где по истечении времени можно найти информацию, фото и видео. Также можно использовать группу для проведения социальных опросов. Сообщества предоставляют учащимся возможность управлять своим обучением, публиковать собственные мысли, выводы и демонстрировать понимание материала. Сообщества также способствуют индивидуализации содержания обучения.

Таким образом, использование «ВКонтакте» для образовательных целей позволяет развивать следующие навыки и умения:

– создавать медапродукты;

– вести PR-деятельность;

– проводить социальные опросы, анкетирование;

– соблюдать сетевой этикет;

– повышать информационную компетентность.

Наряду с достоинствами, которыми обладает социальная сеть «ВКонтакте», существуют и риски:

– размещение недостоверной информации;

– нарушение Федерального закона «О персональных данных»;

– открытость информации об участниках сообществ для экстремистских групп;

– свободный доступ подростков к порносообществам, экстремистским группировкам и т. д.

Несмотря на риски, социальную сеть «ВКонтакте» продолжают использовать для достижения образовательных целей, а всё более возрастающая посещаемость сообществ свидетельствует об их востребованности. Активность школьников в соцсетях – это мощный инструмент развития критического мышления, повышения творческой активности, развития памяти, внимания, логики, наблюдательности, формирования желания учиться и за пределами школы. Педагогу необходимо лишь направить эту активность в нужное русло, чтобы добиться высоких результатов в образовательном процессе.

Мы можем отрицать социальную сеть как источник информации, однако основная масса официальных сообществ «ВКонтакте» пользуется авторитетом среди посетителей. А это также важная медиакомпетенция, которой необходимо научить подростков, – ответственность за предоставляемую информацию.

В заключение хотелось бы отметить, что любой доступ к интернет-пространству предполагает определённые риски. Подросток также может

выйти на нежелательный сайт, поэтому главной задачей остается научить детей правильно ориентироваться в большом количестве информации, проверять источники, прежде чем использовать их. А социальная сеть «ВКонтакте» является отличной площадкой для развития медиакомпетенций подростков.

Литература

Васильев, А. MEDIASCOPE: «ВКОНТАКТЕ» достиг 73% по месячному охвату населения России [Электронный ресурс]. URL: https://mobile-review.com/all/news/mediascope-vkontakte-dostig-73-po-mesyachnomu-ohvatu-naseleniya-rossii/ (дата обращения: 15.03.2024).

Городилина, Т.В. Школьные медиа в условиях ФГОС // Медиа. Информация. Коммуникация. 2015. № 15. С. 57-62.

Журналистика в школе [Электронный ресурс]. URL: https://urok.1sept.ru/articles/310091 (дата обращения: 15.03.2024).

Ю. П. Киселева, студентка
Науч. рук.: Л. Д. Пономарева, доктор пед. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ОСНОВНЫЕ ЖУРНАЛИСТСКИЕ ЖАНРЫ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В СТУДИИ «ЮНЫЙ ЖУРНАЛИСТ»

Аннотация. В статье рассмотрен процесс изучения основных журналистских жанров в рамках работы студии «Юный журналист»: репортаж, интервью, аналитика, отзыв. Объектом исследования является работа обучающихся с журналистскими текстами. Автором охарактеризованы этапы и особенности подготовки текстов журналистских жанров на занятиях студии «Юный журналист».

Ключевые слова: детская студия, «Юный журналист», журналистские жанры, репортаж, интервью, аналитика, отзыв.

В современном мире медиа-индустрия занимает важное место. С каждым днём количество сообщений, которые мы получаем из различных источников, растёт, и обучающиеся должны уметь работать с разнообразной по жанрам информацией. Многие из них проявляют интерес к журналистике уже с раннего возраста, стремясь узнать больше о том, как функционирует пресса и как создается новостной материал. В связи с этим появление детских студий журналистики стало актуальным и полезным для развития юных талантов направлением. В качестве примера предлагаем студию «Юный журналист».

Детская студия «Юный журналист» – это организация, обучающая детей основам журналистики и медиа. Она предоставляет детям возможность проявить свои творческие способности, развить навыки коммуникации и письма, а также научиться работать с различными медиаформатами, такими как статьи, интервью, видеорепортажи и т. д.

В детской студии «Юный журналист» дети могут познакомиться с основными принципами журналистики, изучить этику и правила этой

профессии, а также получить практические навыки в проведении интервью, написании текстов, создании мультимедийных материалов и редактировании.

Целью работы студии «Юный журналист» является развитие коммуникативных навыков, критического мышления, творческого подхода и самовыражения у детей. Через работу над собственными проектами и публикациями они развивают свои способности в области письма, редактирования, ораторского искусства и работы с медиа-технологиями [Говорухина: http].

Рассмотрим основные журналистские жанры, которые изучаются в студии «Юного журналиста», и представим методику их изучения.

Репортаж является одним из основных журналистских жанров, который позволяет рассказать о реальных событиях и создать у читателей или зрителей ощущение присутствия на месте происшествия [Афанасьева 2023: 7]. В рамках работы детской студии «Юный журналист» изучение этого жанра имеет особое значение, поскольку он требует от будущих журналистов не только навыков письма, но и умения быстро адаптироваться к ситуации и представить объективную информацию. Основная задача репортажа – донести до аудитории все ключевые факты события.

Первым шагом в подготовке детского репортажа является выбор темы. Важно остановиться на теме, которая будет интересна не только самому журналисту, но и его аудитории. После определения темы начинается этап исследования и сбора информации. Юные журналисты изучают все доступные материалы по своей теме: новостные статьи, интервью с экспертами, видео- или аудиозаписи прошлых событий. Они также учитывают результаты своих наблюдений и опросов людей, чтобы получить максимально полную картину события [Иванчук 2017: 107].

Следующий этап – планирование репортажа. Участники студии определяют, каким образом хотят представить свою информацию; разрабатывают структуру репортажа, выбирают формат. Это может быть текстовая статья, видеосюжет или радиопередача. Важным элементом планирования является также выбор интересных фактов, историй и персонажей, которые помогут сделать репортаж более живым и запоминающимся [Говорухина: http].

В результате каждый участник студии должен получить готовый продукт – свой первый репортаж. Он может быть опубликован на сайте или в блоге детской студии, показан на специальных мероприятиях или даже представлен ведущим на пресс-конференции. Это позволяет юным журналистам получить обратную связь от аудитории и усовершенствовать свои навыки.

Интервью – один из основных жанров журналистики, который играет важную роль в раскрытии информации и представлении точек зрения различных людей. В студии «Юный журналист» дети имеют возможность изучить этот жанр более подробно и научиться задавать правильные вопросы, а также активно слушать ответы.

Рассмотрим отдельные аспекты процесса подготовки интервью в рамках работы детской студии «Юный журналист» [Плотникова 2014: 54].

Понимание цели и задачи интервью. Дети должны понимать, что интервью – это способ получения информации от конкретного человека. Они обязаны определить цель и задачи своего интервью, например, узнать мнение эксперта, рассказать о чём-то интересном или задать вопросы популярным личностям.

Подготовка к интервью. Прежде всего дети должны изучить тему своего интервью и задать вопросы, которые помогут им получить нужную информацию. Они могут составить список вопросов или подготовить исследование до интервью.

Техника ведения интервью. Важно научиться создавать комфортную, приятную атмосферу для собеседника, находить общие темы для разговора, активно слушать и задавать уточняющие вопросы. Юные журналисты также должны научиться вести беседу, помня о времени и интересах своего собеседника.

Анализ и обработка полученной информации. После интервью юным журналистам необходимо проанализировать и оценить информацию, которая была получена. Они могут использовать эту информацию для создания статьи, радиопередачи или видеоролика.

Представление результатов интервью. В детской студии «Юный журналист» дети могут показывать результаты своего интервью на местных радио, ТВ или в печатных изданиях. Это позволит им поделиться с публикой своими знаниями и опытом.

В результате изучения интервью в студии «Юный журналист» обучающиеся получают навыки постановки ясных и точных вопросов, формируют умение активно слушать и отвечать на ответы. Эти навыки могут быть полезными не только для будущей карьеры в журналистике, но и для развития коммуникативных способностей обучающихся в общественной и личной сферах.

Одним из основных жанров журналистики является аналитика, который представляет собой разбор событий и их последствий. В студии «Юный журналист» данный жанр изучается с целью развития аналитического мышления у будущих журналистов. Аналитика – это форма осмысления информации, в которой журналисты проводят глубокий анализ событий, выявляют причинно-следственные связи и делают выводы. Целью такого анализа является предоставление читателю или зрителю полной и объективной картины происходящего [Говорухина: http].

В студии «Юный журналист» проводятся занятия по анализу новостей, чтению и обсуждению журналистских статей организуются дискуссии. Юные журналисты изучают различные источники новостей и учатся отличать факты от мнений. Они также могут анализировать различные точки зрения, разбираться в аргументации и искать противоречия. В результате таких занятий юные журналисты развивают навыки письма, исследования и коммуникации, которые могут быть полезными в школе и в будущей жизни. Они также учатся формулировать свои суждения на основе фактов и аргументов, а не на эмоциях или представлениях.

Отзыв – это форма выражения своего мнения о чём-то или ком-то [Исмламгулова 2012: http]. В студии «Юный журналист» дети изучают этот жанр, чтобы научиться аргументированно высказываться и анализировать произведения и события. Мы выделяем несколько видов отзывов, которые необходимо изучить в рамках работы студии.

Мнение – это личная точка зрения автора отзыва. Оно может быть положительным или отрицательным, но всегда должно быть обоснованным. Важно помнить, что мнение необходимо подкреплять фактами или примерами из произведения, события, которые рассматриваются [Исмламгулова 2012: http].

Рецензия – это более объективное описание произведения или события. Автор отзыва должен анализировать, выявляя качества, достоинства и недостатки. Рецензия может содержать информацию о сюжете, персонажах, стиле написания и других аспектах произведения или события [Савченко 2018: 10].

Изучение жанра отзыва в студии «Юный журналист» помогает детям развивать навыки критического мышления и аналитической оценки. Они учатся аргументировать свои мнения, выделять главные аспекты произведения или события, а также формулировать свои мысли в письменной форме. Студия «Юный журналист» предоставляет детям возможность писать отзывы на различные произведения и события. Это может быть рецензия на прочитанную книгу, посмотренный фильм или посещённое мероприятие. Юные журналисты могут поделиться своими впечатлениями и оценить то, что они видели или прочитали [Исмламгулова 2012: http].

Практика написания отзывов помогает детям не только развить журналистские навыки, но и выразить себя через письменное слово. Они учатся выбирать точные слова для передачи своих мыслей и эмоций. В студии «Юный журналист» проводятся обучающие занятия по написанию отзывов, где дети приобретают навыки структурирования своих мыслей и организации информации в понятной форме. Важно отметить, что написание отзыва – это не только возможность высказаться, но и ответственность перед читателем. Автор должен быть объективным и аргументированным в своих высказываниях. При написании отзыва необходимо учитывать мнение других людей и предоставлять им возможность самостоятельно формировать своё мнение.

Нет сомнений в том, что аналитика – это один из основных жанров журналистики, который требует глубокого осмысления сущности событий и их последствий.

Таким образом, в результате обучения в студии дети приобретают ценные навыки коммуникации и выражения своих мыслей через письменное слово. Изучение основных журналистских жанров является неотъемлемой частью программы обучения в студии «Юный журналист». Освоение журналистских жанров стимулирует творческое мышление юных журналистов, позволяет участникам студии развивать навыки написания и анализа текстов, а также приобретать опыт работы в сфере журналистики.

Литература

Афанасьева, А.Б. Специфика подходов к проведению журналистских расследований в современном медиапространстве // Международный научный журнал «Слово в науке». 2023. № 16. С. 6-11.

Говоруха, Е.Ф. Описание опыта работы в кружке «Юный журналист» [Электронный ресурс]. URL: http://pobeda646.narod.ru/tvorchestvo/Gurnalist.htm (дата обращения: 25.01.2024).

Иванчук, В.В. Особенности работы летней телестудии на базе загородного оздоровительно-образовательного центра // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 107-116.

Исмламгулова, И.Д. Образовательная программа творческого объединения «Школа юного журналиста» [Электронный ресурс]. URL: https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/61437-obrazovatelnaja-programma-tvorcheskogo-obedin (дата обращения: 25.01.2024).

Плотникова, М.Н. Социальное развитие личности через организацию дополнительного образования в школе (объединение дополнительного образования «Юный журналист») / М.Н. Плотникова, А.Воробьева, В.Демина // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2014. № 1. С. 53-55.

Савченко, Л.В. Проблемы трансформации жанров и их идентификации в теории и практике журналистики // Universum: филология и искусствоведение. 2018. № 4 (50). С. 9-10.

Т. С. Кочетова, магистрантка
Науч. рук: Л. Н. Чурилина, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ПРОЕКТ «ШКОЛЬНОЕ TV»: РАБОТА НАД РАЗВИТИЕМ УСТНОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития устной речи. Автором разработан обучающий проект «Школьное TV», ориентированный на организацию внеурочной деятельности. Предлагается вариант теоретического наполнения и практической реализации занятия, посвящённого жанру интервью. Утверждается необходимость знакомства обучающихся с коммуникативными стратегиями и тактиками русской речи.

Ключевые слова: внеурочная деятельность, устная речь, обучающий проект, речевое развитие, интервью.

Необходимость организации целенаправленной и планомерной работы по развитию у обучающихся навыков устной речи признаётся давно и всеми участниками образовательного процесса. При этом факт чрезвычайно низкого уровня сформированности этих навыков у выпускников школы, выявляемый ежегодно в ходе устного собеседования на ОГЭ, также не может быть оспорен. Ответственность за реализацию данного «социального заказа» традиционно возлагается на учителя русского языка и литературы. Вопрос о возможности включения в классно-урочную систему этапов работы над устной речью (диалогической, монологической) относится при этом к числу «неудобных»:

нацеленная на формирование «человека говорящего», эта работа является энергоёмкой, времязатратной и безусловно творческой.

Возможность решения актуальной социальной задачи видится практикующим учителям в перенесении этой индивидуальной работы во внеурочную деятельность. В ФГОС под внеурочной деятельностью понимается образовательная деятельность, осуществляемая в формах, отличных от классно-урочной, и направленная на достижение планируемых результатов освоения основной образовательной программы [ФГОС: http].

Предлагаемые во внеурочное время формы работы над развитием навыков устной речи могут быть различными; главное – они должны вызывать у обучающихся живой интерес. Наше внимание привлекли активно внедряемые в образовательные учреждения творческие студии, связанные с журналистской деятельностью. Средства массовой информации, разнообразные интернет-площадки, социальные сети – это неотъемлемая часть современной жизни, в том числе и жизни школьника. Организация творческих студий даёт возможность учителю использовать интерес обучающихся к публичной коммуникации в образовательных целях.

Школьная редакция, занимающаяся подготовкой телевизионных, радио- и печатных изданий, – это и кружок единомышленников, и площадка для реализации творческого потенциала ребёнка. Одновременно это возможность формирования различных навыков социального взаимодействия, в том числе и речевых навыков.

Наибольшую трудность в формировании «человека говорящего» вызывает работа с устным монологическим высказыванием, предполагающим наличие у субъекта не только знания языка (языковая компетенция – знание языковых единиц и правил их употребления), но и умения соотносить мысль и слово как на уровне содержания, так и на уровне формы.

Для устного монологического высказывания весьма значимой оказывается именно формальная сторона – акустико-мелодические характеристики речи (тон, тембр, интонационный рисунок, расстановка логических ударений и др.). Принципиальная ситуативность устной речи («я – ты – здесь – сейчас») не предполагает, или почти не предполагает, возможности для говорящего вернуться к уже сказанному, исправить недочёты и ошибки. Именно эти коммуникативно значимые факторы речи, как правило, остаются «за рамками» при подготовке к сочинению / изложению – основным формам работы над развитием речи на уроке русского языка.

Нами разрабатывается авторская программа «Школьное TV» для реализации во внеурочной деятельности обучающихся 7–11 классов. Цель программы – создание комфортной среды для приобретения обучающимися навыков журналистской профессии (тележурналиста, режиссёра, оператора, монтажёра); создание условий для творческой самореализации, а также развитие навыков связной речи, устной монологической и диалогической. В число решаемых прикладных задач программы мы вносим формирование готовности ребят к развёрнутым устным публичным высказываниям на заданную или свободную тему.

Остановимся подробнее на рассмотрении теоретических оснований для разработки некоторых видов заданий, направленных на обучение контролю за формальной – звуковой – стороной высказывания.

Отдельное занятие в рамках программы посвящено жанру интервью. На этапе теоретической подготовки обучающиеся знакомятся со спецификой жанра, целями, задачами, видами и формами проведения интервью. Кроме того, необходимым на этапе подготовки является формирование представления о том, как распределяются роли в диалоге «интервьюер – интервьюируемый».

В этой связи целесообразно познакомить обучающихся с концепцией О. С. Иссерс, представленной в работе «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» [Иссерс 2006]. Исследователь рассматривает диалоговый тип речевых стратегий, в границах которых важным является распределение инициативы в диалоге. Роль интервьюера не ограничивается простым озвучиванием заранее подготовленных вопросов – на него возлагается функция контроля за ходом диалога: «Доминирующий партнёр – это тот, кто способен изменить тему и отслеживать очерёдность ролей. Он контролирует, кто говорит, сколько и о чём» [Иссерс 2006: 207]. Если вопросы для интервью могут быть подготовлены заранее, то ответы на них зачастую представляют собой неподготовленную устную речь. Собеседник может оказаться излишне разговорчивым или, напротив, – немногословным. И любую из этих ситуаций интервьюер должен уметь грамотно скорректировать. В позиции интервьюера важно уметь воздействовать на собеседника: «В структуре диалогического текста можно обнаружить реплики, имеющие специальное назначение – осуществить воздействие на ход диалога. Это реплики метатекстового характера...» [Иссерс 2006: 211]. Умелое использование реплик такого типа может служить сигналом для собеседника о передаче инициативы, может побудить его к определённому смысловому наполнению ответа.

Помимо этого, журналисту необходимо не просто сформулировать вопрос, но и верно озвучить его. Здесь немаловажную роль играет интонация, а также «определённым потенциалом воздействия на адресата обладают варианты ударения и произношения» [Иссерс 2009: 155]. К сожалению, ни на одном из этапов обучения русскому языку как родному не предполагается знакомство ребят с наиболее распространёнными в русской речи интонационными конструкциями.

На занятии, посвящённом интервью, целесообразно познакомить ребят с различными типами вопросительной интонации, развить навыки их использования в рамках коммуникативной ситуации.

Наиболее востребованной в диалоге является интонационная конструкция с вопросительными словами, предполагающая постановку логического ударения: логическое выделение какого-либо элемента высказывания сопровождается и его «голосовым» (повышение тона, увеличение громкости, паузы) выделением. Развить практический навык постановки логического ударения возможно на примере трансформации одного высказывания: последовательное перемещение логического ударения во фразе целесообразно сопровождать комментированием тех смысловых изменений, к которым

приводит изменение интонационного рисунка. Формулируя ответ на вопросительное высказывание, ребята обратят внимание на семантические нюансы:

– ***Ты*** *сегодня поедешь на мероприятие? – Да, я.*

– *Ты* ***сегодня*** *поедешь на мероприятие? – Да, сегодня.*

– *Ты сегодня* ***поедешь*** *на мероприятие? – Да, я поеду.*

– *Ты сегодня поедешь* ***на мероприятие****? – Да, на мероприятие.*

Преимущество диалогической речи определяется её простотой, при этом в организации вопросно-ответных единств большую роль играют устойчивые сочетания слов, реплики-клише, маркирующие тему высказывания, указывающие на «скрытую цитату» или являющиеся сигналом завершения реплики (*что касается…*; *по поводу… могу сказать*; *так сказать*; *кто бы мог подумать, что…* и др.). Набор подобного типа дискурсивных элементов формируется в достаточно длительном процессе речевого взаимодействия, а потому ребятам можно предложить перечень (более или менее широкий) таких структур с заданием – определить их функцию и привести примеры удачного и неудачного использования их в речи (например, наблюдая за бытовой коммуникацией или анализируя телевизионные / радио интервью).

В диалоге наиболее ярко проявляется так называемый универсальный принцип экономии вербальных средств выражения: значительный объём информации может передаваться посредством жестов, мимики, взгляда. Имеющиеся в нашем распоряжении исследовательские материалы, связанные с невербальными средствами коммуникации [Крейдлин 2002], целесообразно использовать в процессе подготовки ребят к интервью. Система практических заданий также может быть построена на материалах словарей с использованием на следующем этапе методов наблюдения и самонаблюдения (варианты заданий: *не используя слов, сообщи собеседнику о согласии / несогласии с его мнением; вырази удивление, неудовольствие* и под.).

На этапе актуализации теоретических знаний предполагается проведение «учебного» интервью, участниками которого являются сами ребята, последовательно меняющиеся ролями. Наиболее эффективным «учебное» интервью окажется в случае его фиксации в аудио- или видеоформате. Это даст возможность пошагового анализа, рефлексии как в рамках одного занятия, так и в рамках всего курса. Совместно с педагогом-наставником оценивается и качество речи интервьюера, и невербальные компоненты коммуникативного поведения; разбираются допущенные ошибки и предлагаются варианты их устранения.

Рассмотренные варианты соотнесения теоретического и практического материала не являются единственно возможными. Как всякий творческий процесс, «Школьное TV» предполагает совместное участие в его организации ребят и педагога-наставника. Идея нашего проекта заключается в расширении используемого в практике формирования навыков устной речи теоретического материала, необходимого для осознанного саморазвития. Только в этом случае ребятам будет интересна совместная работа в проекте.

Литература

Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд. М.: КомКнига, 2006. 288 с.

Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта : Наука, 2009. 224 с.

Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: https://fgos.ru/ (дата обращения: 16.02.2024).

В. А. Леонтьева, магистрантка
Науч. рук.: Л. Н. Чурилина, доктор филол. наук, проф.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ФОРМИРОВАНИИ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОЧЕРКА)

Аннотация. В статье отражён опыт работы с публицистическим текстом на уроках русского языка в 8-9 классах. Предлагаемый аналитико-синтетический метод позволяет подготовить обучающихся к пониманию и порождению текстов определённого жанра. На этапе анализа формируется навык смыслового чтения, на этапе синтеза – навык решения коммуникативной задачи с учётом требований коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: читательская грамотность, смысловое чтение, жанр, путевой очерк, речетворчество, урок-компакт.

В ряду задач, стоящих перед современной системой образования в РФ, наиболее масштабный характер обретает необходимость развития функционально грамотной личности. Ключевым компонентом функциональной грамотности справедливо признаётся умение работать с текстом (в широком толковании этого термина), или *читательская грамотность*. Сформировать у обучающихся умения, связанные с извлечением из текста информации с целью её дальнейшего использования в других видах деятельности, – задача, решение которой очевидно выходит за рамки учителя-предметника. Следовательно, решаться она должна на различных этапах организации образовательного процесса и на разных его (процесса) площадках и уровнях. Однако традиционно за формирование у обучающихся так называемой коммуникативно-речевой культуры несёт ответственность учитель русского языка и литературы.

Работа с текстами различных жанров, сочетающая анализ и синтез (интерпретативную и продуцирующую деятельности), в качестве обязательного условия предполагает не только знакомство обучающихся со спецификой разговорного и книжного стилей речи, но и с достаточно дробной классификацией текстов по регистру и жанровым характеристикам. Достаточный объём предлагаемых образовательной системой теоретических

сведений не всегда сопровождается их применением в практической деятельности: далеко не все речевые жанры вовлекаются в учебный процесс. Особенно «страдают» не-художественные тексты, занимающие в жизни современного человека гораздо большее место, чем художественная литература, интерес к которой у обучающихся с каждым годов становится всё менее очевидным.

В сложившейся ситуации учителю-филологу приходится искать новые способы решения ключевой для него проблемы – развитие у обучающихся навыков продуцирования текстов, как устных, так и письменных (но по преимуществу письменных). Умение порождать связные, формально и семантически, тексты необходимо не только на уроках русского языка и литературы, да и не только на уроках. Это умение сегодня является и условием, и гарантом социальной адаптивности, социальной успешности. Работа с вербальным текстом как с «упакованной» информацией необходима ежедневно и не зависит от выбранной профессии.

Значительную часть информационного поля сегодня занимают тексты публицистические, что определяет необходимость организации работы с ними. С жанрами публицистического стиля (заметкой, репортажем, статьёй, эссе, очерком, интервью и т. д.) обучающиеся знакомятся с 7 класса. При этом отмечается, что организация работы с этими текстами вызывает у учителя трудности, поскольку они не обладают достаточно выраженной стилистической однородностью – могут совмещать черты публицистического и художественного или научного стилей. Но именно в этой стилистической неоднородности видится нам необходимость вовлечения публицистики в практику преподавания филологических дисциплин: в реальной коммуникативно-речевой практике сегодня мы чаще встречаемся не с «чистыми» образцами, но с текстами, интегрирующими разные стили, разные жанры [Ким 2017].

Очерк, на наш взгляд, является недооцененным публицистическим жанром, поскольку обладает большим потенциалом для решения не только образовательных задач, но и воспитания творческой, критически мыслящей личности. Справедливости ради отметим, что многие ведущие методисты рекомендуют использовать очерк в организации уроков русского языка (Т. А. Ладыженская [Ладыженская 1975], Н. В. Кошенкова [Кошенкова 2016], Н. А. Груздева [Груздева 2006], О. А. Усатова [Усатова 2018], К. Ю. Чумак [Чумак 2011] и др.). В последнее время отмечается повышение интереса к этому жанру и у учителей-практиков, о чём свидетельствует появление разработок в профессиональном сегменте сети Интернет. В предлагаемых конспектах уроков русского языка, однако, внимание акцентируется на обучении созданию сочинений в соответствующем жанре. Но в случае отсутствия этапа обучения смысловому чтению образцовых очерковых текстов практически невозможно научить создавать высказывания в соответствующем стиле и жанре [Кулаева 2021]. Осмыслению этой проблемы посвящено проводимое нами исследование.

Знакомство с жанром очерка, его структурой и языковыми особенностями, программой по русскому языку предполагается в 8-м классе. При этом планируется работа с разными вариантами очеркового жанра – портретный, проблемный, путевой очерк. Создание собственного очерка предполагает достаточно глубокое погружение обучающихся в специфику не только очерка как такового, но и в нюансы его организации, связанные с объектом (личность, проблема, впечатления).

Содержание статьи составили варианты разработки уроков, связанных с формированием у обучающихся умения работать с путевым очерком, или путевыми заметками.

Содержание путевого очерка составляет описание впечатлений, полученных автором в процессе перемещения в пространстве. К жанровым особенностям путевого очерка относятся: 1) описание дорожных наблюдений, встреч, событий, свидетелем которых стал автор; 2) рассказ о впечатлениях от нового пространства (страны, города), от общения с людьми; 3) акцент на новизне, неожиданности, эмоциональных оценках. Таким образом, путевой очерк совмещает в себе разные речевые регистры – информативный (факты), изобразительный (описание местности) и реактивный (впечатления и оценки). При этом особое место в художественной части путевого очерка отводится пейзажным зарисовкам. Описание окружающей обстановки (часто – пейзажа) позволяет создать у читателя впечатление «присутствия» в конкретном месте, передать эмоциональное состояние автора-путешественника. Целевая установка автора очерка – заинтересовать потенциального читателя, заразить его своей эмоцией. Задача учителя – показать обучающимся, с помощью каких инструментов автор может достичь поставленной цели.

Решению задачи может способствовать реализация межпредметных связей – применение методики комплексного анализа текста (далее – урока-компакта). В качестве материала мы использовали очерк известного российского журналиста В. М. Пескова «Кормилец севера» [Песков 2003: http]. Рассмотренные нами приёмы работы с текстом рассчитаны на несколько учебных занятий.

Обязательным компонентом урока-компакта является предваряющее чтение знакомство с автором текста. На этом этапе можно заранее предложить кому-либо из учеников подготовить сообщение о личности автора. Чтению предшествует и знакомство с системой вопросов, призванных акцентировать внимание обучающихся на значимых для понимания текста моментах. Примерный вариант предвосхищающих чтение вопросов в нашем случае выглядел следующим образом: 1. Назовите действующих лиц очерка. Кто из них, на ваш взгляд, является главным? Почему? 2. О чем этот текст (какова основная тема)? 3. Какая мысль, с вашей точки зрения, является главной? Почему?

Обсуждение вариантов ответов на предложенные вопросы носит предварительный характер. На следующем этапе предполагается работа с языковым материалом, организация которой строится на системе частных вопросов и заданий аналитического характера: 1. С какими словами и

топонимами, встретившимися в тексте, вы незнакомы? Приведите примеры географических названий; 2. К какому стилю принадлежит данный текст? Обоснуйте свой ответ; 3. К какому типу речи вы бы отнесли прочитанный текст? Обоснуйте; Элементы каких других типов использованы автором текста? Выделите в тексте соответствующие фрагменты; 4. Какой фрагмент является центральным в авторском повествовании? Как развивается сюжет?; 5. Можно ли утверждать, что мысль автора выражена прямо? Обоснуйте. Сформулируйте эту мысль.

Работу с композицией анализируемого очерка целесообразно организовать в форме тезисного плана: обучающимся предлагается разделить текст на части и озаглавить каждую.

На завершающем этапе аналитического чтения необходимо обратиться к выявлению жанровых признаков анализируемого текста: 1. К какому жанру принадлежит прочитанный вами текст? Какие жанровые характеристики вы заметили? 2. К какой разновидности очерка вы бы отнесли этот текст? Выделите фрагменты текста, которые обосновывают ваше мнение; 2. Какую позицию занимает автор текста? Вступает ли он в контакт с читателем и делает его свидетелем происходящего?; 3. Найдите в тексте фрагмент, где автор выражает личные впечатления от природы. Что его особенно поражает? С помощью каких языковых средств он передаёт свои впечатления читателю?; 4. Какое место в повествовании занимает пейзаж? Какую роль играет описание животных?

Работу с языковыми средствами, использованными автором текста, можно проводить на любом из этапов смыслового чтения. В отобранном для работы тексте необходимым является внимание к образным средствам (эпитетам, метафорам, сравнениям), а также к синтаксической организации текста (способам включения в текст разных «голосов»).

В качестве дополнительного задания можно предложить ребятам познакомиться с географией мест, описанных автором очерка (найти описанные локации на карте; привлечь дополнительные источники информации, в том числе и фотографии).

Проведённая аналитическая работа должна стать основой для речетворческого этапа. Варианты организации деятельности обучающихся, которые может использовать учитель, достаточно разнообразны и позволяют учитывать готовность разных групп к креативной деятельности: составить синквейн к данному тексту; проанализировать какими звуками и цветами наполнен текст и описать их; рассказать об одном из своих путешествий. Можно предложить ребятам поразмышлять на тему: представьте, что животные наделены даром человеческой речи; как вы думаете, о чём бы они разговаривали с людьми, что бы они им сказали? Для творческих ребят может оказаться интересным задание подготовить рассказ на тему: «Один день из жизни оленя».

По завершении работы, направленной на смысловое чтение текста, переход к созданию собственных текстов окажется вполне естественным. И на этом шаге обучения нам представляется необходимым использовать поэтапный

подход. Процесс создания собственного очерка членится на несколько этапов: 1) наметить сложный план будущего текста, который будет отражать особенности структуры путевого очерка; 2) сформировать набор ключевых слов, продумать образные средства, в том числе и синтаксические и т. д. Работа может вестись в парах или мини-группах, что позволит ребятам обмениваться мнениями и трансформировать первоначальный замысел.

Обсуждение получившихся текстов позволит сформировать навыки редакторской деятельности, предполагающей критический подход к тексту, а следовательно, формирующий навык смыслового чтения, но уже на новой основе. Формированию у ребят интереса к творческой деятельности послужит предложение создать собственный сборник путевых очерков: реализация этого проекта, безусловно, предполагает выход «за рамки» урочной деятельности. Но функционально грамотная личность формируется не только на уроке.

Предлагаемый вариант работы по формированию читательской грамотности требует смещения акцента в обучении: с освоения теоретических знаний на активное их практическое использование.

Методика комплексного анализа-синтеза текста способствует обогащению опыта работы с речевым материалом, что в целом служит развитию коммуникативно-речевых навыков учащихся.

Литература

Груздева, Н.А. Развитие коммуникативной компетентности старшеклассников при создании портретного очерка: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Екатеринбург, 2006. 282 с.

Ким, М.Н. Очерк: Теория и методология жанра: учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. 168 с.

Кошенкова, Н.В., Миналиева, М.А., Рачителева, Н.А. Работа с текстами публицистического стиля на уроках русского языка в средних классах как средство формирования коммуникативных умений учащихся // Молодой учёный, 2016. № 14 (118). С. 551-553.

Кулаева, Г. М. Развитие читательской грамотности обучающихся при работе с текстом в жанре очерка на уроках русского языка // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки, 2021. № 2. С. 36-41.

Ладыженская, Т.А. Система обучения сочинениям на уроках русского языка (IV–VIII классы). М.: Просвещение, 1975. С. 3-7.

Песков, В.М. Окно в природу, 2003. Libking [Электронный ресурс] URL: https://libking.ru/books/adv-/adv-animal/509950-vasiliy-peskov-okno-v-prirodu.html (дата обращения: 26.01.2024).

Усатова, О.А. Формирование коммуникативной компетентности учащихся 9 классов при работе с публицистическими жанрами (на примере путевого очерка): к постановке проблемы дидактических основ обучения // Новые технологии в обучении русскому языку и риторике. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. 208 с.

Чумак, К.Ю. Развитие коммуникативной компетенции старшеклассников при работе над проблемным очерком: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Иваново, 2011. 188 с.

А. А. Мажауров, магистрант,
О. В. Франчук, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются основные элементы организации проектной деятельности в разных типах учебных проектов. Целью авторов статьи было выявление возможностей использования метода проектов к изучению истории русского языка. Теоретический материал по специфике каждого типа учебных проектов сопровождается примерами проектов и методическими рекомендациями по организации проектной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: проектная деятельность, метод проектов, продукт проектной деятельности, методика преподавания русского языка, история русского языка.

Роль истории русского языка и древнерусской литературы в культурном воспитании современного школьника трудно переоценить. Весь язык пронизан теми явлениями, из которых исторически формировалась и развивалась его система. История языка является ключевым фактором в понимании современных языковых явлений и их причинно-следственных связей. Поэтому обращение к истории формирования языковой системы, изучение этимологии отдельных слов и устойчивых словесных комплексов, а также историко-лингвистическое комментирование языковых явлений помогут педагогу в поиске эффективных методов и приёмов для лучшего усвоения материала и повышения мотивации обучающихся при изучении родного языка.

В современном мире, в эпоху информационных технологий и достижений, основная цель школы заключается в том, чтобы подготовить детей к жизни в условиях постоянного потока информации, научить их самостоятельно получать, обрабатывать и применять знания, а также критически мыслить и делать обоснованные выводы. Проектная и исследовательская деятельность служат важным инструментом для достижения этих целей.

В настоящее время одним из наиболее разработанных способов систематизации учебных проектов в отечественной педагогике является классификация, описанная в учебном пособии Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркиной и др. [Полат 2005: 71-77]. Данная классификация может быть учтена при систематизации проектных разработок, создаваемых в процессе обучения в любой предметной области. Авторы пособия предлагают использовать несколько критериев для дифференциации проектов обучающихся: доминирующая деятельность, предметно-содержательная область, характер координации, количество участников и продолжительность выполнения проектной разработки. В зависимости от типа деятельности, доминирующей в процессе непосредственной работы над осуществлением проектного замысла,

выделяются следующие типы проектов: исследовательский, творческий, ролевой, прикладной (практико-ориентированный), ознакомительно-ориентировочный (информационный).

Исследовательский тип учебных проектов требует глубокой подготовки, заинтересованности всех участников и планирования методов сбора и анализа данных. Такие проекты имеют структуру, схожую с научными исследованиями, включая обоснование актуальности темы, определение целей и методов, выдвижение и проверку гипотезы, обсуждение результатов и поиск направлений для дальнейших исследований.

Примером разработки исследовательского типа может служить проект «Учение книжное в Древней Руси» для обучающихся в 10-х классах. Цель проекта – выявление особенностей изучения родного языка в древнерусской школе: гипотеза – церковнославянский язык с понятным для русского человека правописанием и произношением стал не только языком церковных ритуалов, но и языком просвещения и образования Древней Руси. Основные задачи проекта: изучить литературу и источники по данной теме; выяснить, когда появилась школа на Руси; выявить особенности обучения грамоте в Древней Руси; определить специфику изучения грамматической структуры церковнославянского и великорусского языков в учебных заведениях Московской Руси.

Предполагаемая структура проекта:

1. Введение.
2. Учебные заведения в Древней Руси. Влияние христианства на обучение грамоте.
3. Славянская азбука
4. Основные способы обучения отроков грамоте: чтение по складам и заучивание текстов «Часословника» и «Псалтыри».
5. Обучение письму: церы и берестяные грамоты
6. Появление первых грамматических правил в Московской Руси. Изучение грамматики в школах
7. Заключение.

Ожидаемые результаты: участники проекта познакомятся с историей развития письменности и смогут определить основные методы обучения грамоте, применявшиеся на Русской земле. Обучающиеся смогут рассмотреть одну из рукописных грамматик церковнославянского языка «Книга философскаа о осмихъ частhхъ слова»», в которой средневековый книжник изложил грамматические правила и подробно описал четыре части речи: **имѧ**, **рѣчь**, **причастіє** и **раꙁличіє**. Продуктом данного исследовательского проекта могут стать презентация или стендовый доклад по теме «Учение книжное в Древней Руси».

В творческих проектах часто отсутствует чёткая структура совместной работы участников. Она формируется по мере развития проекта и зависит от его конечного результата, логики деятельности и интересов участников. Важно согласовать планируемые результаты и их представление (например, газету,

видеоролик, инсценировку) и продумать структуру конечного продукта (сценарий, план статьи, рубрики газеты и т. п.).

В рамках творческих проектов может активно использоваться и творчески интерпретироваться информация по истории русского языка. К примеру, обучающиеся 5–6 классов смогут самостоятельно изготовить и написать на древнерусском языке берестяную грамоту, которая станет письмом в прошлое с рассказом о жизни современного школьника.

В процессе работы над творческим проектом «По следам средневековых путешественников» школьники познакомятся с «путевыми заметками» русских паломников и путешественников: «Хождением игумена Даниила» XII в., «Хождением за три моря Афанасия Никитина» XV в. и «Сказанием о Дракуле воеводе» Фёдора Курицына (конец XV в.). Продуктом данного проекта может стать карта с маршрутами путешествий или мультфильм – «виртуальная» экскурсия по местам странствий.

Для учеников старшей школы результатом творческого проекта может быть сценарий квеста или праздничного мероприятия, посвящённого Дню славянской письменности и культуры.

В проектах ролевого типа структура также только намечается и остаётся открытой до завершения проекта. Каждый участник выбирает для себя определённую роль, обусловленную характером и содержанием проекта. Это могут быть персонажи литературных произведений, герои, моделирующие социальные и профессиональные отношения, которые усложняются ситуациями, придуманными участниками. Результаты таких проектов могут обсуждаться заранее или становиться более очевидными уже к концу работы.

Ролевые проекты, ориентированные на историю языка, позволят обучающимся погрузиться в атмосферу определённой эпохи развития русского языка и побывать в роли мальчика Онфима, постигающего азы грамоты; княгини Ольги, мстящей древлянам за гибель мужа; князя Олега, поверившего волхвам-предсказателям и принявшего смерть от собственного коня; непримиримого борца за чистоту православной веры, раскольника-старообрядца протопопа Аввакума и др. Благодаря подобным проектам школьники не только познакомятся с историческими условиями, в которых жили их герои, но и смогут изучить фонетические и грамматические особенности языка древнерусской и великорусской эпох. Продуктом подобных проектов могут стать инсценированные фрагменты, спектакль или видеоролик, подготовленные на материале древних славянских текстов.

Ознакомительно-ориентировочный, или **информационный**, тип проектов первоначально нацелен на сбор сведений о каком-либо явлении или объекте. Предполагается, что участники ознакомятся с представленной информацией, проанализируют её и обобщат обнаруженные факты для широкого круга лиц. Подобные проекты, равно как и исследовательские, нуждаются в тщательно продуманной структуре и возможности регулярной корректировки в процессе выполнения работы.

Проекты данного типа позволят обучающимся собрать информацию об этимологии отдельных слов и выражений, познакомиться с историей

формирования частей речи в русском языке. Так, в процессе работы над ознакомительно-ориентировочным проектом «Этимология названий месяцев в календарях восточных славян» школьники соберут информацию о наименованиях временных промежутков в русском, украинском и белорусском языках и определят, с чем связаны названия месяцев у восточнославянских народов. Результатом проекта может стать иллюстрированный календарь, в котором найдут отражение сведения об этимологии восточнославянской календарной терминологии.

Специфика **практико-ориентированных** проектов заключается в том, что они имеют чётко определённый результат, который заранее согласован с участниками. Обычно он связан с социальными интересами участников и может принимать форму документа, созданного на основе результатов исследования в определённой предметной области, программы действий, рекомендаций для устранения выявленных недостатков в какой-либо сфере жизни и т. д.

В методике преподавания современного русского языка последних десятилетий можно встретить рекомендации по применению этимологического анализа для совершенствования орфографической грамотности учащихся [Глинкина 2006], [Львова 2013]. Если традиционная методика обучения школьников основным непроверяемым орфограммам использовала приём механического заучивания, то некоторые современные методисты и отдельные учителя при изучении трудных слов предлагают применять этимологический анализ. Эта идея может найти применение и в сфере проектной деятельности. Объединение отдельных слов в группы и поиски этимологических связей между ними может быть положено в основу именно практико-ориентированных проектов. Руководитель проекта предлагает учащимся изучить происхождение определённой группы слов, написание которых вызывает затруднения. К примеру, объединение в одно этимологическое гнездо лексем *колесо, кольчуга, колея, коляска, колесница, кольцо, около, околыш, околица, окольный, колобок* в рамках работы на проектом «Вокруг да около» позволит обучающимся сделать вывод, что все эти слова и на словообразовательном, и на семантическом уровнях связаны с существительным *ко́ло,* которое в древнерусском языке имело значение ‘круг’. Выявление этимологических связей позволит школьникам объяснить «непроверяемые» способы написания трудных слов и будет способствовать осознанному воспроизведению языковых единиц на письме.

В русле практико-ориентированных проектов могут проводиться исследования по истории появления тех или иных правил русской орфографии (*Буквы И, У, А после шипящих; Буквы О и А в корне -лаг- / -ложг-; Буквы О и А в корне -раст- / -рос-; Буквы Е и И в корнях с чередованием; Буквы Ё и О после шипящих в корне слова; Буквы И и Ы после Ц; Буквы О и Е после шипящих и Ц в окончаниях* и др.).

Продуктом практико-ориентированного проекта по истории языка могут стать памятка или буклет, содержащие основную информацию о выбранном

участниками орфографическом правиле или группе слов, написание которых вызывает трудности.

Использование технологии проектного обучения открывает безграничные возможности для изучения истории русского языка и приучает обучающихся к бережному и внимательному обращению со словами родного языка. Метод проектов может стать действенным инструментом при выработке у учащихся положительной мотивации к изучению русского языка и развитии сознательного, прочного интереса к родной речи. Выбор типа проекта зависит от цели, которые ставит перед собой учитель, интересов и возможностей участников, а также степени изученности определённой проблемы.

Литература

Глинкина, Л.А. Этимологические тайны русской орфографии: словарь-справочник: ок. 6000 слов / Л.А. Глинкина. М.: Астрель: Транзиткнига, 2006. 381 с.

Львова, С.И. Этимологический анализ на уроках русского языка: пособие для учителя / С.И. Львова. М.: Мнемозина, 2013. 144 с.

Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие для студентов педагогических вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 272 с.

П. А. Мирошина, студентка
Науч. рук.: Е. Н. Деревскова, канд. филол. наук, доц.
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

НЕСОГЛАСОВАННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ: К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Аннотация. Автор характеризует методику преподавания несогласованного определения в школе, анализируя имеющуюся систему изучения темы «Определение как второстепенный член предложения» в рамках освоения раздела «Синтаксис простого предложения». В работе предложены дополнительные материалы для более глубокого изучения школьниками обозначенной темы.

Ключевые слова: синтаксис простого предложения, подчинительная связь, несогласованное определение, синкретизм, система упражнений.

Большинство учёных сходятся во мнении, что «морфология – это застывший синтаксис». Р. И. Аванесов, рассматривая этот вопрос с точки зрения развития языка, вслед за А. А. Шахматовым отмечал: «Каждая часть речи выделилась благодаря тому, что она <…> специализировалась для выражения того или иного члена предложения. Таким образом, части речи – это морфологизованные, застывшие члены предложения» [Аванесов 1936: 56]. Эта мысль учёных показывает неразрывную связь морфологического и синтаксического уровней языка. При этом опыт молодого педагога (пока

незначительный) позволяет говорить, что разграничение частей речи и членов предложения становится одной из самых тяжёлых задач в области преподавания раздела «Синтаксис простого предложения». По результатам одной из проверочных работ в 8 «В» МОУ Агаповская СОШ № 1 им. П. А. Скачкова» более трети обучающихся испытывают трудности при выполнении разбора по членам предложения, так как не разграничивают вопрос к словоформе (морфологический уровень) и вопрос к члену предложения (синтаксический уровень). Самой значимой проблемой при анализе структуры простого предложения становится выделение несогласованных определений.

Предметом рассмотрения статьи является методика преподавания темы «Несогласованное определение как второстепенный член предложения». Задача автора – не только рассмотреть теоретические вопросы, но и предложить систему упражнений, которая, на наш взгляд, будет способствовать качественному изучению темы.

Сложность в характеристике несогласованных определений обнаруживается уже на теоретическом уровне (см. работы: [Акимова 1990], [Валгина 1978], [Валгина 1980], [Норман 1980], [Норман 2021]). Если согласованные определения однозначны по своей синтаксической функции, то несогласованные определения по значению могут быть синкретичны. Степень наложения второго значения (обстоятельственного, объектного) на определительное может быть разной и зависит от характера определяемого имени. Например, отглагольные имена усиливают обстоятельственный и объектный оттенки значения, почти сводя на нет определительное значение. [Валгина, 1972].

Например, в предложении: «Я вспоминаю рассказы *о грозах* в *горах* над этим заливом, похожим на дно голубой чаши» (И. Соколов-Микитов) словоформа *о грозах* совмещает значение определения со значением дополнения. К этой словоформе можно поставить два вопроса, поскольку словоформа сложна по своей семантике: она содержит как атрибутивное значение (*рассказы* (какие?) *о грозах*), так и объектное значение, чему способствует отглагольное существительное (*рассказы* (о чём?) *о грозах*). А в несогласованном определении *в горах* атрибутивная семантика осложняется обстоятельственным значением, поэтому здесь также возможны два вопроса: *о грозах* (каких?) *в горах* (т. е. *горных грозах*) – *о грозах* (где?) *в горах*.

Основными структурными особенностями несогласованных определений, отличающих их от согласованных, являются синтаксическая связь с главным словом (управление и примыкание), неморфологизованный способ выражения, постпозиция по отношению к определяемому слову: «Очумелов делает полуоборот *налево* и шагает к сборищу» (А. Чехов); «До сих пор я ещё не терял надежды *сыскать* дорогу домой...» (И. Тургенев).

Несогласованные определения широко представлены в речи; они продуктивнее, богаче согласованных определений, потому что основное значение осложняется обстоятельственным или объектным значениями. Эти признаки несогласованного определения делают актуальным преподавание в

школе, данной синтаксической единицы, безусловно обогащающей речь обучающихся.

Для анализа системы подачи теоретического материала и его отработки на практике мы выбрали один из самых часто используемых при обучении русскому языку учебно-методический комплекс «Русский язык. 8 класс: учебник для общеобразовательных организаций» [Ладыженская 2015]. Большая доля синтаксиса, в том числе второстепенные члены предложения, изучается в курсе 8 класса. Первое знакомство с понятием *несогласованный член предложения* происходит в теме «Словосочетание», где в параграфе «Синтаксическая связь слов в словосочетаниях» авторами вводятся понятия *подчинительная связь, согласование, управление, примыкание.* Изучение собственно определения как члена предложения происходит через 20 учебных часов, отведённых на освоение главных членов предложения и видов предложений.

На изучение темы «Определение» выделяется один час. Теоретическая база изучения определения в учебнике состоит из подробного описания всех видов определений. В параграфе впервые вводятся понятия *согласованное определение* и *несогласованное определение*. Несогласованные определения, трактуются как: «определения, связанные с определяемым словом посредством управления или примыкания» [Ладыженская 2015]. Определяя синтаксическую связь с главным словом основной структурной особенностью несогласованных определений, авторы учебника вводят всего одно упражнение реконструктивного типа: «Спиши, заменяя согласованные определения несогласованными», остальные – «Спиши, подчёркивая определения / Выпиши словосочетания с определениями».

На основании проанализированных теоретических и практических материалов становится понятно, что обучающемуся сложно в полной мере изучить несогласованное определение, понять богатство его семантики по сравнению с согласованными. Создавшееся положение требует разработки дополнительных материалов.

Так как основой для понимания несогласованных определений являются типы связи в словосочетании, необходимы пропедевтические упражнения при изучении темы «Словосочетание». Как мы отмечали выше, в учебнике представлены задания, направленные на характеристику словосочетаний, в основе которой лежит тип подчинительной связи. Необходимо дополнить эти задания анализом значения синтаксической единицы. Например, «Задание 1. Определите тип подчинительной связи в выделенных словочетаниях и синтаксическую роль зависимых слов: 1. Отлогий *подъём в гору*, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге, показался бесконечным. 2. В десять часов утра, солнечного, жаркого, счастливого, *со звоном церквей, с базаром на площади* перед гостиницей, *с запахом сена, дёгтя* она, эта маленькая безымянная женщина, уехала. 3. Он не спеша встал, не спеша умылся, поднял занавески, позвонил и спросил самовар и счёт, долго пил *чай с лимоном*. 4. Поручик сидел под *навесом на палубе*, чувствуя себя постаревшим на десять лет (И.А. Бунин «Солнечный удар»).

Задание такого типа позволит учителю проработать тип связи в словосочетании, учитывая при этом функционирование частей данного словосочетания на уровне предложения. Обучающиеся смогут увидеть, что зависимое слово в падежной форме не всегда является дополнением, осознают синкретизм словоформ – сочетание определительного и объектного или обстоятельственного значения. В последнем предложении учителю следует поставить обучающихся в проблемную ситуацию – от какого слова завит словоформа *на палубе*: *навес* (какой?) *на палубе* или *сидел* (где?) *на палубе*. Появляется возможность говорить о дуплексиве.

На следующем этапе важным становится отработка навыка реконструирования словосочетаний из согласования в управление и примыкание. Например, «Замените выделенное словосочетание с типом связи согласование на тип связи управление/примыкание: Она надела *шёлковое платье, жемчужные бусы* и лакированные туфли. *Подъездный кот* всегда ласкался к своим и шипел на чужих».

При изучении темы «Несогласованные определения» особое внимание следует уделить изучению форм выражения несогласованных определений, оттенков семантики, синтаксической функции. Целесообразно ввести термин *синкретизм,* показать функционирование синкретичной семантики определений в предложении. Например, предложить материал, где в качестве определений представлены инфинитив или падежные формы существительного. На основе этих примеров уместно проанализировать характеризующую семантику, свойственную определениям.

Закончить изучение подраздела «Определение как второстепенный член предложения» было бы целесообразно исследовательской групповой работой «Согласованные и несогласованные определения в русской литературе разных периодов». Задание интегрирует изученную тему с системой изучения литературных произведений. Разбив обучающихся на 5 групп, учитель даёт им возможность рассмотреть функционирование определений на уровне текстов разных периодов. Это позволит обучающимся проследить количественное соотношение согласованных и несогласованных определений, момент увеличения использования несогласованных определений в художественной литературе, частотность наложения обстоятельственной или дополнительной семантики на определительную.

Литература

Аванесов, Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936. № 4. С. 53-60.

Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.

Валгина, Н.С. О двусторонней синтаксической связи в современном русском языке // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 118-125.

Норман, Б.Ю. К вопросу о двусторонней синтаксической связи // Русский язык в школе. 1980. № 4. С. 84-87.

Норман, Б.Ю. Предложения с несогласованными определениями, их восприятие и понимание // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 269-282.

Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций/ [Л.А. Тростенцова, Т.А. Ладыженская, А.Д. Дейкина, О.М. Александрова; науч. ред. Н.М. Шанский]. 2-е изд. М.: Просвещение, 2015. 271 с.

М. Ф. Сюткина, магистрантка
Науч. рук.: О. В. Дорфман, кандидат пед. наук
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
(г. Магнитогорск, Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ДЕТСКОГО СМИ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

*Аннотация. С*татья посвящена проблеме развития эмоционального интеллекта детей с ограниченными возможностями здоровья. Исследуется вопрос о влиянии медиаобразования, которое выступает одним из видов социально-реабилитационной деятельности. Автор предлагает проект медиашколы для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, медиакультурное воспитание, медиаобразование, медиашкола, эмоциональный интеллект.

В последние десятилетия масс-медиа, медиаобразование становятся основой формирования нового типа культуры личности. Детям с ограниченными возможностями здоровья как неотъемлемой части общества необходимы специальные условия развития, социализации и воспитания. Процесс адаптации у таких детей проходит значительно труднее и длительнее: зачастую они отстают в развитии в эмоциональной, волевой и познавательной сферах, так как психические структуры и функции у них развиваются иначе, чем у здоровых детей [Парышкова 2016].

Обучающийся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) – физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтверждённые психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий (ч. 16 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») [273-ФЗ: http].

В условиях формирования медиатизированного общества, глобальной информатизации всех сфер человеческих интересов усиливается роль и влияние современных информационных технологий на процесс развития детей. Дополнительное образование в рамках медиашколы, организованной на базе учебного заведения, выступает одним из видов социально-реабилитационной деятельности.

Цифровые мультимедийные образовательные ресурсы – важнейшие эффективные инструменты не только обучения, воспитания и развития, но и подготовки детей с ОВЗ к жизни в цифровом обществе, поскольку такие дети нуждаются в постоянном и последовательном обогащении своего

мировосприятия, мироощущения, социального опыта и, что особенно актуально, – в поэтапном приобщении к осознанной деятельности.

Медиакультурное воспитание – это процесс овладения навыками анализа, интерпретации и критического восприятия информации, которая поступает к нам через различные медиа. Оно позволяет развивать у обучающихся навыки критического мышления, эмоционального интеллекта, этики и культуры конструктивной коммуникации. Именно способность эффективно разбираться в эмоциональной сфере человеческой жизни (понимать эмоции и эмоциональную подоплеку отношений, использовать свои эмоции для решения задач, связанных с отношениями и мотивацией) может помочь детям социализироваться.

Степень выраженности искажения эмоционального развития у детей, имеющих отклонения в психофизическом развитии, может быть различной. Но в любом случае это сказывается на поведении ребёнка и на умении регулировать его, а в конечном итоге затрудняет развитие форм самостоятельной адаптации к жизни. Как отмечал С. Л. Рубинштейн: «эмоции не развиваются сами по себе <...> основная задача заключается в том, чтобы надлежащим образом их направить. Это большая по своему жизненному значению проблема» [Веккер 2009: 157].

Федеральный государственный образовательный стандарт ориентирует педагогов на создание условий, открывающих возможности для позитивной социализации и развития ребёнка. Исходя из этого эмоциональное и социальное развитие является одной из актуальных задач осовремененного образования. Эмоции и эмоциональное развитие исследовали отечественные и зарубежные учёные: К. Э. Изард, С. Л. Рубинштейн, П. М. Якобсон, Л. М. Веккер и другие. Они изучали механизм возникновения, формирования и развития эмоций и доказали, что основное развитие эмоциональной сферы происходит детском возрасте.

В настоящее время старшее поколение всё больше занимается физическим и познавательным развитием детей. Родители довольно часто упускают из вида сензитивность в эмоциональном развитии детей с ОВЗ, которая тесно связана с личностным развитием ребёнка, его психологическим благополучием и успехом в социуме.

Учёные пришли к выводу: человек с развитым эмоциональным и социальным интеллектом более успешен в общении, что влияет на успехи в игровой деятельности, в учёбе, профессии. Следствием недостатков развития эмоционального интеллекта в частности и эмоциональной сферы в целом могут стать затруднения в распознавании и описывании собственных эмоций и эмоций окружающих людей, трудности выражения эмоциональных состояний социально приемлемым способом [Божович 2008]. Все эти факторы могут вызывать конфликтные ситуации внутри группы, внутриличностные проблемы, которые выражаются в тревожности, гиперреактивности, застенчивости, агрессивности, замкнутости и т. д., что в целом затрудняет социализацию на разных этапах развития ребёнка [Понамарева 2015].

В связи с тем что главным условием в организации работы детского СМИ, основой которого должна быть реабилитация, необходимо развитие эмоционального интеллекта детей с ОВЗ, в обучение необходимо включать задания, которые направлены не столько на развитие медиапроекта, сколько на работу над эмоциональным состоянием детей и подростков с ОВЗ. Однако подачу материала необходимо осуществлять через призму медиа. В этом случае мы сможем помочь детям с ОВЗ овладеть навыками в основных направлениях медиасферы, сделать акцент на медиакультурном воспитании, а также развить устойчивый эмоциональный интеллект. Это требует комплексного подхода и учёта современных трендов и потребностей обучающихся. Однако данная работа является неотъемлемой частью формирования критического мышления учащихся, развития творческих способностей и осознанного отношения к медиасодержанию, что делает её необходимой.

Если у детей с ОВЗ эмоциональный интеллект будет достаточно развит, то значительно улучшится качество их жизни за счёт того, что они смогут самостоятельно принимать решения, станут более критичными по отношению к собственным действиям и восприятию критики других; у них повысится самоконтроль поведения, появится эмпатия, ребенок лучше узнает себя и будет принимать себя таким, какой он есть. Принятие себя поможет понимать и принимать окружающую действительность, описывать её в журналистских материалах. Следовательно, программа обучения в медиашколе, ориентированная на адаптивные возможности обучающихся с ОВЗ, будет способствовать гармоничному развитию личности ребенка. Медиапроект с включением тренингов для развития эмоционального интеллекта позволит комплексно подойти к медиаобразованию детей с ОВЗ и обеспечит им подготовку к полноценной жизни в обществе.

Литература

Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.

Веккер, Л.М. Психические процессы [Текст] / Л. М. Веккер. М.: Смысл; Академия, 2009. 544 с.

Парышкова, А.О. Особенности формирования толерантности к детям с ограниченными возможностями жизнедеятельности в образовательной среды школы // Социальные и культурные практики в современном российском обществе: материалы научного форума преподавателей, студентов и аспирантов. Новосибирск: НовГПУ, 2016. С. 193-196.

Понамарева, И.М. Толерантное отношение к детям с ограниченными возможностями как одна из составляющих образовательного пространства // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2015. № 1. С. 16-19.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 20.02.2024).

Научное издание

«БЛАГОСЛОВЕННЫ ПЕРВЫЕ ШАГИ...»

Сборник работ молодых исследователей

Выпуск 18

Издаётся полностью в авторской редакции

Подписано в печать 15.05.2024. Рег.№ 42-24. Формат 60х84/16.
Бумага тип. №1. Плоская печать. Усл. печ. л. 15,00. Тираж 100 экз. Заказ 111.

Издательский центр ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 38
Участок оперативной полиграфии ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»